
...НЕПОДРАЖАЕМЫЙ, БЕССМЕРТНЫЙ ЛОМОНОСОВ.
В ВОСТОРГАХ ОН СВОИХ ГДЕ ЛИШЬ ЧЕРКНУЛ ПЕРОМ,
ОТ ПЛАМЕННЫХ КАРТИН ПОНЫНЕ СЛЫШЕН ГРОМ.
Г. Державин
ОГОНЁК
№ 47 НОЯБРЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ
ЛОМОНОСОВ
1711–1765

Тимофея Кирилловича Фандо окружила вся бригада: бригадир вернулся с XXII съезда КПСС.

За работу, товарищи!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 47 (1796)

19 ноября 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ и ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ДЕЛЕГАТ ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ

Где-где, а уж в Минске привыкли к стройке. Однако перемены, происходящие на восточной окраине города, удивляют даже минчан. Словно играючи в огромные кубики, люди складывают с помощью роботов-кранов из сработанных на заводах деталей жилые дома и магазины, детские сады и бытовые комбинаты, школы, кино... Люди тут, конечно, простые, но вместе с тем и особенные. Вот один из них — Тимофей Кириллович Фандо. Идет он по новой, еще не названной улице и отовсюду — с башенных кранов, из окон еще не достроенного дома, из траншеи будущего газопрово-

да,— отовсюду приветствуют его друзья-товарищи. Тимофей Фандо, делегат XXII съезда партии, вернулся из Москвы.

— Здорово, Кириллыч! — первым пожал ему руку Михаил Трясковский. Пока бригадир был в Москве, Трясковский замещал его и теперь не без гордости держит отчет: — В бригаде порядок! Продолжаем работать со съездовскими темпами. Сменные задания выполняем на сто сорок — сто сорок шесть процентов.

— Молодцы! — улыбается довольный Фандо.— Ведь раньше выше ста тридцати пяти не поднимались...

Он хотел сказать что-то еще, но не успел. Его окружила вся бригада.

Каждого интересует свое. Как выглядит Никита Сергеевич? Как Москва? Привез ли брошюру с новой Программой?.. Ну, а Дворец? Хорош? Говорил ли с Гагариным?

Вопросы — ответы. Вопросы — ответы.

— Что привез со съезда?.. Слушая Никиту Сергеевича и других выступавших, я по-настоящему понял, что значит наш общий труд. Каждый из нас — творец своего и общего счастья!

Бригадир широко повел рукой, и все мы вместе с ним еще раз окинули глазами стройку.

— Вот хотя бы изобилие жилья, которое мы создаем. Это тоже частица будущего, частица коммунизма! А ведь это наше обычное дело, дело каждого дня. Съезд научил меня новому отношению к себе, к своей работе...

Третий год бригада носит звание коммунистической. Третий год работают и дружат эти по-особенному простые и замечательные люди. Они досрочно сдают дома. Они непрестанно учатся. Они пытливы и не знают устали.

— А нельзя ли сдавать дом не через месяц, а через двадцать, пятнадцать или даже десять дней?..

Фандо смолкает, задумывается.

— Годовой план за девять месяцев выполнили. А до января дадим еще половину?.. Дадим!

В комплексной бригаде Фандо и звенья комплексные. Получило звено плотничий наряд — и во главе становится плотник. Завтра звено идет на монтаж — и руководство переходит к монтажнику. Такая организация труда и сделала бригаду Фандо передовой среди передовых.

...Тимофей Кириллович отошел на край площадки. Достал из кармана записную книжку. Что-то исправил в записях. Прикинул в уме какой-то расчет. Не заметил, как из книжки выпал листок.

Краснощекая девушка в розовой косынке на лету подхватила.

— Титов! — воскликнула она, возвращая бригадиру открытку.

— Титов-то Титов,— усмехнулся Фандо,— а ты посмотри, что на обороте.

— Автограф! Вот это сувенир! Про эту встречу расскажешь особо, на комсомольском собрании.

— Ладно, расскажу. Помогу тебе, групкомсорг, «оживить работу».— И тут же обернулся к крановщику: — Тридцать четвертую подавай на западный!..

Теперь уже он с головой ушел в работу.

А. ДИТЛОВ,
В. ПОНОМАРЕВ

СЕРДЕЧНЫЕ, ТЕПЛЫЕ ВСТРЕЧИ

Первый секретарь Центрального Комитета КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев, кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов и другие лица, сопровождающие Н. С. Хрущева в поездке, посетили колхоз «Политотдел» в Узбекистане.

На снимке: в детском саду колхоза.

Жители Самарканда горячо приветствуют Н. С. Хрущева.

Перед началом совещания передовиков сельского хозяйства республик Средней Азии, Азербайджана и южных областей Казахстана Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев, прибывший для участия в совещании, знакомился с совхозами, колхозами, научно-исследовательскими учреждениями Узбекистана и Южного Казахстана. В исключительно деловой обстановке прошли встречи Н. С. Хрущева с покорителями Голодной степи, с рабочими первого советского хлопководческого хозяйства «Пахта-Арал», Казахской ССР, с колхозниками сельхозартели «Политотдел», Узбекской ССР.

Осмотр ирригационных сооружений в Голодной степи.

Много творческих раздумий, предложений, планов пробудил в народе исторический XXII съезд КПСС, принявший великую Программу построения коммунистического общества. Сердечно встречая товарища Н. С. Хрущева и сопровождавших его в поездке лиц, труженики полей Узбекистана и Южного Казахстана еще и еще раз подтверждали свою готовность преодолеть все трудности в борьбе за изобилие продуктов сельского хозяйства.

В среду, 15 ноября, в городе Ташкенте начало свою работу совещание передовиков сельского хозяйства республик Средней Азии, Азербайджана и южных областей Казахстана.

В совхозе «Пахта-Арал», Южно-Казахстанской области, Казахской ССР.

Фото Дм. Бальтерманца.

С ВИЗИТОМ ДРУЖБЫ

14 ноября Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев направился с официальным визитом в Республику Судан. Многочисленные представители трудящихся Москвы, собравшиеся на Внуковском аэродроме, тепло и сердечно проводили Л. И. Брежнева в дружественное африканское государство.

Фото Е. Умнова.

Говорит та страна...

Николай РОДИЧЕВ

Говорит та страна, что в сермяге
с заплатами
За сохою брела от межи до межи:
— В чудо-тройку мою подпрягаются атомы,
Широки у народной судьбы рубежи!

Говорит та страна, что под песнями-былями
В лямках-путах брела в свой бурлацкий
поход:
— Даже судна сейчас выпускаем
мы с крыльями,
Потому что обрел свои крылья народ!

Говорит та страна, где светили лучинами,
Засыпая у прялки под трели сверчка:
— Я вселенскую тьму сокрушаю турбинами,
Загораюсь над миром огнем маяка!

Говорит та страна, та дремучая самая,
Что гадала, бросая башмак за порог:
— На большую орбиту выходит мечта моя,
По великой Программе все сбудется в срок!

Говорит та страна, что с недюжинным
рвением
Трудный путь свой в грядущее честно торит:
— Будет сделано все, что завещано
Лениным!..
Вместе с Партией
это Народ говорит!

14 ноября в Кремле вручена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами» выдающемуся государственному и общественному деятелю Польской Народной Республики Остапу Длусскому.

Фото О. Кнорринга.

ДЛ

П. С. МСТИСЛАВСКИЙ,
заведующий сектором экономической статистики Института экономики Академии наук СССР

Важнейшими экономическими проблемами в нашей стране занимается Институт экономики Академии наук СССР. П. С. Мстиславский, автор книги «Народное потребление при социализме», является специалистом по экономике потребления. Наш корреспондент обратился к Павлу Сергеевичу с просьбой прокомментировать положения Программы КПСС, касающиеся общественных фондов потребления.

— К общественным фондам потребления мы относим все блага, и материальные и культурные, которыми мы пользуемся бесплатно или в виде льгот. Сегодня эти фонды составляют примерно одну пятую часть реальных доходов населения, а у работников с меньшими доходами — более одной трети. Если ваша семья, допустим, получает зарплату 200 рублей, то фактически вы пользуетесь благами не на 200, а на 250 рублей или больше. Дополнительно 50 рублей вы получаете в виде бесплатного образования, бесплатной медицинской помощи, льготы за жилую площадь, льготы за путевку в дом отдыха, стипендии вашему сыну, пособий при вашей болезни и так далее. Не будем перечислять всего, ибо список получится длинный. В 1980 году общественные фонды достигнут примерно половины наших реальных доходов, или будут составлять почти 100 процентов к денежным доходам. Согласно Программе КПСС, заработная плата значительно вырастет. Например, вместо 200 рублей семья будет зарабатывать 400 рублей и дополнительно к этому будет получать бесплатно из общественных фондов еще почти столько же. В среднем на душу населения общественные фонды вырастут в 8 раз, а общая сумма реальных доходов — более чем в 3,5 раза.

— Из чего же будут складываться эти бесплатные блага?

— В Программе сказано: «...В городе и деревне будет обеспечено: полное и бесплатное удовлетворение потребностей населения в яслях, детских садах и площадках, в школах с продленным днем, в пионерских лагерях...» Каждая семья будет иметь «...возможность по желанию бесплатно содержать детей и подростков в детских учреждениях». Я думаю, что не менее 75—80 процентов родителей захотят, чтобы их дети воспитывались в дошкольных детских учреждениях, в школах-ин-

Я ЧЕЛОВЕКА

тернатах и школах продленного дня. Тогда, через двадцать лет, вместо нынешних 7,4 миллиона детей в дошкольных учреждениях будет содержаться за счет общественных фондов до 40 миллионов детей. Это с учетом того, что население СССР вырастет приблизительно до 280—290 миллионов человек.

— А сколько школьников, по вашему мнению, будет учиться в школах-интернатах?

— Я думаю, что в будущем широкое развитие могут получить своего рода полуинтернаты, в которых дети будут получать полное суточное питание, одежду, учебные пособия и т. д., но с вечера до утра будут находиться в своей семье. При этом все школьники будут содержаться за счет общественных фондов. Если сейчас таких школьников несколько более 1 миллиона, то в 1980 году школами-интернатами и полуинтернатами будет охвачено примерно 55—60 миллионов школьников.

— То есть можно сделать вывод, что детское население уже будет жить почти полностью за счет общества?

— Да. К тому же следует сказать и о тех, кто выразит желание получить среднее специальное и высшее образование. В Программе говорится: «Сокращение рабочего дня и значительное повышение жизненного уровня всего населения создадут условия для получения высшего или среднего специального образования всеми, кто желает учиться».

— Вероятно, таких, «кто желает учиться», окажется очень много?

— Сейчас в нашей стране 2,4 миллиона студентов. Но через 20 лет нам необходимо будет обучать в вузах, по-видимому, не менее 8 миллионов. Иначе мы не обеспечим наше народное хозяйство специалистами. Прибавьте к этому числу тех, «кто желает учиться». Учтите также, что расходы государства на каждого студента заметно возрастут, так как с каждым годом повышаются расходы на учебное оборудование, материальное обеспечение студентов и т. д. Короче говоря, на полном обеспечении у государства окажется не менее 35 процентов всего населения, в том числе примерно 33 процента — дети и подростки и 2 процента — студенты дневных факультетов.

— А пенсионеры?

— Сегодня пенсионеров около 21 миллиона человек, то есть одна десятая населения. В будущем их доля поднимется.

— Выходит, что пенсионеров по отношению к трудящимся с каждым годом будет все больше?

— Это естественно. Разберем интересные расчеты, сделанные известным советским экономистом-демографом Б. Ц. Урланисом.

Профессор Урланис считает: по самым скромным подсчетам, средняя продолжительность жизни человека может составить 90 лет. На этот счет есть и более оптимистическая точка зрения. Так, академик Струмилин полагает, что человек сможет жить до 150 лет. Академик Богомолец называл число 125—150. Но исходя из сегодняшней статистики, есть основания согласиться с мнением Урланиса. Его подсчеты говорят, что в 1913 году в среднем продолжительность жизни составляла 33 года, то есть смерть отнимала у жизни в 1913 году 57 лет, в 1926 году — 46 лет, в 1954—1955 годах — 26 лет, в 1957—1958 годах — уже всего 22 года. Исходя из этих расчетов можно предположить, что к 1980 году жизнь людей в среднем удлинится еще на 7 лет. А вместе с тем увеличится и доля мужчин старше 60 и женщин старше 55 лет: их окажется приблизительно 45 миллионов, или 15 процентов населения. Всего вместе с пенсионерами за счет общественных фондов будет полностью обеспечиваться по потребностям половина всего населения.

— Значит, все общественные фонды уйдут на «малых и старых»?

— Нет. Ребенок или старик не потребляет столько, сколько рабочий, колхозник, служащий. Есть интересная таблица, показывающая разницу в потреблении людьми разного возраста. Кстати, взглянув на эту таблицу, вам нетрудно будет определить, как, примерно, распределяются и ваши семейные расходы. Если принять за единицу потребление одним рабочим (питание, одежда, жилье и прочие расходы), то окажется:

Ребенок	до 1-го года	потребляет	— 0,14
»	1— 3 лет	»	— 0,25
»	3— 7 лет	»	— 0,41
»	7—11 лет	»	— 0,51
»	11—15 лет	»	— 0,74
»	15—18 лет	»	— 0,89
Люди пенсионного возраста		»	— 0,89

Поэтому если дети и старики составляют примерно половину населения, то они потребляют около трети всех материальных и культурных благ общества. И соответственно в 1980 году на них уйдет две трети всех общественных фондов потребления. Оставшаяся треть общественных фондов пойдет на удовлетворение потребностей работающих. Сюда входят бесплатное медицинское обслуживание и пользование медикаментами, бесплатное жилье, бесплатные коммунальные услуги (вода, газ, отопление), бесплатное пользование коммунальным транспортом, бесплатное пользование некоторыми видами бытового обслуживания, домами отдыха, пансионатами, туристическими базами.

— Сюда же входит и бесплатное общественное питание?

— Это очень существенная статья в расходах общества. Ведь в будущем питание по стоимости составит примерно 1/3 всех расходов на народное потребление. А около половины стоимости всего питания составляют обеды. Следовательно, на обеды придется 15—16 процентов общих реальных доходов трудящихся. Считается, что стоимость обеда в нынешних ценах будет равна 80—90 копейкам, так что одни только бесплатные обеды дадут каждому трудящемуся осязаемый реальный доход.

— Сколько выгоды получит трудящийся от бесплатной квартиры?

— Сейчас месячное содержание 1 квадратного метра жилья обходится государству более чем в 30 копеек. Уже теперь мы уплачиваем за квартиру менее 1/3 стоимости ее содержания. С улучшением жилищных условий, как это предусмотрено Программой, квартира будет обходиться государству более чем в 40 копеек за квадратный метр. Но так как на одного человека будет приходиться 12—15 метров жилплощади, то в итоге от бесплатного пользования квартирой каждый трудящийся получит реальный доход 5—6 рублей в месяц. Прибавьте сюда бесплатную воду, газ, отопление: еще по одному рублю на человека в месяц. Но и этим не исчерпывается реальный доход, получаемый при бесплатности жилища. Надо не забывать, что на жилищное строительство государство затрачивает более 100 рублей на квадратный метр жилой площади. И это тоже бесплатно для трудящихся. Итак, если подсчитать все эти «мелочи», то и получится, что член коммунистического общества 1980 года примерно половину своих потребностей будет удовлетворять за счет общественных фондов потребления.

— Может возникнуть вопрос: зачем давать бесплатную квартиру, бесплатное лечение, бесплатный транспорт и так далее? Не проще ли увеличить зарплату как раз на столько, чтобы покрывать все эти расходы?

— За рубежом раздаются именно такие голоса. Буржуазные экономисты говорят: бесплатное пользование теми или иными материальными или культурными благами есть не что иное, как введение натурального распределения взамен денежного. Поэтому, мол, населению это ничего не дает. Это неверно. Бесплатность означает изменение принципа распределения. Если моя зарплата в полтора раза больше, чем ваша, значит, я пользуюсь в полтора раза большим количеством материальных благ. И обед у меня будет в полтора раза лучше, и костюм в полтора раза дороже, и квартира и т. д. Я буду жить в полтора раза лучше, чем вы. Но если общество будет нам обоим давать бесплатную квартиру, бесплатный обед, бесплатные путевки в санаторий, мы будем пользоваться бесплатным транспортом, то это значит: мы оба будем этими благами пользоваться одинаково. Или даже вы сможете, если вам понадобится, получать их в полтора-два раза больше, чем я. Например, если вам надо, вы сможете больше пользоваться транспортом, чаще лечиться в санаториях, больше есть за обедом в общественной столовой и т. д. В результате разница между высококвалифицированными категориями работников и менее квалифицированными категориями сократится. Вы, наверное, устали от цифр. Но раз мы затронули такой вопрос, надо еще раз воспользоваться их помощью.

Предположим, вы сейчас зарабатываете на себя и ребенка 100 рублей в месяц, а я 150, то есть в полтора раза больше. Обоим нам из общественных фондов достается поровну (хотя, как правило, у нас низкооплачиваемые категории получают из общественных фондов больше). Сегодня это 25 рублей. Итак, ваш реальный доход 125 рублей, мой — 175. Уже не в полтора раза больше! Считаем дальше. Через двадцатилетие вы будете получать — с учетом повышения заработной платы — 250 рублей, а я — так как у нас осуществляется сокращение разницы в оплате труда работников различной квалификации — 300 рублей. Оба мы будем пользоваться бесплатными благами еще на 200 рублей. Таким образом, ваш реальный доход составит 450 рублей, мой — 500 рублей. Итак, полуторная разница сократилась до разницы в 10—12 процентов.

— А не получится ли так, что в результате подорвется принцип материальной заинтересованности работников? Ведь в Программе сказано, что он, этот принцип, сохранит свое значение на весь двадцатилетний период.

— Надо не забывать, что примерно две трети общественных фондов пойдет на удовлетворение потребностей детей и пенсионеров. Разница в денежной оплате труда сохранится еще значительная. При этом заработная плата будет расходоваться на такие предметы, которые имеют для работников наиболее стимулирующее значение.

Рост общественных фондов, распределяемых бесплатно, по потребности,— это и есть коммунистический путь повышения народного благосостояния. При полном коммунизме все потребности будут удовлетворяться бесплатно, за счет общественных фондов. Это и есть наиболее справедливое распределение, обеспечивающее полное экономическое равенство людей, распределение по принципу — от каждого — по способностям, каждому—по потребностям. Во имя этого светлого завтра мы должны уже сегодня, каждодневно упорно трудиться, трудиться не покладая рук. Путь к великой цели лежит через труд. «Коммунизм,— говорил товарищ Н. С. Хрущев,— можно построить трудом, трудом и только трудом миллионов».

На колес

Трансъевропейский нефтепровод «Дружба» будут тянуть из-за Волги с приисков в район Куйбышева. Он пройдет по территории Российской Федерации, по белорусской земле и там, где город Мозырь,— раздваивается: одну ветвь потянут дальше по Белоруссии, мимо Бреста, к границе с Польшей, другую — по Украине, по Львовской области, через Карпаты, мимо Мукачева, Ужгорода — к Чехословакии. Поляки проложат трубу по своей стране до самой границы с ГДР. А немцы поведут трубу от польской границы на свои предприятия. По Чехословакии нефтепровод подойдет к Братиславе на нефтеперерабатывающий завод, а затем дальше, к городу Мост. Чехи построят ответвление к венгерской границе. Таким образом, волжская нефть будет питать химические и нефтеперерабатывающие заводы Чехословакии, Венгрии, Польши, ГДР. Но по дороге эта нефть попадет также и на наши предприятия — на заводы РСФСР, Белоруссии, Украины! Это будет самый длинный, самый мощный нефтепровод в мире.

Строительство всей этой сложной системы должно быть закончено в конце 1963 года. Все пять стран, строящие нефтяную магистраль, помогают друг другу оборудованием, машинами, технической консультацией, опытом.

Нефть, которая пойдет по трубе, будет стоить в три, три с половиной раза дешевле, чем при ее транспортировке по железной дороге.

Чехословаки начали строить свою линию нефтепровода осенью 1959 года. Они протянули трубу от советской границы к Братиславе — 402 километра. На советской территории строительство магистрали началось ранней весной 1961 года. Трубу повели от города Броды к чехословацкой границе (пока в Броды волжская нефть будет доставляться цистернами). Обычно принято начинать вести трубу от прииска, но на этот раз решили сначала пробить самый трудный, самый сложный участок трассы — Карпаты. Он сложен не только своим рельефом, но и тем, что здесь пересекают магистраль множество инженерных коммуникаций. Советским строителям приходилось работать в тяжелых условиях. Но они были оснащены первоклассной техникой. И пришли сюда, на Карпаты, опытнейшие прокладчики нефтяных и газовых магистралей. Они протянули трубу из Брод к границе — 324 километра — в рекордно короткий срок. Это был подарок XXII съезду партии.

Мы публикуем репортаж нашего специального корреспондента, который был на Карпатах в самый разгар строительства, а затем присутствовал при стыке трубы на границе, где встретились советские и чешские строители нефтепровода «Дружба».

Мария БЕЛКИНА

1

Дорога. Колеса накручивают километры... Сколько их пройдено за день? Двести, триста, пятьсот...

— Ночевать будете в Мукачеве?

— Нет.

Значит, опять кружить до субботы... Меланхоличный водитель Иосиф вцепился глазами в дорогу. Дорога то поднимается в гору, то сбегает с горы. Слепит белый от солнца асфальт. Слепит белыми камнями русло реки. Орява прижала дорогу к подножию горы, петляет, выписывает восьмерки. Ущелье. Гора. Снова вверх, снова вниз. Серпантином кружат белые столбики с черными перехватами — перевал. И опять ущелье и опять перевал. Там, за вторым перевалом, живет Иосиф. Сколько раз за это лето он проносился мимо родного дома, даже в окне не увидев своих...

— Как дойдем до границы,— говорит Иосиф,— брошу баранку.

Я знаю, он облюбовал себе домик обходчика. Должно быть, мечтает оседлать лошадку, и пошел шагом, не торопясь, никуда не летя, вдоль реки по горам.

Верховина, мати моя...

Где-то у самой макушки лесистой горы поляна. Там, на поляне, стогуют сено. Кто-то подпер стог жердями, опрокинул его, и он катится вниз, пыля. Должно быть, с такой «верховины» иначе сено не вывезти. Это не там поют. Там, на поляне, люди кажутся с дороги игрушечными человечками. Это голоногие, черноногие туристы поют, взбираясь по тропке над шоссе. По шоссе несутся машины с горбами на крышах: палатки, раскладушки, тюки. Москва, Ленинград, Таллин, Одесса... Карпаты — излюбленное место туристов. Пронеслись табуном «Татры» — экскурсия из Чехословакии. А навстречу красный флажок сигналит — негабаритный груз: на платформах тянут ржавые плети труб. А навстречу на грузовике примостился водооткатчик на гусеничном ходу, обмотанный гофрированными шлангами, как какое-то марсианское сооружение.

— Ты куда? К Кравченко? — кричит инженер, высовываясь из машины.— Давай быстро, там опоры заливает, цементировать надо.

И опять дорога.

— Алло! Эй! — И из кабины грузовика выскакивает человек в синем комбинезоне, круглоголовый, светловолосый, голубоглазый.— Георгий Николаев!—подбегает он к машине.— К первому станем, труба вся...

Инженер и начальник колонны Радзинский примостились на обочине на корточках и ведут разговор. А мимо мчатся туристы и, должно быть, думают, что эти двое обсуждают маршрут.

— Вы где сейчас?

— Тысяча сто сорок четвертый пикет засыпаем. Тут что за работа? Через две плети кривая! Эту чертову Оряву шестнадцатый раз переходим на двадцати восьми километрах. Последнюю эстакаду ставим.

И опять дорога. И опять колеса накручивают километры.

А где-то — где именно: там, под облаками, или с бука на бук по листве, с горы на гору, или там, где петляет Орява,— несутся позывные. Это разыскивают главного инженера пограничного участка трассы Яшева.

— Говорит шестерка, говорит шестерка. Двойка, ты что там, романы читаешь?

— Ну и читаю, а что?

— Яшева у вас нет? Его комиссия из Москвы разыскивает, из Главгаза.

— Был утром. Теперь с ветерком ищи. Может, в «Туристе»...

— Как у вас там, дует?

— Как в трубе. Ущелье, хоть тулуп надевай!

— А у нас тридцать градусов.

— Везет же!..

— Алло, алло, говорит «Дружба»! Дайте «Турист»! «Турист», посмотрите, там Яшева на мосту нет? Не видно. Четверка, четверка! Яшева у вас нет? Пусть посмотрят на насосной! Что, сами ждете? Где же он есть?

Яшев давно уже свернул с шоссе. Они с начальником колонны Яковенко обсуждают, как тот будет «делать гору». Гора крутая, глинистая. Как заводить туда трубу, как поднимать механизмы? «Якорить» придется. Сверху вниз тянуть.

И опять дорога. Опять туристские машины, мотороллеры, голубые автобусы «Львов — Хуст», «Ужгород — Львов». И вдруг стоп — дорога перекрыта. Человек с красным флажком на дороге. Зеленая машина с решетками и красной полосой на кузове — взрывники. И на целый километр выстроились «Победы», «Волги», «Москвичи». Подкатил «КрАЗ» — кран-тяжеловес — и стал в хвосте.

Крановщик молод, хорош собой — загорелый, белозубый. И девчонка из Эстонии с хвостом на макушке наставляет на него аппарат. Он привык. «Киношники» из Москвы и из Киева снимали его и в профиль и в фас и прозвали «туристом».

Что же, он на своем «КрАЗе» больше любого туриста путешествовал. И на Кавказе был, в Тбилиси, Ереване. И где он еще только не побывает! И он смотрит спокойно, уверенно из-под пушистых ресниц, сдвинув кепку набок. А девчонка почему-то краснеет. И неуклюже, как цапля, ступая длинными ногами, торчащими из-под короткой накрахмаленной юбочки, лезет в «Победу».

А на горе взрыв, еще взрыв. И на лужайке, рядом с шоссе, там, где выстроились полукругом вагончики, мальчишки кричат, когда взрыв глухой: «Хорош!» А когда

...И потянулась труба.
Фото И. Белова.

звонкий: «Халтурщики! Вхолостую пустили!..» Там, у реки, за поляной, дымит труба над баней-вагончиком. Видно, как в вагоне-столовой повариха вынимает продукты из холодильника «ЗИЛ». Женщина снимает белье с веревки. В коляске заплакал ребенок. Там свой быт, своя жизнь. И курица-одиночка бродит среди тоненьких беленых березок — только недавно посажены зачем-то здесь, в лесу, за штакетником, который огораживает вагонный городок. У ворот городка два щита: «Здесь живет и работает механизированная колонна № 3 строителей нефтепровода «Дружба» — написано на одном, а на другом: «Дал слово — сдержи его!..»

2

Дорога... Бежит вдоль дороги труба. То исчезнет за поворотом, то вдруг выстрелит с горы на гору тугою серебряной стрелою. То небрежно перекинется по мосту, то нырнет под шоссе, то, глядишь, уже с другой стороны дороги зарылась в гору, и только земля вздыбилась там, где она карабкается вверх. А вот уже снова пошла перескакивать через Оряву по жердям эстакад, блестя серебром, дразнясь,— все равно ведь не счесть, сколько раз промелькнет, все равно не заметить, где исчезнет, где вынырнет, обгоняя машины.

— Вписалась в пейзаж,— говорит турист, щелкнув аппаратом.

Вписалась... Но так ли уж просто, так ли легко было «вписывать» ее в этот пейзаж? 101 раз пересекла труба автомобильную дорогу. 15 раз прошла под железнодорожным полотном. 71 эстакадный мост был построен. 4 подвесных. Только одной земли переворочали более полутора миллионов кубов. А подъем на крутизну, а спуски, овраги... И все это в рекордно короткий срок. Полтора года должны были тянуть нефтепровод. Броды — граница. 324 километра! А люди взяли обязательство выполнить эту работу за шесть месяцев, к XXII съезду партии!

«Дал слово — сдержи его!..»

Шли взрывники. Взрывали горы. Бульдозеристы делали «полки» в горах. Экскаваторщики прорывали ложе для трубы. Трубовозы везли ее со стеллажей, где сваривались плети. И потолочники, эти величайшие мастера своего дела, уже на трассе, на весу, сваривали плети в длинную нить. И труба лежала на бровке траншеи, вытянувшись километра на два, полтора. Еще не ухоженная, не прибранная, рыжая, ленивая, как опившийся дождями гигантский червь. А потом приходили трубоукладчики, поднимали трубу, надевали на нее очистную машину. Крутились щетки. Вздыбалась ржавая пыль. И труба выходила из машины, покрытая грунтом, лаковая, черная. А потом изоляционная машина обволакивала ее горячим битумом и две катушки пеленали ее бумажными лентами, как искусные повивальные бабки. А потом, если грунт был скальный, привозили мягкую землю, насыпали в траншею подушку, а потом трубоукладчики осторожно опускали трубу, а потом присыпали ее, а потом бульдозеристы засыпали ее. А потом продували ее, чтобы в ней не остались земля и вода...

— Вы, собственно говоря, кого собираетесь отражать? — спросили меня во Львове, куда я прилетела.— Если, допустим, строителей, то вам надо СУ-7 или СУ-1. Ежели монтажную организацию, то СУ-12, СУ-14. Землеройщиков, допустим,— СУ-9. Связисты— это трест № 8. А мостовики обратно СМУ-10...

— Я хотела бы в штаб стройки, чтобы всех сразу увидеть.

— Это вы, значит, первый раз на нефтепроводе! Какой здесь может быть штаб! Ежели вам взрывники...— И человек кричал в соседнюю комнату: — Слушай! Рыбальченко где стоит? Строители-то я знаю где. И опять же какая колонна вас интересует? Если Радзинский, к примеру, это в одном месте, а Авраменко — обратно километров за сто пятьдесят— в Чинадееве.

— Да отправь ты ее на трассу! — крикнул тот, кто сидел в соседней комнате.— На дороге сориентируется, поймает колеса...

На дороге я поймала Яшева. Мы неслись за ним с львовским водителем, отчаянно гудя и размахивая руками. «Газик» остановился. С одной стороны высунулся удивленный Иосиф, с другой — на дорогу соскочил невысокий, крепко сколоченный человек с загорелым широким лицом, волевым раздвоенным подбородком и черными, круглыми, как вишни, глазами. Я тогда не знала, что глаза у него карие, а черными становятся, когда он расстроен или злится. Должно быть, не очень-то его обрадовало мое появление.

— Штаб стройки? — сказал он.— Ну, что ж, если хотите, это и есть штаб.— И он показал на свой «газик».

Так я и начала кружить по трассе, гоняя из конца в конец. 324 километра! Пожалуй, слишком длинно для одного короткого репортажа. Но что было делать! И каждый раз, когда мы с инженером находились по эту сторону перевала, где стояли колонны Радзинского и Кравченко, мне казалось, что самое интересное происходит по ту сторону перевала, где работали колонны Невгода, Яковенко, Авраменко. И наоборот. Наверное, это так и было.

3

Дорога... Туристы загнали машины в ложбину. Разбили палатки. И кто-то уже с удочкой ловит форель. Гора. На горе жнут серпом рожь. Туда не поднимешь машины. Горы. Леса. Здесь живут лесорубы. Рожь — это там! Здесь главное — лес. По дороге летит грузовик. Повариха прижала ногами к борту ящики с пивом, с фруктовой водой. Бидоны с борщом и жарким укутала одеялами.

— Давай сначала на перевал, к нам потом! Мы засели в болоте!

Засела и я. Радзинский обещал мне рассказать о людях.

— Коллектив у нас замечательный. Мы ведь вместе уже с 1948 года на трассах. Как цыгане, кочуем. У нас и дети родятся на трассах. Семьи только на зиму уезжают в города... Дашава — Киев тянули газопровод. Тогда еще Никита Сергеевич был в Киеве, принимал нас. Брянск, Москва, Чкалов, Куйбышев, Пермь, Тбилиси, Ереван — география! Еще то интересно, вы заметили: на трассе у нас все национальности есть. Были в Азербайджане — Володя Ахмедов, крановщик, к нам пристал. Из Армении увели братьев Погосян. Тамара Ковалева, врач,— белоруска. Говорят, уже здесь бабенка одна из колонны Кравченко увела парня, местного. Теперь с нами дальше пойдет. Вот наденем машины на трубу, перейдем овраг, я вам все расскажу. Вы пока посидите в тенечке.

Сижу час. Сижу два, три, четыре...

— Алло! Эй!

Кричит Радзинский, сам тянет трос, вскакивает на лебедку, вытягивает трубоукладчик, который завяз в болоте, в овраге. Завязла лебедка. Подгоняют трактор. Кто-то шутит:

— Бабка за дедку, дедка за репку...

Здесь не понять, кто тракторист, кто машинист очистной машины, кто работает на трубоукладчике. Здесь все подменяют друг друга, все знают все машины. И вскакивает на машину тот, кто стоит ближе. Наконец вытянули трубоукладчик. Вытянули лебедку. Завяз в болоте гудронатор — цистерна с горячим гудроном.

— Эх, невезуха!

Потом долго не могут надеть на трубу очистную машину, потом изоляционную. Заработала наконец очистная. Пошла изоляционная, но очень высок угол подъема, а машина приспособлена для работы на ровном месте. Расплескивается горячий гудрон. Машина неустойчива, опрокинулась, потянула за собой трубу, труба накренила трубоукладчики, которые держали ее на кранах на весу.

— Проклятый овраг! Полдня, а всего прошли каких-нибудь тридцать метров. Ничего, мы наладим! А вы отдыхайте. Красота-то какая! Карпаты! Кислород первый сорт!

Когда приехала повариха, я вскочила в машину — и на перевал. Там сегодня пробивают проход под шоссе. Я давно уже хотела повидать Грицая, шахтера с Волыни. Но вчера вечером я приехала к вагончикам, а он ушел в горы с женой за малиной.

Дорога бежит по скале. И скалу эту надо пробить, протянуть под дорогой трубу. А скалу не берут машины. Взрывать нельзя: дорога. Под нее вбили железный патрон диаметром в метр, и в этот патрон привычно, как в штрек, лезет Грицай с отбойным молотком. Не удалось побеседовать. Он наскоро проглотил обед.

— Сегодня надо закончить! — И исчез в трубе.

«Дал слово — сдержи его!» Все торопятся. Всем некогда! Я хватаю попутные «колеса» — и в «Турист». Там, напротив гостиницы, через реку, когда-то ковпаковцы пускали под откос немецкие эшелоны. А чуть подальше гора, где работала подпольная большевистская типография. И типографщик, молодой парень, взорвал себя и типографию, когда польские жандармы хотели ее захватить. Мы давно уже строили пятилетки, а здесь, в этих местах, коммунистическая партия была в подполье, и все еще шла борьба за воссоединение с Украиной...

Сейчас во дворе «Туриста» на плечиках сушится на ветру чья-то нейлоновая рубашка, выполосканная в реке. А на реке идет «бой», скрежещут камни под гусеницами тракторов, трубоукладчиков. Володя Ахмедов своим «КрАЗом» перегородил реку. Ее три раза перегораживали, делали плотины, отводили русло, когда ставили опоры. Сейчас уже эстакадный мост готов, и на него заводят неповоротливую, тяжелую стодвадцатиметровую трубу. Ее надо не только положить на эстакаду, но и надо, чтобы конец ее прошел в патрон под железнодорожным полотном. И пока эту трубу подтягивают, пока поднимают, пока она выворачивается, не дается, извивается, по рельсам катят цистерны с нефтью. Состав за составом идут здесь и ночью и днем, везут нефть в Чехословакию. Скоро освободится дорога, освободятся и цистерны, и нефть пойдет по трубе.

А сейчас по пригорку мечется начальник колонны Кравченко. Крика не слышно. Кравченко, как дирижер, дирижирует всеми трубоукладчиками и кранами.

— Поедемте на Латорицу, мне надо туда на мост,— говорит Яшев.

Поедем. На мост мне не надо. Но я надеюсь разговорить инженера. Сколько мы уже с ним ездим по трассе, а я ничего не знаю о нем. В машине всегда кто-то есть и идет разговор: «На таком-то пикете надо ставить щиты», «На таком-то пикете разработать карьер», «Придется врезать колено», «Тысячу двести колен уже врезали» и т. д. и т. п.

Сегодня утром инженер случайно обронил — к слову пришлось,— что он воевал на Волге. Его засыпало взрывом, контузило, переломило обе ноги. Восемь месяцев пролежал в госпитале. К строевой уже был негоден, но довоевал войну — обслуживал аэродромы. Вот сейчас я и наведу разговор на госпиталь, «потяну за ниточку», и, может, начнет разматываться клубок! Но в машину садится молодой строитель, мы его третьего дня подвозили уже за полночь к нему домой. У него недавно родилась дочка. Жена привезла ее из Одессы. А он никак не может увидеть, какие у дочки глаза: приезжает—она спит, уезжает — она спит...

— Потолочников надо бросить на захлест.

И пошло, и пошло... А по доро-

ге навстречу трубовозы. Их покрасили специально для цветного кино. И Саша Ульянов, молодой оператор, москвич, привязанный к кабине веревками, висит где-то в воздухе с аппаратом и снимает на ходу, чуть ли не из-под колес, нужный ему кадр. А навстречу курносый «УАЗ» с красными крестами на боках. Это врач трассы Тамара Ковалева объезжает вагонные городки. А навстречу на грузовике, крытом белой парусиной, тетя Настя — хоздесятник. Конечно, она читает. Она всегда читает. Как их колонна приедет в какой город или село — тетя Настя сразу в библиотеку. Сейчас она увлекается Лацисом. Решила прочесть собрание сочинений. Она уже пожилая, солидная, и вид у нее домовитый. «Что вы, сидеть на одном месте! Да я бы с тоски умерла! Я одинокая... Ну, да кому что, а у меня в этом жизнь: книги и с места на место».

На пригорке, у оврага, где увяз Радзинский, дежурит молоденькая фельдшерица, совсем еще девчонка, целый день дежурит. Такая работа. А вдруг надо помощь оказать? Девчонке, наверное, было бы куда веселее, если бы тот долговязый парень, что, оседлав «воздушку», красит трубу серебряной краской, был бы не за десять километров...

— Это что за овраг! — говорит Яшев, когда мы проносимся мимо.— Вот Кравченко в мае досталось! Вам говорили про Зуб?

Зуб — гора. Ее нет на карте. Ее так назвали те, кто бился на ней, кто брал ее штурмом. Она отвесно поднимается в небо, скала, покрытая глиной. На нее с трудом загнали трубоукладчики. И их «якорило» по нескольку тракторов, чтобы они не перевернулись, не слетели вниз, под откос. Очистную и изоляционную машины поднять на гору было нельзя. Трубу пришлось делать вручную. Три километра — подъем, спуск. Щетками чистили, поливали из лейки горячим битумом, полотенцами подхватывали, чтобы он не стекал, пеленали бумажными лентами. А май был дождливый, в траншеях по колено стояла вода...

— Алло!

Это нас догоняют «киношники», они закончили съемку и едут обедать.

— Вы пропустили самое интересное! — кричат они. — Утром Невгод переходил по воздуху над оврагом с горы на гору.

На другой день на планерке Невгоду влетело: не соблюдает технику безопасности.

Впрочем, такие переходы совершают во всех колоннах, и об этом знают и в Москве, в Главгазе. Если труба перекинута с горы на гору, то очистная и изоляционная машины, надетые на трубу, движутся по воздуху, над оврагом, и часто очень глубоким, а на машинах люди...

Интересно, а почему на трассу не доставляют трубу, уже «одетую»? Насколько бы это облегчило и упростило работу! Говорят, уже в 1958 году было постановление, чтобы трубу очищали и «одевали» на заводах. Почему же этого не делают ни Челябинский, ни Харцызский заводы — поставщики труб?!

...Река Латорица. Подвесной мост. Там еще только ставят опоры.

— Неужели успеете?

— Почему неужели? Конечно, успеем! Дал слово — сдержи его!

...В вагоне-столовой идут экзамены. Здесь заседает квалификационная комиссия, председатель которой Яшев. Тракторист сдает на машиниста изоляционной машины. Машинист очистной машины — на водителя трубоукладчика. Бульдозерист — на машиниста изоляционной машины. И Радзинский, член комиссии, принимает экзамены у своих. Он задает вопросы, но сам волнуется больше, чем экзаменующийся.

А за окнами уже звезды, луна... Удивительно, даже успевают учиться, экзамены сдают. Даже ездят в город на концерт...

4

Утром снова дорога. Ущелье. Перевал. Поворот. Снова вверх. Снова вниз. Деревушки, города, вагончики. «Дал слово — сдержи его!» Скоро придут тягачи, потянут вагончики на новое место. И на лужайках останутся только клумбы и тоненькие беленые березки, которым будут удивляться проезжие — откуда они здесь вдруг взялись? Снова дорога, другие поселки... Все разворочено, перерыто. Грузовики, самосвалы, доски, камни, цемент.

— Здесь сердце нефтепровода. Насосная станция, — объясняет мне Яшев, шагая по неоштукатуренному залу.— Отсюда нефть будет перекачиваться через все перевалы в Чехословакию.

Неужели успеют построить? До пуска осталось так мало времени! Но я уже не задаю вопросов... А дальше Радзинский засел в новом овраге. Яковенко берет с боем гору. Кравченко несется выбирать новое место для колонны. Он уже закончил работу на своем участке. А в ущелье, где дорога зажата горами, — там на самом крутом косогоре братья Погосян делают «полку». Там гудят два бульдозера, идут по самому краю обрыва, один за другим, срезая землю ломтями и сбрасывая ее под откос. Когда гусеницы бульдозера младшего брата повисают над пропастью, старший дает гудок. Он сам сделал этот сигнал, и сирена ревет, отдаваясь эхом в ущелье, пугая туристов и коз.

А дальше? Дальше последняя гора около Мукачева.

На горе бульдозер врезался ножом в землю — «якорит» экскаватор, который на тросе спускается вниз, под откос. Экскаваторщик Михаил Михайлович Будник — огромный человек весом в сто двенадцать килограммов. Он, смеясь, рассказывает, что все, глядя на него, думают: «Номенклатурный работник! Столько веса, а всего лишь экскаваторщик!»

Вокруг экскаватора бегает Саша Ульянов с киноаппаратом. Откуда он будет снимать Михаила Михайловича — из-под гусениц, со дна траншеи? На Будника надевают клетчатую рубаху — «реквизит», а он так хорош в белой майке, с бронзовыми бицепсами, на которых играет синяя татуировка.

— Нельзя снимать в майке,— объясняет Ульянов.— У нас не пропустят.

— Стану я в такую жару в рубашке лезть в машину!

И «реквизит» трещит на его «негабаритной» спине.

А из Мукачева, из управления, инженер снова несется обратно на Латорицу. Там не ладится с подвесным мостом. А оттуда на «планерку». А потом через всю трассу на Днестр, где тоже строится мост. И где-то на перевале, когда Иосиф лезет под капот своего «газика», Георгий Николаевич говорит:

— Я уже так привык к колесам, что послали бы меня в контору, сбежал бы. А между прочим, я случайно выбрал эту профессию. После войны в Армавире пошел на танцы — смотрю, объявление: в Туапсе набирают студентов в нефтяной техникум. Кончил техникум, потом институт. Оказалось — призвание! Здесь все время чувствуешь, что живешь. Здесь каждый день видишь, что сделал. Хотя неприятностей и неполадок хватает. Но все-таки труба идет. Вы видите, она идет!..

5

Карпаты, Карпаты. «Верховина, мати моя»... Там летом 1961 года люди шли, пробиваясь через горы, беря перевалы, увязая в болотах, вгрызаясь в скалы. И в ущельях их мочили дожди, обдавало горными сквозняками. А в Закарпатье палило солнце, сушил зной. «Дал слово,— сдержи его!» И люди держали свое слово и шли, все ближе и ближе продвигаясь к границе. Там, на границе, к съезду партии сварят трубу, и первая нить нефтепровода «Дружба» заработает. Первая нефть пойдет по трубе в Чехословакию, в Братиславу!

...Граница. Последний домик обходчика. За ним кукурузное поле. Как-то в ливень мы ввалились к пограничникам с Яшевым и «киношниками», которые ездили с нами в поисках «точки». Капитан, мой земляк, москвич, повез нас через кукурузное поле. Вспаханная полоса. «Газик» стал. Мужчины вышли по ту сторону, где была трава. Я хотела соскочить на взрыхленную землю.

— Не читаете вы шпионских романов,— засмеялся капитан.

— Останется след, еще придется акт составлять: перешла границу,— пошутил кто-то.

Впереди кукурузное поле. Позади кукурузное поле. Посредине столбы. С одной стороны полосатые, красно-зеленые — наши, с другой — белые с красным и с синим угольником — чехословацкие. По ту сторону село с мокрыми черепичными крышами, по эту — наше село с такими же мокрыми черепичными крышами. Дождь. Тишина.

...Но скоро тишина эта будет взорвана. Здесь будет стоять рев и гул, скрежет гусениц, лязг железа... Нет, здесь не будут строить заграждений, дзотов, линий Маннергейма или Мажино. Здесь никто не будет обороняться, нападать... Сюда придут машины мира и дружбы — тракторы, бульдозеры, экскаваторы, краны, трубоукладчики!..

— Вот,— говорит Яшев, подходя и хлопая ладонью по какой-то голубой задвижке, торчавшей из земли по ту сторону границы.— Чехи начали тянуть свою линию отсюда к Братиславе. Они уже продули трубу, закрыли ее задвижкой, чтобы она не засорялась. Сюда мы и торопимся...

Ломоносов

«Для пользы общества коль радостно трудиться...»

1711 — 1961

Этот портрет М. В. Ломоносова находится в Государственном историческом музее в Москве. Автор — неизвестный художник XVIII века.

А. Васильев. М. В. ЛОМОНОСОВ — ОТЕЦ РУССКОЙ НАУКИ.

Первый наш университет

Олег ПИСАРЖЕВСКИЙ

Если подняться на пароходе вверх по Северной Двине, от Холмогор будет рукой подать до села Ломоносова. Маленькой точкой на карте русского Севера помечено это селение, где начал свой путь в бессмертие гениальный крестьянский сын Михайло Ломоносов.

«Трудно добраться до родины Ломоносова, но все окупается радостью, какую испытываешь, побывав в этом дорогом для каждого уголке» — это из записей в книге мемориального музея М. В. Ломоносова, построенного на том месте, где когда-то находился дом отца основателя русской науки Василия Дорофеевича. Предметы крестьянского быта XVIII столетия, пожелтевшие от времени книги, литографии и другие музейные экспонаты воскрешают страницы жизни и творческой деятельности великого человека. Летом 1957 года в селе открыт памятник Ломоносову. Его именем названы колхоз, артель художественной резьбы по кости, школа, библиотека. Тем самым именем, которое носит один из крупнейших университетов мира, на Ленинских горах в Москве, где обучаются юноши и девушки десятков национальностей. По призыву Всемирного Совета Мира день рождения Ломоносова отмечают люди всей земли.

Восстанавливая в сознании дорогой всем нам образ Ломоносова, мы думаем не только об исключительной силе его могучего ума или о безмерной глубине всепобеждающего таланта, но и о несчетном воспроизведении нашим народом тех же драгоценных качеств, когда были сняты преграды, державшие их втуне.

Величие мирового гения русской культуры почтено лучшим из мыслимых памятников — десятками тысяч Ломоносовых, выросших и растущих из гущи трудящихся народов нашей счастливой социалистической Родины.

Ломоносов, провозвестник безграничного расцвета созидающего народного разума, дорог нам не только вершинностью своих озарений. Нам близки и драгоценны все малейшие, даже обыденные проявления его неиссякаемого жизнелюбия, весь земной облик его, столь далекий от иконописной ореольности.

Вглядитесь в это открытое, ясное лицо — простое, но не простецкое; примите этот взгляд — самоуглубленный, но не отрешенный; оцените искусство старинного гравера, с которым он сумел передать во всей фигуре сидящего порыв страстной, кипящей натуры — порыв обузданный, но не укрощенный.

Ломоносова приближает к нам, делает нашим современником не только необычайная прозорливость его научного гения. Кто не знает, что он предвосхитил великий закон сохранения вещества и энергии, суть которого выражена им в чеканных строках послания к другому выдающемуся мужу науки, Леонарду Эйлеру, а позднее — в труде «Рассуждение о твердости и жидкости тел»!

Материя, из которой состоит мир, не исчезает и не возникает из ничего; механическое движение неуничтожаемо — эти два философских принципа отчетливо объединены Ломоносовым в единый всеобщий закон природы.

Современные физико-химики справедливо усматривают в трудах Ломоносова истоки нынешнего плодотворного обогащения химии методами физических исследований. Нельзя отказать себе в удовольствии ощутить ясность мысли и поэтическую взволнованность, с какой на эту достаточно сложную и по нынешним меркам тему высказывался Ломоносов.

«Равным образом прекрасныя натуры рачительный любитель, — писал он, — желая испытать толь глубоко сокровенное состояние первоначальных частиц, тела составляющих, должен высматривать все оных свойства и перемены, а особливо те, которые показывает ближайшая ее служительница и наперстница и в самые внутренние чертоги вход имеющая Химия; и когда она разделенные и рассеянные частицы из растворов в твердые части соединяет и показывает разные в них фигуры, выспрашивать у осторожной и догадливой Геометрии; когда твердые тела на жидкие, жидкие на твердые переменяет и разных родов материи разделяет и соединяет, советовать с точною и замысловатою Механикою; и когда чрез слитие жидких материй разные цветы производит, выведывать чрез проницательную Оптику. Таким образом, когда Химия пребогатыя госпожи своея потаенные сокровища разбирает, любопытный и неусыпный натуры рачитель оныя чрез Геометрию вымеривать, через Механику развешивать и через Оптику высматривать станет, то весьма вероятно, что он желаемых тайностей достигнет».

Ломоносов намного опередил мировую научную мысль, подметив закономерность в строении кристаллов и одним из первых начав измерять их углы. Он объяснил образование залежей каменной соли, догадался о растительном происхождении каменного угля, янтаря и торфа. Он придумал «ночезрительную» трубу для ясного видения предметов в сумерки, машину для измерения температуры высоких слоев воздуха — прообраз современного вертолета, совершенствовал телескопы.

Безмерно богато духовное наследие Ломоносова, оживающее в чреде поколений, живо участвующее в непрерывной борьбе нового со старым. Размышляя над тем, что мешает прогрессу науки его времени, Ломоносов видел одну из главных причин неудач в том, что «искусный Химик» и «глубокий Математик» были отединены. А он хотел, чтобы они были слиты в одном человеке. И только сейчас мы начинаем в полной мере понимать, насколько прав был Ломоносов в самой постановке этой проблемы. Диалектичность процессов научного развития состоит в том, что неизбежное углубление, в частности, то, что мы называем узкой специализацией, необходимо дополняется широчайшим обобщением, охватывая соседствующие области знания. Еще недавно они жили раздельно, каждая, по удачному выражению Герцена, чеканя свою монету за разделявшими их стенами. Ныне засыпаются крепостные рвы, сравниваются с землей валы, обособлявшие родственные области естествознания. Физика, как предвидел Ломоносов, преобразует химию, несказанно убыстряя ее разбег, и обе эти науки обещают в перспективе немногих десятилетий возвести на пьедестал «царицы наук» — науку о жизни, биологию. Далеко заглядывал Ломоносов!

Великий ученый не только утверждал материализм в его философской и научной первооснове. Он решительно ополчался и против идеалистического субъективизма в истолковании результатов эксперимента. Он учил, что для развития науки требуется не такой ученый, который понял науку «только из одного чтения книг», но который «собственным искусством в ней прилежно упражнялся; и не такой, напротив того, который хотя великое множество опытов делал, однако, больше желанием великого и скоро приобретаемого богатства поощряясь, спешил к одному только исполнению своего желания и, ради того последуя своим мечтаниям, презирал случившиеся в трудах своих явления и перемены, служащие к истолкованию естественных тайн». Как это верно, и как современно звучат эти изумительные строки! Да, предвзятость экспериментатора всегда мешает ему уловить подлинную новизну предстающих перед ним в эксперименте явлений природы.

Ломоносов завещал исследователю подлинную научную смелость, заключающуюся в том, чтобы бестрепетно представлять свои любые домыслы на правый и безошибочный высший суд опыта. Его неукоснительный завет: «Из наблюдения устанавливать теорию, чрез теорию исправлять наблюдения». Теория и практика едины. Воистину «бесполезны тому очи, кто желает видеть внутренность вещи, лишаясь рук к отверстию оной. Бесполезны тому руки, кто к рассмотрению открытых вещей очей не имеет. Химия руками, Математика очами физическими по справедливости назваться может». Только своеобразный лексический строй выдает то, что эта замечательная мысль была высказана более чем двести лет тому назад. И в наши дни в поступательном своем движении науке приходится преодолевать сопротивление обветшалых догм. Поэтому нам неизменно близок пламенный ломоносовский натиск на тех, кто «с немалою тратою труда своего и времени, пустыми замыслами и в одной голове родившимися привидениями натуральную науку больше помрачили, нежели свету ей придали». Ломоносов стремился не только к объяснению отдельных явлений, но прежде всего искал их связи, по его собственному выражению, «всеобщее согласие причин». Он жаждал обратить науку на «приращение общей пользы», на благо народа.

Наша наука одерживает свои блистательные победы, умея вывести «в натуре сокровенную правду точным и непоползновенным порядком», именно «привыкнув к математической строгости».

В благодатном единении с практикой, как об этом мечтал Ломоносов, идет она к мировому первенству в научных свершениях.

Ратный подвиг щедрой ломоносовской жизни является для нас величайшего значения высоким моральным примером. Если уж ополчался против кого Ломоносов, так только против недругов российского просвещения; если были у него враги не на жизнь, а на смерть, так то были противники отечественной науки. И в этой священной распре он не знал ни отдыха, ни примирения.

С того самого дня, как ушел он из глухой северной деревеньки морозной ночью пешком вслед за рыбными обозами в далекую Москву,

не уставал он утверждать не только свое собственное право на утоление пробуждавшейся жажды знаний. Никогда не забывал он, что войти в заповедные «врата учености» он смог ценою тяжких лишений и голодных мук, лишь притворившись дворянским сыном. Он принадлежал к «податному сословию», которому учиться было запрещено. Подушную подать за числившегося «в бегах» Михайлу сперва уплачивал его отец, а после смерти отца — местные крестьяне. Так продолжалось до 1747 года. Ломоносов уже был профессором химии, его ученые труды приобретали известность в Европе, а за него по-прежнему все еще платили односельчане семьдесят копеек «с души». И, добиваясь открытия в Москве в 1755 году первого университета, Ломоносов все силы прилагал, чтобы в него принимали даже «положенных в подушный оклад». «В университете тот студент почтеннее, кто больше научится, а чей он сын, в том нет нужды»,— говорил он. Ему самому пришлось заниматься в академической гимназии, и, разумеется, он перевернул в ней все порядки. Он боролся за такой устав Академии — «регламент», как его тогда называли,— который давал бы простор для подготовки и выдвижения отечественных ученых. Многое ему удалось: из академической гимназии вышли натуралисты и путешественники Иван Лепехин и Николай Озерецковский, этнограф Василий Зуев, астроном Петр Иноходцев, химик Никита Соколов. В числе первых русских ученых, появившихся среди иностранцев петербургской Академии наук, были астроном Никита Попов и прославившийся впоследствии исследователь Камчатки Степан Крашенинников. Ломоносов имел все основания с гордым удовлетворением заявить: «Я сквозь многие нападения прошед, ...и Попова за собой вывел и Крашенинникова».

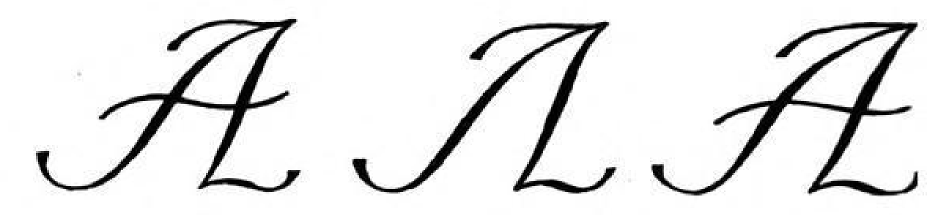
Борьба, которую приходилось всю жизнь вести Ломоносову, не была односторонней. В чем-то напоминая своей повадкой Петра Первого, Ломоносов обрушивал свой неистовый великанский гнев на злого гения Академии, правителя ее канцелярии Шумахера. Но он видел в нем не только недоброжелателя всего русского, но и человека низкой души и грязных поступков. Не менее ожесточенно он воевал с придворным лизоблюдом, беспринципным авантюристом и негодяем Тепловым, заместившим Шумахера. То была битва против своекорыстия и равнодушия к судьбам науки и интересам России, движимая жаркой любовью к познанию и самоотверженным стремлением к тому, чтобы «выучились россияне», чтобы «показали свое достоинство».

Просветительская программа Ломоносова лишена каких-либо признаков национальной ограниченности. «Честь российского народа,— писал он, — требует, чтобы показать способность и остроту его в науках и что наше Отечество может пользоваться своими собственными сынами, не токмо в военной храбрости и в других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний». Все, по-настоящему прогрессивные, светлые и благородные умы среди иностранных ученых, с которыми ему приходилось соприкасаться, либо оказывались в числе его друзей, как Леонард Эйлер, либо были им высоко ценимы. С восторгом он произносил имена Кеплера и Лейбница, Галилея и Бойля, Ньютона и Декарта. Но в этом преклонении не было и следа самоуничижения. Известный исследователь литературного наследия Ломоносова Александр Морозов нашел среди черновых заметок по теории электричества, которые Ломоносов вел после 1752 года на латинском языке, следующие слова, написанные им по-русски: «Сами свой разум употребляйте. Меня за Аристотеля, Картезия *, Невтона не почитайте. Ежели вы мне их имя дадите, то знайте, что вы холопи, а моя слава падет с вашею».

Сбылись лучшие чаяния великого ума. Вдохновенный труд гениальных одиночек вырос в творческий подвиг целого народа, создавшего великую промышленность, одухотворившего ее великой наукой. Победа социализма подняла славное имя Михаила Ломоносова, крестьянского сына, не как «русского Невтона», а как всем народам принадлежащего гения мировой славы.

* Декарта.

Сергей МАРКОВ

В то время, когда гонцы везли в Северную Пальмиру вести из Анадырского острога и Большерецка и новые карты, на которых была изображена Северная Америка, Михайло Ломоносов завершал свой исполинский труд.

В 1763 году было создано «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию».

«Путь на восток через льды прокладывается неутомимыми трудами народа!» — говорил Ломоносов. Он вспоминал Ермака и Семена Дежнева, Атласова и Афанасия Шестакова. Великий помор не сомневался в том, что Дежнев «доказал проход морской из Ледовитого океана в Тихой». Подвиг Михайлы Гвоздева вселял в Ломоносова надежду, что против Чукотского носа лежат острова или матерая земля. «Неоспоримо, что все оное принадлежит Америке!» — восклицал былой мореход с галиота «Чайка».

Листая рукопись в алом сафьяновом переплете, он перечитывал места, которые особенно привлекали его внимание и требовали дополнений в близком будущем.

...Об Америке в «Кратком описании» говорилось немало. Ломоносов пророчески указывал, что против низменного, тундрового берега Сибири находится крутой и приглубый американский берег. За письменным столом Ломоносовым были открыты великие реки Аляски, названия которых он еще не мог знать. Но он указал на огромный источник пресной воды «в северо-западном углу Америки». Речь идет об Юконе!

Не был забыт и тот сосновый и еловый плавник, который пригоняло волнами к камчатским берегам. Ломоносов повествовал и о том, как и какой лед родится у американских берегов.

Кола или Архангельск — Новая Земля — Чукотский нос — Камчатка — вот намеченная Ломоносовым морская дорога. Он считал самым лучшим «уповательным» проходом в Индию и Америку путь мимо Чукотского носа, хотя уже в 1763 году указывал и второе направление от берегов Северной Америки.

В будущем плавании следует дать особо ценную награду тому, кто первым увидит Чукотский нос. Когда корабли минуют его и войдут в новое море, тогда надо будет отпускать легкие суда «в левую руку на восток» на 100—200 верст для отыскания островов или твердой земли Северо-Западной Америки.

«Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений Европейских в Азии и в Америке», — говорила алая ломоносовская книга. В ней подробно были изложены до мельчайших подробностей условия будущего похода во льдах. Сурового дыхания новых стран Ломоносов не страшился.

«Россиянам тамошний климат снoснее»,—написал он в 1763 году.

Эта великолепная деловая проза перекликалась со стихами, которые писал Ломоносов в те годы о том, что «Хины, Инды и Японны» скоро увидят русских людей. Сам Борей, отец густых снегов, шумя мерзлыми крылами, отворяет бесстрашным мореходам ход меж льдами!

Ломоносов сжимает кулаки

В 1764 году Ф. Соймонов получил записку от Екатерины II. Императрица извещала старого адмирала о том, что она получила составленную им карту «об Американских островах».

Родословная великого ученого

Исследователи жизни и творческой деятельности Михаила Васильевича Ломоносова установили по документам, что его предки были известны еще со времен Ивана Грозного. Ломоносовы проживали на Курострове, близ Холмогор. Прапрадед гениального ученого Артемий Ломоносов, прадед Леонтий Артемьевич, дед Лука Леонтьевич, отец Василий Дорофеевич, наконец, он сам, как и все поморы, занимались хлебопашеством, рыбной ловлей и зверобойными промыслами.

Прямые потомки Ломоносова оставили свой след в истории. Дочь Ломоносова, Елена Михайловна, по мужу Константинова, была названа Еленой в честь рано умершей матери Ломоносова, которую он горячо любил. Дочь Константиновых, Софья Алексеевна, вышла замуж за Н. Н. Раевского, героя Отечественной войны 1812 года. С детьми Раевского, правнуками Ломоносова, дружил А. С. Пушкин. С именем правнучки ученого, Марии Раевской, впоследствии жены декабриста С. Г. Волконского, в нашем представлении связаны романтические образы пушкинской элегии «Редеет обла-

Потомки Ломоносова.

Я КНИГА

«Я знаю, что сии острова вашим радением найдены. Так вашим добром да вам же челом», — писала Екатерина.

За две недели до этого она издала тайный указ, в составлении которого принимал участие Михайло Ломоносов. Для поиска морского прохода Северным океаном в Камчатку повелевалось идти из Архангельска на Шпицберген, а затем «в вест, склоняясь к норду, до Гренландского побережья, откуда «простираться подле оного на правую руку к западно-северному мысу Северной Америки»...

Ломоносов в гневе сжимал свои пудовые кулаки. И было отчего! Поход от Груманта к Америке надлежало хранить в тайне, но уже осенью 1764 года в парижской печати было сообщено об этом замечательном предприятии.

Михайло Ломоносов набросал тогда горькие строки, найденные потом в его архиве:

«Беречь нечево! Все открыто Шлецеру сумасбродному. В российской библиотеке нет больше секретов. Вверили такому человеку, у коего нет ни ума ни совести», — записал Ломоносов на обороте рисунка, изображающего рукава Северной Двины.

Он говорил о «шумахерщине», о том, что он, Ломоносов, за то терпит, что старается «защитить труд» Петра Великого с тем, чтобы русские показали свое достоинство всему миру.

«Я не тужу о смерти: пожил, потерпел и знаю, что обо мне дети отечества пожалеют», — писал он дальше. «И места нет... Multa tacui, multa pertuli, multa concessi»[1].

Много горечи накопилось у него к тому времени. Он знал, что Иоганн Даниил Шумахер еще не так давно тайно переправил за границу карту славных походов Чирикова и Беринга. В то же самое время Жозеф Николя Делиль скрипел пером, заполняя наблюдательные листы, которые он завел на каждого русского геодезиста.

Ломоносов негодовал на «злобные поведения господина Миллера». Его тоже обвиняли в разглашении сведений о походах русских на Северо-Восток. Однажды Миллер, несмотря на строгий запрет, все же напечатал карту «новоизобретенных американских берегов».

Кто-то из этих людей сумел переправить за границу тоже не подлежащую оглашению «Генеральную карту Северного моря». Ее отпечатали в 1749 году в Берлине, бесстыдно указав, что она составлена по последним исследованиям путешественников из Западной Европы!

А чем объяснить такой случай? К осени 1754 года было закончено гравирование «Карты новых открытий в Восточном море». Ее изготовлял И. Ф. Трускотт «под смотрением» Миллера, резал русский мастер И. Кувакин. Но печатной этой карты, кроме одного, якобы пробного ее оттиска, в русских хранилищах не найдено до сих пор!

Тот же Трускотт закончил в 1755 году «Карту земли Камчатки». За ней «смотрел» Миллер и досмотрел так, что и эту печатную карту невозможно нигде разыскать.

Миллер и Делиль, несмотря на резкую отповедь Ломоносова и других русских ученых, однажды заманили в Сибирь своего соотечественника Жана Шаппа д'Отроша. Повод был очень хороший — 5 июля 1761 года ожидалось прохождение Венеры перед диском Солнца.

Вскоре самонадеянный Шапп появился в Петербурге, откуда поспешил в Тобольск. В то время тогдашний комиссар книжной лавки Академии наук был вынужден донести, что лавка осаждается иностранцами, требующими «Большой Российский Атлас». Эти настойчивые любители русской географии проявляли особую любознательность в отношении карт о русских открытиях в Америке.

Шапп, наблюдая Венеру, не оставил без внимания хотя бы и такие вопросы, как исследование Камчатки или состояние торговли Китая с Сибирью.

Миллеру наблюдатель Венеры прислал около десятка писем, содержание которых до сих пор неизвестно. Эти послания Миллер хранил в особом разделе своего архива «Китайских дел».

Возвратившись во Францию, Шапп д'Отрош написал «Путешествие в Сибирь», насыщенное оголтелой клеветой на нравы сибирских жителей. Сочинение это вышло уже после смерти Ломоносова.

К книге Шаппа были приложены переводы знаменитого труда Степана Крашенинникова «Описание земли Камчатки» и карты Северо-Востока несомненно русского происхождения. Более того, неизвестное лицо, давшее предисловие к переводу, обнаруживало прекрасное знакомство с содержанием посмертных рукописей героя исследования Камчатки. Трудно сказать, кто был этот скромный, пожелавший остаться неизвестным знаток архива Крашенинникова. Невольно напрашиваются имена Миллера, Делиля и Ле-Руа, того самого, который еще в 1748 году перерисовывал карту Ивана Кириллова.

Во всяком случае, достоверно известно, что Миллер имел доступ к трем камчатским картам, связанным с трудами Степана Крашенинникова.

Но почему он так привлек внимание Шаппа? В год, когда д'Отрош приветствовал явление Венеры, проходящей через солнечный диск, его соотечественник де Гюин в книге по истории монголов заявил, что еще в V веке н. э. Камчатка и Алеутские острова были мостом для сообщения Китая с Америкой. После этого иноземцы и осадили книжную лавку Академии наук, а Шапп д'Отрош стал разузнавать о драгоценном наследстве Крашенинникова, умершего в бедности на чердаке дома на Васильевском острове.

Так пристально следили иностранцы за каждым шагом русских людей в сторону Тихого океана. Слишком много знал об этом Ломоносов. Ему портили кровь и Миллер, и Шумахер, и Делиль, и Шапп, и Тауберт, и высокоумный и злобный Франц-Ульрих-Теодор Эпинус.

В 1764 году, когда Ломоносов уже претворял в жизнь мечту об охвате материка Америки с двух сторон — от Груманта и от Камчатки,—ученые шершни особенно старались лишить его покоя.

«Если не пресечете, великая буря восстанет», — писал Ломоносов за своим дубовым столом.

Тем временем в Петербург впервые была привезена дорогая пушнина с Лисьих островов, добытая на судне Бичевина под начальством Гаврилы Пушкарева. Знатоки были поражены добротностью черных и черно-бурых лис и лисиц-крестовок.

Сенат издал указ о том, что казна прощает звероловам шесть тысяч рублей долга и не будет взыскивать с них обычной десятинной доли. Мореходов наградили медалями с изображением Екатерины II.

Одновременно льготы были даны компании Н. Трапезникова и Е. Югова: их освободили от рекрутчины, а дома — от воинского постоя, но «десятину» платить все же заставили. «Господам компанионам» предложили собирать ясак в казну.

1 Много молчал, много перенес, и многое уступил (лат.).

ков летучая гряда», поэмы «Бахчисарайский фонтан» и поэмы «Полтава»: они навеяны романтической дружбой поэта с Волконской. Мария Николаевна последовала за своим мужем в Сибирь, самоотверженно переносила невзгоды и муки, прожив добровольно в тяжелом изгнании около тридцати лет. Ее чарующий образ опоэтизировал и Н. А. Некрасов в поэме «Русские женщины».

Сестра М. Н. Волконской, Екатерина Николаевна Раевская, соединила свою жизнь с декабристом М. Ф. Орловым, которого одно время революционеры намечали руководителем восстания.

В наше время в Москве живут прямые потомки Михаила Васильевича Ломоносова. Павла Сергеевна Котляревская — геолог, у нее две дочери — Ольга Полянская, тоже геолог, и Татьяна Цынская, студентка авиационного института; сын Всеволод — ученик седьмого класса. Двое детей Ольги Полянской — Андрюша и Аленушка — девятое поколение Ломоносова. В семье Котляревских хранится со времени Ломоносова пресс для бумаг, окованный серебром. Он изготовлен из смальты на мозаичной фабрике Ломоносова в Усть-Рудице. Фамильная ценность передана на юбилейную выставку в московский исторический музей.

Елизавета Григорьевна Никулина-Волконская, преподавательница студии Московского художественного театра, ныне пенсионерка, показала нам драгоценную реликвию — портрет своего прадеда, декабриста Сергея Григорьевича Волконского, исполненный в 1845 году в Сибири на серебряной пластинке. На оборотной стороне редкого дагерротипа надпись, сделанная рукой Волконского.

Композитор Андрей Михайлович Волконский принадлежит к восьмому поколению Ломоносовых, а его сын — первоклассник Петя — к девятому.

П. ЧУМАК

Декабрист С. Г. Волконский.

Слово о Ломоносове

Ныне таковые умы весьма редки, ибо по большей части остаются при одних опытах и нисколько не хотят о них рассуждать, другие же, напротив, пускаются в такие нелепые рассуждения, которые противны всем основаниям здравого естествознания.

Л. ЭЙЛЕР. 1753.

Слово твое, живущее присно и вовеки в творениях твоих, слово российского племени, тобою в языке нашем обновленное, прелетит во устах народных за необозримый горизонт столетий. Пускай стихии, свирепствуя сложенно, разверзнут земную хлябь, и поглотят великолепный сей град, откуда громкое твое пение раздавалося во все концы обширныя России... но доколе слово российское ударять будет слух, ты жив будешь и не умрешь...

В стезе российской словесности Ломоносов есть первый. Беги, толпа завистливая, се потомство о нем судит, оно нелицемерно.

А. РАДИЩЕВ. 1780.

Вольтер.

ЛОМОНОСО

Вольтер был избран в почетные члены Петербургской Академии наук 24 февраля 1746 года. За него подал голос и Ломоносов. К тому времени Вольтер прославился не только как писатель, драматург и поэт. В Петербургской Академии ему воздавали должное и как выдающемуся пропагандисту ньютонова учения. Своим сочинением, в котором впервые на французском языке изложены «Математические начала натуральной философии» Ньютона, Вольтер проявил себя борцом за революционные естественнонаучные воззрения.

Конечно, в придворных кругах Петербурга вызывало негодование вольнодумство французского просветителя. При дворе заинтересовались, каким образом Вольтер оказался в числе почетных членов императорской Академии наук. Наши сведения об этом, впрочем, ограничиваются письмом начальника академической канцелярии Д. Шумахера к секретарю президента Академии — им тогда был К. Г. Разумовский. «Без сомнения,— писал 3 февраля 1754 года Шумахер,— г. советник (влиятельный приближенный Разумовского, Теплов.— М. Р.) знает что-нибудь о письме насчет Вольтера. В таком случае, вы можете ему сообщить прилагаемые здесь постановления из протоколов академического собрания; если же нет, то поберегите их у себя до времени. Из этих бумаг ясно видно, что профессора, которые тогда думали присвоить себе всю власть, сделали помянутого Вольтера почетным членом и г. профессор Штелин был в этом деле посредником».

Делу, как говорится, не был дан ход, и решающую роль в этом сыграл, несомненно, И. И. Шувалов. О его отношениях с Вольтером речь будет ниже. Но независимо от них этот дальновидный государственный деятель понимал в полной мере, что означала бы для России потеря Академией наук такого популярного во всем мире мыслителя, как Вольтер.

Положение фаворита иногда позволяло Шувалову добиваться того, о чем никто, кроме него, не посмел бы даже подумать.

О настроении реакционных придворных кругов, и в первую очередь царицы, Вольтер был достаточно осведомлен, когда приступил к созданию «Истории Российской империи при Петре Великом». Без помощи из России такую работу выполнить было, конечно, трудно. И Вольтер понимал, что такая помощь придет, если за это возьмется Шувалов.

Подбор необходимых материалов и обсуждение написанных глав Шувалов намеревался поручить Академии наук. Наиболее компетентными специалистами по русской истории были тогда Миллер и Ломоносов; последний уже несколько лет работал по специальному заданию правительства над историей России с древнейших времен. Сохранившиеся документы позволяют восстановить многие детали, характеризующие участие Ломоносова в подготовке труда Вольтера.

Как известно, письма Шувалова к Ломоносову до нас не дошли; зато сохранились обращения и ответы Ломоносова.

Первое письмо Ломоносова, относящееся к нашей теме, является ответом на послание Шувалова. Из первых строк явствует, что Шувалов поделился с ученым своими мыслями о значении работы Вольтера для правдивого освещения истории России среди зарубежных читателей. Видимо, Шувалов запрашивал мнение Ломоносова о самом авторе труда, должного достойно противостоять огромной в те годы на Западе клеветнической литературе, посвященной событиям в России. Не забудем, что Семилетняя война (1756—1763) была в разгаре и антирусская пропаганда развернулась тогда вовсю. Ломоносов радостно приветствовал почин Шувалова. «Полученное от вашего превосходительства милостивое письмо,— писал ученый 2 сентября 1757 года,—с радостью прочитал и увидел я непременное ваше старание о прославлении бессмертных дел блаженныя памяти государя императора Петра Великого на иностранных языках. К сему делу, по правде, г. Вольтера никто не может быть способнее».

О том, какое место Вольтер занимает в мировой культуре, Ломоносов отлично знал и отдавал ему должное, признавая его классиком французской литературы. В своем Регламенте Академической гимназии, в главе «Обучение гимназистов», Ломоносов рекомендовал изучать Вольтера наряду с Мольером и Расином.

Ломоносов прежде всего предлагал послать Вольтеру свои труды, касающиеся русской истории: «Сокращенное описание дел государевых» и «Панегирик». Первый до нас не дошел, а второй — выступление на торжественном собрании Академии наук «Слово похвальное» Петру I. На основе этих двух произведений, полагал Ломоносов, Вольтер мог составить план будущей работы.

Порядок работы Вольтера над задуманным сочинением представлялся следующий: «По сочинению плана и по его сюда сообщению думаю, что лучше к нему посылать переводы с записок по частям, как порядок в плане покажет, а не вдруг. И как он станет сочинять начало, между тем прочим перевод поспевать может и так сочинение скоро начаться и к окончанию приходить имеет».

Свои труды Ломоносов предлагал послать Вольтеру только для составления плана, для самой же работы необходимо было бесчисленное множество выписок из документов. Таких у Ломоносова накопилось немалое количество в связи с его собственными изысканиями. Все это он предлагал к услугам Вольтера. «У меня,— заметил Ломоносов,— сколько есть записок о трудах нашего монарха, все для сего предприятия готовы. О состоянии России во время царствования государя царя Михаила Федоровича должно сделать краткий экстракт из летописцев наших, к чему я могу употребить несколько времени».

Ломоносов тогда не знал, что Вольтер в своей работе продвинулся уже далеко, написав восемь глав. Правда, это были скорее наброски (легкое начертание, как писал сам Вольтер, составленное не по документам, а по записям современников). Получив рукопись Вольтера, Шувалов тотчас же послал ее Ломоносову, и тот написал свои замечания к каждой главе. При этом русский ученый высказал и принципиальные возражения по концепции Вольтера, который вынужден был с ними согласиться.

Уже первые строки Введения Вольтер должен был исправить, указав, что великие преобразования Петра начались не «в первые восемнадцать лет» XVIII века, а уже «в первые годы», так как Ломоносов к стр. 1 Введения (Вступления) сделал такое примечание: «В первые 18 лет нынешнего столетия никакой герой в Севере не был известен, кроме Карла второгонадесять. Геройские дела Петровы, великие предприятия и труды славны учинились еще прежде Левенгауптской и Полтавской баталии. Карл 12 показал бегством своим больше себя героя в Петре Великом задолго до 1718 года».

Говоря о Москве, Вольтер назвал ее крупным (по выражению Ломоносова, нарочитым) городом. Ломоносов считал, что так нельзя говорить о важнейшем культурном и политическом центре России, ее бывшей столице, имевшей мировое значение. «Москва,— подчеркивал он,— великий город, первого рангу во всей Европе». Точно так же он остался недоволен описанием Петербурга. «Инде мало, инде излишно». Поэтому Ломоносов предлагал составить «хорошее описание» и послать Вольтеру.

Особую неосведомленность Вольтер обнаружил, когда говорил о русском севере. По его словам, район Архангельска, «весьма новый для прочей Европы», стал известен в середине XVI века. Видимо, автор имел в виду приезд Р. Ченслора в Московское государство (1553). Ломоносов, сам северянин, прекрасно знавший историю родных мест, указал: «В Двинской провинции, где ныне город Архангельской, торговали датчане и другие нордские народы за тысячу лет и больше»,—и тут же указал на относящуюся к XIII веку норвежскую сагу Снорре Стурлезона, где имеются сведения о названных фактах.

Вольтер утверждал, что архангельский порт действует всего три месяца в году, в то время как Северная Двина несудоходна («бывает неприступна») только в течение семи месяцев — «с половины майя до Покрова Двина всегда чиста бывает». Вольтер писал, что лопари (саами) — не финского племени и поклоняются идолу Юмалу. На это Ломоносов заметил: «Однако лопари белокуры, больше финского облику; язык с финским, как французский с италианским сходны. **Юмала** по-чухонски и по-лопарски бог. Ростом лопари малы и силою слабы, затем что больше рыбою кормятся».

Указав еще на ряд ошибок, встречающихся в первой главе «Описание России» (о перенесении столицы из Владимира в Москву, о рельефе Москвы и т. п.), Ломоносов в заключение писал: «Просмотрев описание России, вижу, что мои примечания много пространнее быть должны, нежели сочинение само». Поэтому ученый предложил: «Чтобы г. В (ольтер) описание России совсем оставил или бы обождал здесь сочи-

Слово о Ломоносове

Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник: первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия, с несчастным Рихманом предугадывает открытия Франклина, учреждает фабрику, сам сооружает махины, дарит художества мозаическими произведениями и наконец открывает нам истинные источники нашего поэтического языка.

А. ПУШКИН. 1825.

Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II, он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом.

А. ПУШКИН. 1834—1835.

В И ВОЛЬТЕР

Юбилейная медаль, выпускаемая Ленинградским Монетным двором.

ненного, которое под моим смотрением скоро быть может готово. Таким образом, как оное есть, не может России быть славным, но больше бесчестным и поносительным».

Действительно «под смотрением» Ломоносова было составлено «Краткое описание России» и во французском переводе послано Вольтеру.

Ломоносов принимал участие в составлении для Вольтера выписок из «Описания земли Камчатской» С. Крашенинникова. Ученый предложил Шувалову и собственное сочинение о стрелецких бунтах, так как посвященная им глава третья в материалах Вольтера, по мнению Ломоносова, «не полна и весьма недостаточна».

Присланными записками и замечаниями Вольтер широко воспользовался и в письме к Шувалову от 1 августа 1758 года признавал: «Записки, кои Ваше сиятельство изволили ко мне прислать, будут моими руководителями».

Вольтер понимал, какое значение для его труда имеют присланные из России материалы. Без них его труд во многом был бы лишен научной ценности. И как историк Вольтер выступил бы еще в более неприглядном виде, чем при создании истории Карла XII, которая подверглась резкой критике со стороны Антиоха Кантемира. Понятны поэтому строки из письма Вольтера, следующие за благодарственными словами о присланных подарках: «Гораздо же драгоценнейший подарок состоит в рукописях, мною полученных; они много мне послужат для второго тома».

Из полученных материалов Вольтер особо выделил произведение Ломоносова о Петре. 18 сентября 1759 года французский просветитель писал Шувалову: «Я получил слово похвальное Петру Великому, которое Ваше сиятельство благоволили ко мне отправить. Член Академии вашей весьма справедливо делает, что воспевает похвалы сему императору... Я вижу, что ваш народ вскоре будет отличать себя науками так, как оружием». Последние слова написаны не только под влиянием военных побед Петра. В Семилетней войне русские войска разбили лучшую тогда в Европе армию Фридриха II и взяли Берлин. За этими событиями Вольтер следил с неослабным вниманием, тем более, что в Ферне жил тогда Б. Салтыков, который ежедневно с ним виделся. Вольтер восторженно приветствовал новые победы русского оружия. Поздравляя Шувалова с победой, он подчеркивал, что выражает свои чувства не под влиянием ослепительного события: «Я не ныне принял участие в славе вашего народа; все происшествия оправдали образ моих мыслей».

В письме Вольтер сообщил, что первый том его труда отпечатан, но по независящим от него причинам не доставлен еще в Россию. Дело в том, что посланная Вольтером отпечатанная книга по дороге была перехвачена и перепечатана в Гааге, о чем Вольтеру стало известно лишь в августе 1760 года. Он тотчас же послал другой экземпляр.

В Петербургской Академии наук труд Вольтера подвергся критике Ломоносова, Миллера и Тауберта.

Отзыв Ломоносова сохранился. Оказалось, что Вольтер воспользовался не всеми посланными ему замечаниями и допустил новые неточности. Уже предисловие вызвало резкое возражение Ломоносова. Вольтер ссылался на написанное графом де-Трессан по поручению бывшего польского короля Станислава Лещинского (1677—1766) письмо, в котором подтверждалась правильность всего того, что было сказано о Польше в «Истории Карла XII». «Станислава,— указывал Ломоносов,— приводит во свидетельство весьма насильно о Карле XII, затем что: 1) письмо очень молодо (то есть написано через полвека после трактуемых событий.— М. Р.) и в то время сочинено, когда Вольтер начал писать о Петре Великом; 2) что Станислав не был всех дел Карловых очевидный свидетель; 3) хотя бы и был, однако, свидетельство его ни малейшей важности не имеет, затем что Карл ему дал, а Петр отнял корону» *.

Вольтер не принял во внимание и того, что было сказано Ломоносовым о лопарях, поэтому Ломоносов, повторив свои наблюдения об их языке, добавил: «Отличаются лопари только одною скудостью возраста (ростом.— М. Р.) и слабостью сил, затем что мясо и хлеб едят редко, питаясь одною почти рыбою». И далее, вспомнив свои молодые годы, когда жил на Севере, он заметил: «Я, будучи лет 14-ти, побарывал и перетягивал тридцатилетних сильных лопарей. Лопарки хотя летом, когда солнце не заходит, весьма загорают, ни белил, ни румян не знают, однако мне их видать нагих случалось и белизне их дивиться, которою они самую свежую треску превосходят, свою главную и повседневную пищу».

Ломоносов предлагал, чтобы Вольтер внес ясность в толкование имени славян. Сам ученый, работая над русской историей, занимался лингвистическим анализом этого слова в написанной им «Древней Российской истории от начала российского народа». «Имя славенское esclavons,— писал Ломоносов,— хотя у французов уже твердо вкоренилось и сочинитель не переменит, однако может припечатать следующее примечание. В греческом и латинском языке нет ни единого слова, никѣ из имен собственных, которые бы двумя согласными sl начинались. И посему рассуждать должно, что слуху тех народов и языку сей выговор славяне был странен и труден. И видно из греческих и латинских писателей, что со временем, привыкши к прямому выговору, славянами наших предков писать стали, ибо Птоломей называет их ставанами, Порфирогенит склаванами, у Бандурия в Цареградских древностях сфлавы, у Кедрина славы. Действительно, происходят от славы, как явствует из окончаний имен государских: Святослав, Вышеслав и прочих многих».

Недостаточное знание Вольтером предмета, о котором он писал, выразилось, между прочим, и в том, что, по его словам, украинцы были католиками. «Великий Владимир,— напоминал Ломоносов,— принял веру греческую, которая прежде всех в Малой России распространилась и укрепилась. И хотя несколько сот лет владели ею литва и поляки, однако всегда греческому исповеданию была вольность оставлена. А наконец, как католики утеснять стали, то отдались малороссияне под покровительство Российской державе».

Немало недостатков Ломоносов отметил и в изложении позднейшей истории. Вольтер не мог пройти мимо такого важного события, как Камчатская экспедиция, имевшая целью, помимо всего прочего, окончательно установить, соединяется ли Азия с Америкой сушей или разделена водным пространством. Этот вопрос интересовал мировую науку, и Лейбниц неоднократно и немало места уделял ему в своих письмах к Петру I и его сподвижникам. Камчатская экспедиция, возглавлявшаяся Берингом, внесла долгожданную ясность. В этом деле наибольшие заслуги имел русский мореплаватель А. И. Чириков (1703—1748), который в 1741 году на судне «Св. Павел» пристал к американскому берегу. Ломоносов считал, что столь важное событие должно найти отражение в сочинении, претендующем быть капитальным трудом по истории России. «В американской экспедиции через Камчатку не упоминается Чириков, который был главным и прошел далее, что надобно для чести нашей».

Не прошел русский ученый и мимо «прямых Вольтеровских букашек», как он называет присущие автору вольности, которые в научном труде, по существу, искажали факты (например, о происхождении первого царя династии Романовых, Михаиле).

Как и при подготовке к печати первого тома «Истории России», Вольтер посылал рукопись готовых глав следующего тома в Петербург для критического просмотра. Шувалов тотчас их передавал в Академию наук.

Нет сомнения, что Шувалов ценил по достоинству замечания русских академиков. Тем не менее он понимал, что, кроме Вольтера, никакой другой автор, каким бы авторитетным исследователем он ни был, не смог бы создать труд, лучше отвечающий поставленной цели: борьбе с антирусской пропагандой за рубежом. Именно этим объясняются следующие строки, написанные после получения экземпляра первого тома. «Прислав Вашу работу,— писал Шувалов Вольтеру,— вы меня изумили; она намного превосходит даже то, чего следовало ожидать от гения столь плодотворного и просвещенного». Это отнюдь не означало, что Шувалов забыл критические замечания русских академиков, посланные Вольтеру. В следующем дошедшем до нас письме Шувалова, где речь шла о новом издании, он на них прямо указывает, конечно, в самой деликатной форме: «Ваше намерение, государь мой, мне тем более приятно, что в новое издание вы не откажете внести исправления, согласно замечаниям мною вам посланным — тем, которые вы сочтете самыми необходимыми».

М. РАДОВСКИЙ

* Лещинский занял польский престол по требованию Карла XII; когда же шведские войска были разбиты, Лещинский бежал за границу.

Слово о Ломоносове

Всякое прикосновение к любезной сердцу его России, на которую глядит он под углом ее сияющей будущности, исполняет его силы чудотворной... Всю русскую землю озирает он от края до края с какой-то светлой вышины, любуясь и не налюбуясь ее беспредельностию и девственной природой. В описаниях слышен взгляд скорее ученого натуралиста, нежели поэта; но чистосердечная сила восторга превратила натуралиста в поэта. Изумительнее всего то, что заключа стихотворную речь свою в узкие строфы немецкого ямба, он ничуть не стеснил языка: язык у него движется в узких строфах так же величественно и свободно, как полноводная река в нестесненных берегах. Он у него свободнее и лучше в стихах, нежели в прозе, и недаром Ломоносова называют отцом нашей стихотворной речи. Изумительно то, что начинатель уже явился господином и законодателем языка. Ломоносов стоит впереди наших поэтов, как вступление впереди книги. Его поэзия — начинающийся рассвет. Она у него, подобно вспыхивающей зарнице, освещает не все, но только некоторые строфы. Сама Россия является у него только в общих географических очертаниях. Он как бы заботился только о том, чтобы набросать один очерк громадного государства, наметить точками и линиями ее границы, предоставив другим наложить краски; он сам как бы первоначальный, пророческий набросок того, что впереди.

Н. ГОГОЛЬ. 1847.

Михайло Васильевич Ломоносов... С этим именем связана вся история Московского государственного университета, история развития нашей науки. Именно поэтому не случайно, что за лучшие работы, самые интересные исследования ученым МГУ присуждается премия его имени. Ежегодно в университете проводятся Ломоносовские чтения — научная конференция, на которой подводятся итоги исследований, выполненных учеными университета. А затем Совет университета присуждает наиболее интересным работам Ломоносовскую премию.

Со времени установления Советским правительством в Московском университете Ломоносовских премий их получили 58 ученых. Среди них математики, физики, химики, биологи, географы, историки, филологи, философы — словом, исследователи, работающие в самых различных областях науки.

Я назову лишь несколько работ, удостоенных этой высокой награды.

Первая премия имени М. В. Ломоносова была в 1945 году присуждена академику В. В. Виноградову за большое научное исследование о русском языке. В 1951 году этой премии был удостоен коллектив из 11 географов за работу, связанную с изучением и освоением Черных земель Западного Прикаспия. В числе лауреатов 1956 года — академик М. Н. Тихомиров, получивший премию за исследование о крестьянских и городских восстаниях на Руси в XI—XIII веках.

Исследования академика Н. Н. Боголюбова в области сверхтекучести и сверхпроводимости, отмеченные в 1957 году премией имени Ломоносова, были в следующем же, 1958, году удостоены Ленинской премии.

В прошлый раз премию имени Ломоносова получил коллектив сотрудников Научно-исследовательского института ядерной физики университета. Их работа посвящена изучению космических частиц высоких энергий.

В дни, когда весь мир отмечает 250-летие со дня рождения великого русского ученого, в Московском университете в торжественной обстановке проходят очередные Ломоносовские чтения. Кто на этот раз получит высокую награду? Пока трудно сказать, ведь очень много важных и интересных сообщений будет сделано на 19 секциях этой научной конференции. Но одно я могу сказать с уверенностью: премии будут присуждены лучшим работам ученых университета имени М. В. Ломоносова.

И. Г. ПЕТРОВСКИЙ,

ректор Московского государственного университета, академик

БИОГРАФИЯ НЕВ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Четыре молодых исследователя стояли у опытной установки, которую только что кончили собирать. Собственно говоря, сами они ни за что не назвали бы себя так громко — «исследователи». Двое из них были студентами физического факультета Московского университета, один недавно поступил в аспирантуру. Лишь Владимир Мурзин работал уже научным сотрудником Института ядерной физики МГУ.

Только что взошло солнце, и в неровном свете его первых лучей казалось, что горы-великаны ободряюще кивают головами в снеговых шапках: не волнуйтесь, ребята, все будет хорошо.

Но волноваться было отчего: ведь эта небольшая опытная установка, смонтированная высоко в горах Памира, должна была открыть новую страницу в таинственной биографии космических лучей.

Что же это за установка?

Следопыты космических лучей

В 1925 году советский ученый Лев Мысовский впервые в нашей стране поставил смелый и очень простой опыт. Он взял обычный электроскоп и поместил его в свинцовый ящик со стенками толщиною в 10 сантиметров. Никакие ионизирующие лучи не должны проникнуть внутрь его. Но электроскоп мгновенно разрядился. Опыт был повторен десятки раз, но результат оставался прежним: электроскопы продолжали разряжаться. Какое-то невидимое излучение пронизывало массивные стенки ящика. Эти лучи приходили не из-под земли, а сверху, из мирового пространства.

В то время о космических лучах ученые знали немного: если лучи радия пробивают семисантиметровый слой свинца, то лучи из космоса преодолевают толщу атмосферы и остаются достаточно сильными, чтобы пробивать еще и другие преграды. Какую же колоссальную энергию несут они с собой?

Уже тогда Л. В. Мысовский был убежден, что пройдет немного лет, и техника социализма предоставит в распоряжение ученых самые точные и чувствительные приборы, которые смогут измерить эту энергию.

...Так был взят след таинственных невидимок...

В 1927 году академик Дмитрий Скобельцын, тогда еще молодой сотрудник Ленинградского физико-технического института, впервые создал метод измерения энергии заряженных частиц. Он «поймал» и сфотографировал электроны, определил их энергию. Она оказалась в десятки раз больше, чем у электронов от радиоактивного распада. Значит, сделал вывод ученый, это были электроны космических лучей.

В погоне за ними исследователи подымались высоко в горы, путешествовали на кораблях к экватору, взлетали в небо. С 1935 года в заоблачных высотах появились шары-радиозонды Вернова. Они атаковали на различных широтах поток загадочных лучей. В 1949 году советские исследователи получили ракетную технику. Приборы, установленные на ракетах, с помощью радиотелеметрической связи передавали на Землю сведения об излучении из Вселенной.

В последнее время прояснилось еще несколько страниц в биографии невидимок: открыто много новых элементарных частиц.

Желая избежать зависимости от случайных находок в запутанном калейдоскопе частиц, «залетающих с неба», физики научились получать их искусственно в гигантских ускорителях. Как сказал английский физик Сесиль Пауэлл, исследователи космических лучей слышат дыхание идущих за ними по пятам строителей гигантских машин.

Но пока в ускорителях можно получать космические частицы лишь сравнительно малых энергий — 10—30 миллиардов электроновольт, в то время как некоторые частицы из космоса несут с собой энергию в миллиарды миллиардов электроновольт. Вот они-то и особенно интересуют исследователей. Чем выше энергия частиц, тем глубже проникают они в глубь ядерного вещества. А значит, физики могут изучать более тонкие процессы взаимодействия частиц, глубже заглянуть в «недра» микромира.

...Ученые уже сравнительно много узнали о космических частицах высоких энергий. Лишь энергию их не удавалось точно измерить никому. Это-то и предстояло сделать опытной установке на высокогорной Памирской станции. Она была еще одним звеном в общей цепи чувствительных приборов для изучения космических лучей, о которых мечтал в 1925 году Лев Мысовский.

Прибор из школьного учебника

Когда молодые исследователи приступали к опыту, в горах Памира было утро, а Москва еще спала. Но Владимир Мурзин знал наверняка, что в эту ночь их руководитель профессор Н. Л. Григоров не смыкает глаз.

Более двадцати пяти лет назад Григоров занялся изучением космических лучей. Тогда он не был ни доктором физико-математических наук, ни руководителем лаборатории. Он работал лаборантом в Физическом институте Академии наук СССР. Первое боевое крещение он получил в экспедиции за космическими лучами на гору Эльбрус. В тот же год он поступил в университет, а после его окончания вернулся в Физический институт. Работу над изучением космических лучей прервала Великая Отечественная война. Пять лет Григоров выслеживал не частицы, бомбардирующие Землю, а самолеты противника...

— Как возникла у вас идея новой установки, подсчитывающей энергию мощных космических частиц? — спрашиваю я у профессора Григорова.

— Энергию частиц сравнительно небольшой силы,— говорит профессор,— удавалось измерить по методу Скобельцына, проследив отклонение их в магнитном поле. А на частицы высоких энергий магнитное поле почти не оказывало влияния. Значит, надо было искать какой-то иной метод.

Намек на идею дал старый, известный каждому школьнику прибор — калориметр. Грубо говоря, опыт решили ставить примерно так: на большое количество какого-либо вещества, например, железа, падает частица, энергию которой мы хотим измерить. Проходя сквозь железо, частица теряет свою энергию, и в конечном итоге вся энергия ее переходит в тепло. Но измерить термометром, на сколько градусов нагрелся кусок железа весом в несколько тонн, невозможно. Это будут какие-то миллионные или даже миллиардные доли градуса. Тогда решили измерить не температуру, а подсчитать количество ионизованных атомов во всем блоке железа. Зная, какая нужна энергия на ионизацию одного атома, можно узнать и первичную энергию космической частицы.

В принципе такой прибор можно построить. Но сразу же возникло много технических трудностей.

— Если бы не мои молодые помощники, мы бы вряд ли справились,— продолжает Григоров.— Например, надо было поставить более сотни ионизационных камер, каждую соединить с усилителем и на каждую камеру приспособить громоздкий амплитудный анализатор. А теперь на нашей установке стоит лишь один небольшой прибор. Он «запоминает» мгновенную картину распространения ионизации в установке, а затем «по очереди» регистрирует эти данные. Придумал это интересное усовершенствование молодой сотрудник лаборатории Владимир Шестоперов.

В тот год, когда Н. Л. Григоров начал свои первые работы в области космических лучей, Владимир Шестоперов только родился. Закончив университет, он поступил в аспирантуру и сразу оказался на одном из самых важных фронтов науки. Сейчас по принципу, разработанному Шестоперовым, строят установки для определения энергии мощных космических частиц его коллеги-физики из Армении, Грузии и других республик.

...Работа над изучением космических частиц, над созданием новой установки захватывала все больше людей. В группе профессора Григорова, получившей потом Ломоносовскую премию, кроме В. С. Мурзина и В. Я. Шестоперова, были и И. Д. Раппопорт — старший инженер лаборатории, научный сотрудник Л. Г. Мищенко, преподаватель МГУ доцент Л. И. Сарычева, младший научный сотрудник Владимир Собиняков.

Первая опытная Установка, которую монтировал в горах Памира В. С. Мурзин, сразу же привлекла внимание ученых. Результаты работы на ней превзошли все ожидания. Физики получили возможность измерять энергию мощных космических частиц так же точно, как это делается в лабораторных условиях с частицами более низких энергий.

На горе Арагац

Но вскоре, когда круг исследований расширился, маленькая опытная установка перестала удовлетворять ученых. В лаборатории решили построить новую, огромную установку. Она должна была не только измерять энергию мощных космических частиц, но и собирать их «автографы». По следу, оставленному частицей, можно проследить взаимодействие ее с атомными ядрами, ее путь и поведение.

За работами лаборатории с интересом следили не только московские физики. Когда встал вопрос о постройке новой установки, следопыты космических лу-

Еревана казалось совсем невозможным. Но прибор надо немедленно исправить.

Кто спустится с гор? Каждый человек на счету, все необходимы на работе.

— Я женщина, и сейчас, при монтаже установки, наверное, меньше нужна, чем мужчины,— просто сказала Людмила Сарычева.— Поэтому в город пойду я.

До проезжей дороги добрых два десятка километров. По хорошему снежку спуститься на лыжах с гор — одно удовольствие. Но сейчас каждый шаг доставался Людмиле Ивановне с трудом. Много раз она проваливалась по пояс в снежную жижу. Много раз лыжи зарывались в подтаявший снег. А резкий, не по-весеннему холодный ветер не переставал швырять ей в лицо жесткую снежную крупу. Лишь на другой день к вечеру, когда на станции уже начали беспокоиться, Людмиле Ивановне удалось вернуться с исправленным прибором.

Спустя год вся группа сотрудников, возглавляемая профессором Н. Л. Григоровым, получила премию имени Ломоносова первой степени.

ИДИМКИ

Вот они — следопыты космических лучей, получившие премию имени Ломоносова: Владимир Собиняков, Владимир Мурзин, Людмила Сарычева, Владимир Шестоперов, Лев Мищенко, профессор Н. Л. Григоров, Илья Раппопорт.

Фото А. Гостева.

чей из Армении любезно пригласили своих коллег проводить опыты на горе Арагац, во владениях Института физики Армянской Академии наук.

...Зима выдалась особенно холодная и снежная. Маленькие домики высокогорной опытной станции тонули в сугробах.

Столовая стояла всего в пятнадцати метрах от общежития, но в дни снежных буранов попасть в нее было не так-то легко. Случалось, что научные сотрудники в шутку, конечно, с карандашом в руках подсчитывали, стоит или нет идти сегодня обедать. Математика говорила, что не стоит. Ведь чтобы пройти в снежный буран, когда ветер валит с ног, эти пятнадцать метров, надо затратить больше калорий, чем получишь их, съев энное количество пищи.

Но физиков, путешественников и спортсменов это не очень пугало. Хуже было то, что дежуривший ночью у установки не мог без посторонней помощи выбраться из дома. Метель прочно замуровывала домик в стенах снежной крепости. Но главное, здесь, высоко в горах, каждая маленькая неполадка, связанная с монтажом новой установки, перерастала в проблему. Бывали случаи, когда на недели из-за буранов, обвалов в горах, весенних разливов высокогорная станция оказывалась совершенно оторванной от институтов.

Когда монтаж подходил к концу, сломался один прибор. Поломка, по существу, самая пустяковая, но исправить ее можно лишь в лабораторных условиях.

Хотя на дворе стоял уже май, в горах было много снега. Пожалуй, даже не снега, а жидкой снежной массы, в которую проваливались и люди и машины. Добраться до

«И саму высоту небес»

Совсем недавно в Токио, на Всемирной конференции по изучению космических лучей, виднейшие ученые мира с интересом слушали выступления молодых советских исследователей Людмилы Сарычевой и Владимира Мурзина. Они рассказали об оригинальных установках, сконструированных лабораторией космических лучей, о своих опытах и наблюдениях. Теперь исследователи всех стран получили возможность наблюдать те процессы, которые происходят при взаимодействии элементарных частиц, иными словами, сделан еще шаг к познанию материи. В то же время, разгадав природу долетевшей к нам частицы, можно составить представление о тех космических процессах, которые происходят во Вселенной.

Так в таинственную биографию космических лучей вписана еще одна существенная страница.

...Группу профессора Григорова часто можно увидеть вместе. Вот и сегодня она идет по Ломоносовскому проспекту. В последнем золоте опавших листьев стоят просторные скверы у величественного здания университета. А перед ним — гранитный памятник «великому архангельскому мужику», который два с лишним столетия назад писал:

О вы, щастливыя науки!
Прилежны простирайте руки
И взор до самых дальних мест.

Пройдите землю, и пучину,
И степи, и глубокий лес,
И нутр Рифейский, и вершину,
И саму высоту небес.
Везде исследуйте всечасно,
Что есть велико и прекрасно,
Чего еще не видел свет...

Слово о Ломоносове

Как по своему энциклопедизму, так и по легкости восприятия этот знаменитый ученый был типом русского человека. Он писал по-русски, по-немецки и по-латыни. Он был горняком, химиком, поэтом, филологом, физиком, астрономом и историком. Одновременно он писал метеорологическое исследование об электричестве и другое — о пришествии варягов на Русь, в ответ историографу Миллеру, что не мешало ему закончить свои торжественные оды и дидактические поэмы. Его ясный ум, полный беспокойного желания все понять, оставлял один предмет, чтобы овладеть другим, с удивительной легкостью постигая его.

А. ГЕРЦЕН. 1851.

Ломоносов страстно любил науку, но думал и заботился исключительно о том, что нужно было для блага его родины. Он хотел служить не чистой науке, а только отечеству.

Н. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ. 1856.

...Колоссальная легендарная фигура выходца из «мужиков» — Ломоносова, поэта и одного из крупнейших ученых.

М. ГОРЬКИЙ. 1928.

Еще Ломоносов в свое время звал на Север посмотреть, что там делается. Этот проницательный человек, который жил 200 лет тому назад, сокрушался: «По многим доказательствам заключаю, что и в северных земных недрах пространно и богато царствует натура, и искать оных сокровищ некому!» «А металлы и минералы,— добавлял Ломоносов,— сами на двор не придут. Они требуют глаз и рук в своих поисках». Я думаю, что все наши просвещенные организации, начиная с Академии наук, и все практические работники должны последовать совету Ломоносова и действительно глазами и руками прощупать все, что имеется в этом богатом и обширном крае.

С. КИРОВ. 1932.

Петр Великий считал науку одним из аспектов своего плана создания независимой в экономическом и военном отношении России... Этот план должен был успешно осуществиться только после окончания царствования Петра, когда он стал делом всей жизни интеллектуального титана XVIII столетия Михаила Ломоносова (1711—1765) — поэта, техника и физика, первого из целого ряда великих русских мужей науки.

Дж. БЕРНАЛ. 1954.

Русский студент из Петербурга

Новые материалы из германских архивов

В. ЧЕНАКАЛ

Одним из наиболее слабо изученных периодов жизни Ломоносова остается до сих пор четырехлетний период пребывания его в Германии. В архивах Германской Демократической Республики, и Федеративной Республики Германии мы попытались найти какие-либо новые документы о великом ученом, чтобы использовать их в «Летописи жизни и творчества М. В. Ломоносова»[1].

Находясь в Германии, Ломоносов с 3 ноября 1736 года по 9 июля 1739 года прожил в Марбурге, слушая лекции Х. Вольфа и других немецких ученых того времени в Марбургском университете. С 14 июля 1739 года по 6 мая 1740 года наш соотечественник находился во Фрейберге. В архивах Марбурга и Фрейберга и можно было ожидать документов о Ломоносове.

Поиски в архивах Фрейберга не увенчались успехом. На посланный в Горную академию во Фрейберге запрос директор библиотеки и архива доктор Вальтер Шельхас сообщил, что никаких документов о Ломоносове там нет.

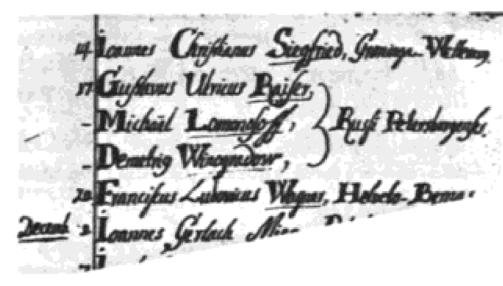
Обследование марбургских архивов, связанных с Ломоносовым, произведено по нашей просьбе западногерманскими историками доктором Арнольдом Бухгольцем из Райнбека и доктором Эриком Амбургером из Гиссена.

Первый из них в материалах Марбургского университета обнаружил два документа: матрикул университета за 1736 год и протокол профессорского совета университета от 15 октября 1737 года. Доктор Амбургер в Марбургском городском архиве нашел письмо И. Г. Гмелина к Ломоносову от 11 декабря 1748 года.

В матрикуле Марбургского университета за 1736 год содержатся любопытные сведения о Ломоносове.

Написанный по-латыни «Альбом Марбургской академии» форматом в обычный писчий лист содержит имена всех студентов, зачисленных в университет в 1736 году. Вначале сказано, что студенты зачислены в университет в период проректорства профессора философии Иоанна Каспара Санторока.

На последней, седьмой странице матрикула есть такая запись:

Gustavus Ulricus
Michail Lomonosoff
Franciscus

Ноября 17

Густав Ульрих Райзер
Михаил Ломоносов
Дмитрий Виноградов
русские, петербуржцы.

Точная дата зачисления Ломоносова и его товарищей в Марбургский университет известна уже давно. Еще в 1861 году о ней рассказал в своей работе М. Сухомлинов. Он работал в том же архиве, но не обратил внимания на весь документ в целом, на другие его записи, а они представляют не меньший интерес.

В матрикуле 123 имени. Изучение их — дело будущего. Однако уже сейчас, при беглом знакомстве с матрикулом, удалось установить, что, кроме Райзера и Виноградова, с Ломоносовым в том же году поступили в Марбургский университет еще двое юношей из России: «лифляндцы» Отто Герман фон Фитингоф из Мариенбурга (ныне Алуксне, Алуксненского района, Латвийской ССР) и Александр фон Эссен из Наукшен (ныне село того же названия, Руиенского района, Латвийской ССР).

Теперь становится понятной фраза в письме Ломоносова к непременному секретарю Берлинской Академии наук Иоганну Генриху Самуилу Формею от 12 февраля 1754 года.

«Покорнейше прошу, — пишет Ломоносов, — не отказать в передаче г. Сантороцкому моего привета и сообщить ему, что его приезд в Петербург может облегчить получение денег от Фитингофа».

В Марбурге русские студенты, как известно, очень часто испытывали материальные затруднения. Ломоносов в таких случаях занимал деньги у Вольфа; Фитингоф, очевидно, — у Санторока. Долги Ломоносова Вольфу впоследствии погасила Академия наук; долгов же Фитингофа Сантороку погашать, по-видимому, было некому, сам же он в первые годы после возвращения на родину, очевидно, не мог сделать этого. О выплате Фитингофом долга Сантороку и идет в письме речь.

Определенный интерес представляет и найденный в том же архиве протокол профессорского совета, или так называемой консистории Марбургского университета, от 15 октября 1737 года.

Наряду с различными административными, хозяйственными и финансовыми вопросами консистория в тот день рассматривала «Дело о ссоре между московским студентом Ломоносовым и Розенталем».

В чем заключалась ссора и кто был Розенталь, в протоколе не указано. Говорится лишь о том, что, рассмотрев «дело», присутствовавшие согласились с предложением профессора Кирхмайера наказать обоих студентов, заключить их в карцер: Ломоносова на три дня, Розентала на один день. Обоим студентам давали возможность откупиться от наказания, если они пожелали бы это сделать.

Под записью решения консистории имеется приписка:

«24 октября господин правительственный советник Вольф прислал 3 рейхсталера, выкуп за карцер Ломоносова».

Эта приписка, пожалуй, наиболее интересна. Она показывает, какую большую заботу проявлял Вольф о своем петербургском ученике.

Третий из найденных документов — письмо Гмелина к Ломоносову 11 декабря 1748 года.

Возвратившись в Петербург, Ломоносов, как известно, близко познакомился с работавшими в России крупными учеными. В 1743 году в Петербург приехал из Сибири, где он участвовал во Второй Камчатской экспедиции, крупный натуралист того времени «химии и истории натуральной профессор» И. Г. Гмелин.

Завязавшееся между Гмелиным и Ломоносовым знакомство скоро перешло в дружбу. Насколько крепка была эта дружба, можно видеть хотя бы из таких фактов: когда 17 июня 1745 года в Академическом собрании встал вопрос о присвоении Ломоносову профессорского звания по кафедре химии, то Гмелин, занимавший эту кафедру, охотно уступил ее Ломоносову, считая, что русскому ученому она более нужна.

В 1747 году Гмелин исхлопотал себе годичный отпуск для поездки в Германию с сохранением ему половинного жалованья. Академия наук потребовала, чтобы материальную ответственность за выполнение принятых Гмелиным обязательств, кроме него самого, несли еще два поручителя. Этими поручителями согласились быть Ломоносов и профессор истории Г. Миллер.

Из Германии Гмелин в конце августа 1748 года сообщил Академии наук, что в Петербург он больше не вернется. Академическая канцелярия потребовала от Ломоносова и Миллера, «дабы они старались поручительство свое настоящим делом окончать», и одновременно распорядилась выдавать им впредь только половинное жалованье, «а другую половину удерживать в казне» для погашения суммы, которая была выдана Гмелину.

С того времени между Ломоносовым и Гмелиным началась переписка. О ней известно давно, давно ведутся поиски писем, но ни одного письма из нее до сих пор опубликовано не было.

До сего времени отказ Гмелина возвратиться в Россию объясняли в нашей литературе его нежеланием служить русской науке. Письмо Гмелина показывает, что в действительности причина была совершенно иной. Проведя без малого десять лет в Сибири, Гмелин в Петербурге почувствовал себя очень плохо; сильная болезнь ног дополнилась болезнью легких, которая в Германии обострилась. Вернуться в таком состоянии в Россию он не мог.

Отвечая, по-видимому, на замечания Ломоносова о том, что болезнь не так уж серьезна, Гмелин писал:

«Вы милостивой мой государь немного не милостиво изволите рассудить о объявлении худого моего здоровья и называете оное объявление сибирскими отговорками. Хотя моя слабость в Сибири не такой важности была, как я об ней писывал, однако она не была вся пуста. Да хотя бы и ни во что ее ставить можно было, однако из того не следует, что и впредь всегда здоровие продолжается, ежели не бессмертным быть кто думает... Известно же Вам, а ежели не известно, то многие мои приятели Вам о том скажут, а особливо подлекарь Роде, который мне ноги вязал, что я последние два года бытности моей в России опухолью ног болен был, а оным еще не вылечился. Сверх того прошлой весны будучи в швейцарской земле кровью много харкал, а с тех пор кашлем и опухолью ног мучаюсь, о чем ежели в Академии не поверят, я по желанию письменные свидетельства поставить могу».

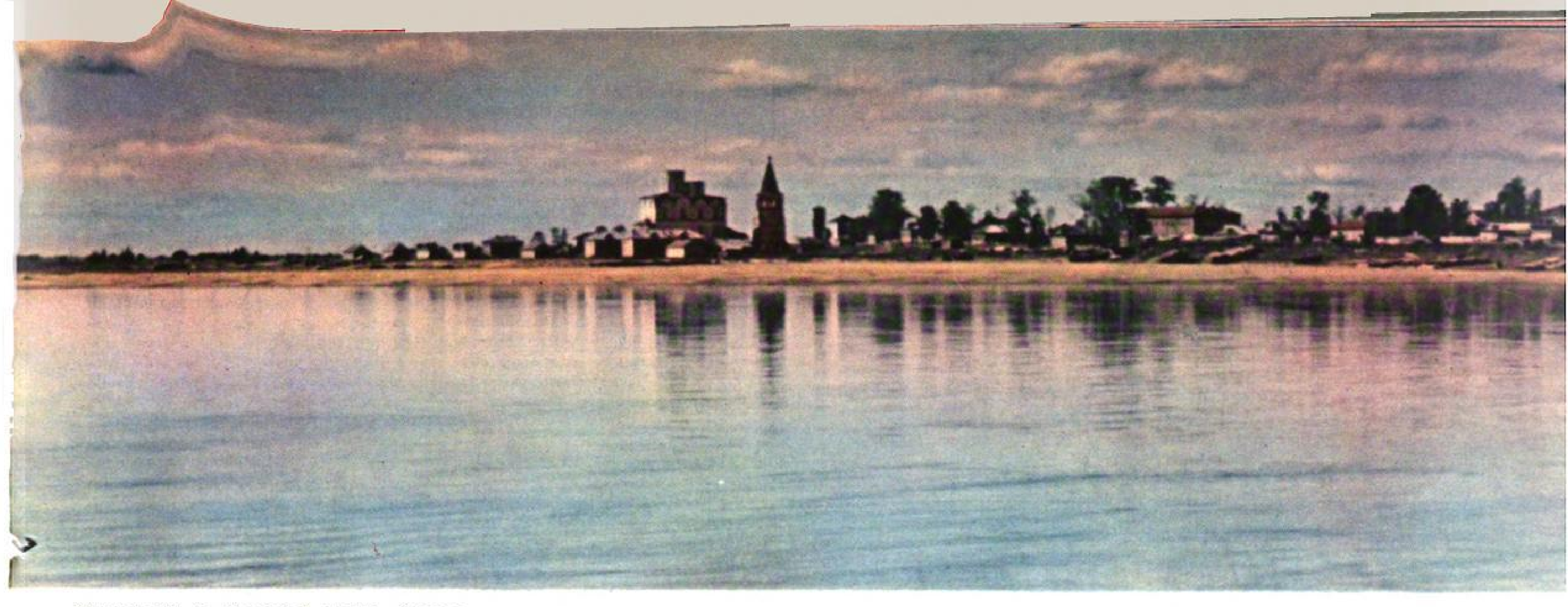
Гмелин уверял Ломоносова, что, несмотря ни на что, он по-прежнему хотел бы служить России: «Надеюсь я... про Россию всю мою жизнь с нижайшим моим и истинным благодарением вспоминать, да и труды свои все новейшие и ее слаeconom и чести и к пользе Академии наук прилагать...»

Зная, что Академическая канцелярия вычитывала у Ломоносова деньги за поручительство, Гмелин писал, что он перевел Академии наук 315 рублей 83 копейки «для освобождения Вас от поручения Вашего за меня».

Таково, коротко, содержание новых документов о великом ученом. Дальнейшее изучение позволит внести ряд важных дополнений в биографию Ломоносова.

В заключение автор считает своим приятным долгом выразить искреннюю благодарность докторам Вальтеру Шельхасу, Арнольду Бухгольцу и Эрику Амбургеру за оказанную ими помощь при разыскании новых материалов о Ломоносове в германских архивах.

[1] Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. Под редакцией А. В. Топчиева, Н. А. Фигуровского и В. Л. Ченакала. М.— Л., Изд-во АН СССР 1961.

Холмогоры на Северной Двине. Отсюда начался путь М. В. Ломоносова к вершинам русской науки и культуры.

Юноша Ломоносов на пути в Москву. Картина Н. Кислякова.

Музей М. В. Ломоносова в Ленинграде.

Большой Академический глобус, изготовленный в мастерской Академии наук под руководством Географического департамента, находившегося в ведении М. В. Ломоносова (1748—1752 гг.).

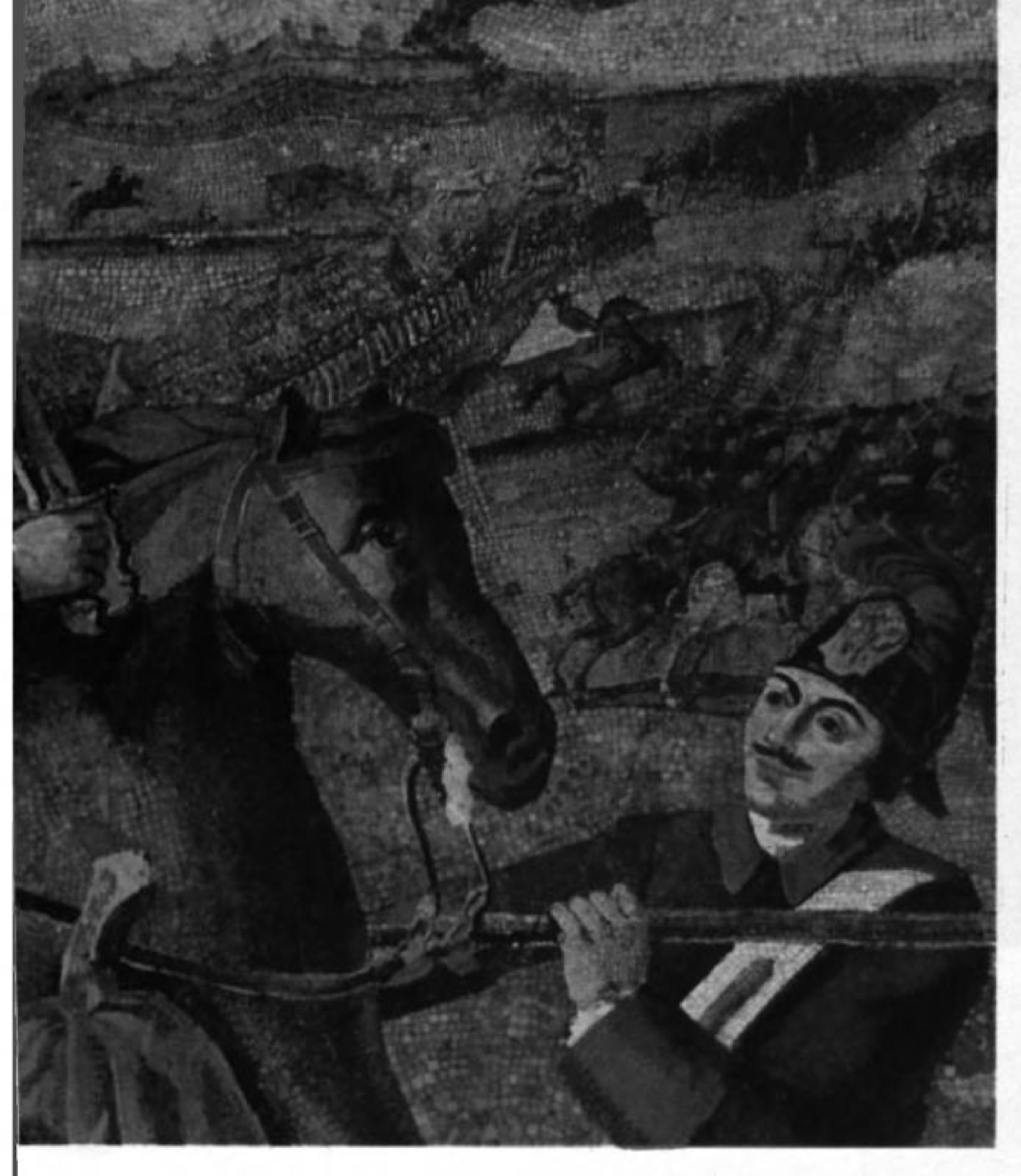
Полтавская баталия. Керамика работы М. В. Ломоносова (фрагмент).

Усадьба Ломоносова на набережной реки Мойки (макет).

Макет стрелки Васильевского острова в Петербурге ломоносовских времен. На п

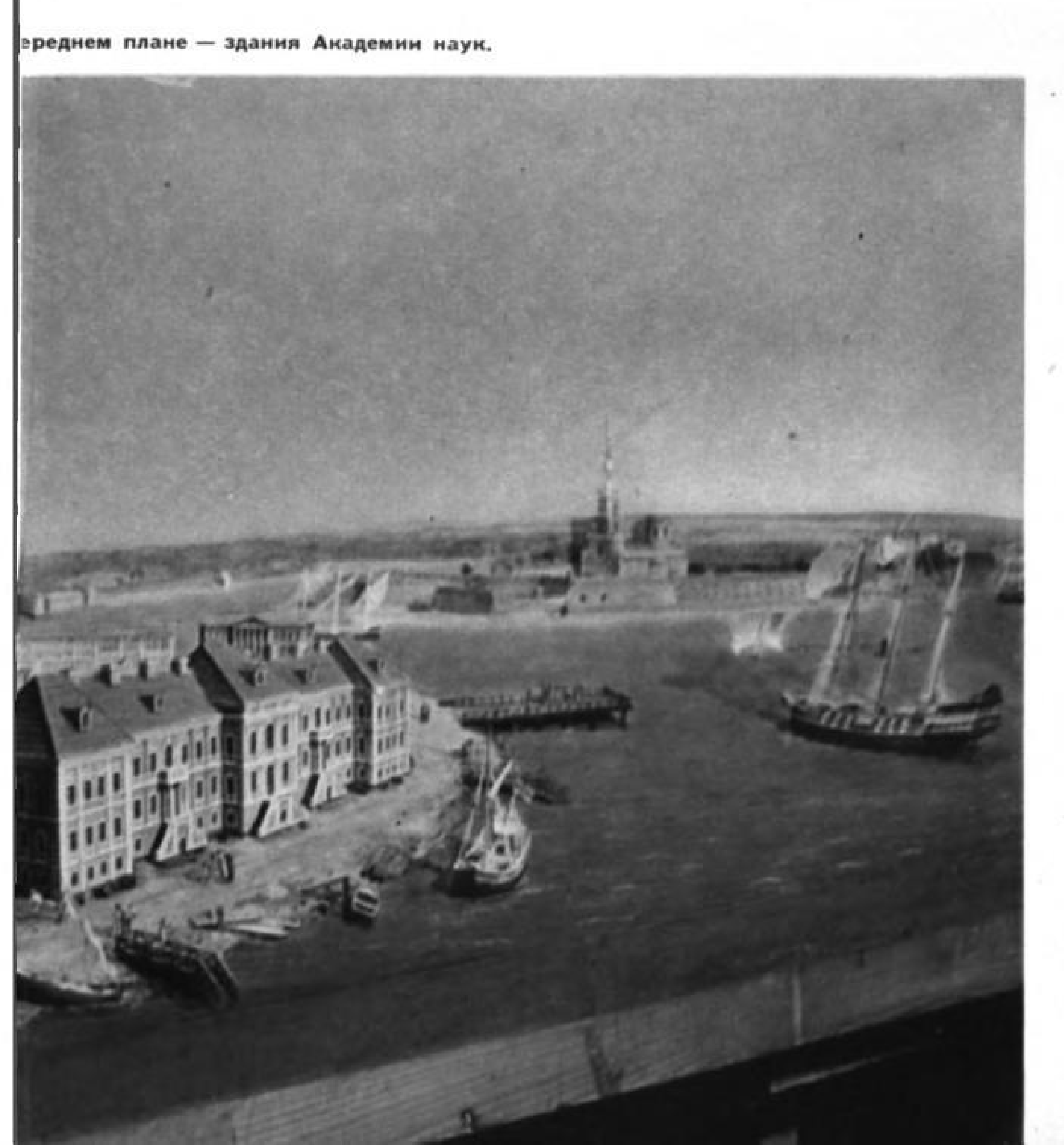
Ломоносов проводит опыты по изучению природы цвета и света.

Ломоносов в химической лаборатории.

Линогравюры Н. Г. Ноговицына.

ереднем плане — здания Академии наук.

Мастер мозаики С. А. Николаев работает над портретом М. В. Ломоносова в мастерской Академии художеств СССР.

Холмогорские земляки М. В. Ломоносова в наши дни.

Фото М. Савина и С. Фридлянда.

Архангельск.

Где ночует солнышко

Семен ШУРТАКОВ

Маленькая повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

С ЧЕГО НАЧАЛОСЬ

Началось все вот с чего.

Как-то в один из теплых дней ранней весны мы сидели с Любашкой в палисаднике нашего дома на солнышке. С высокого неба, с мокро блестевших крыш на нас низвергалась такая уйма света, что глаза с непривычки сами собой зажмуривались. Темный ноздреватый снег у забора истекал бесшумными ручьями, мокрый асфальт дымился, а отчаянно веселые взъерошенные воробьи купались в прогретых лужицах.

Незадолго перед этим мне довелось побывать на Дальнем Востоке, и я рассказывал дочке, как бродил с охотниками по Уссурийской тайге, как с рыбаками качался на крутых волнах Тихого океана. Рассказывал о знаменитом Комсомольске и не менее знаменитой ныне Находке, о потухших вулканах на Курилах и восходе солнца на Сахалине.

— А почему там день начинается раньше? — спросила Любашка.

— Потому что солнце раньше встает.

— И оно прямо из моря подымается?

— Прямо из моря.

— А где солнышко ночует?

Вопрос этот не то чтобы поставил меня в тупик, но все же изрядно озадачил. Попробуйте-ка объясните четырехлетнему человеку, где ночует солнышко!

Я начал было рассказывать, как велика наша страна, как долго солнце идет над ней, но все это показалось Любашке не очень интересным.

— Я знаю: наша страна самая большая и самая победительная. Это нам Галина Ивановна говорила... А еще — красный цвет, он самый хороший. И синий тоже: синее небо, водичка синяя... А красный цвет — потому что знамя красное. Я его больше всех люблю...

Свежая голубизна неба зеркально-спокойно отражалась в лужах, и оттого они казались без дна.

Темно-голубые Любашкины глаза распахнуты настежь, и не сразу понять, то ли цвета они такого, то ли весеннее небо в них как вон и в те лужицы смотрится. У дочки и рот полуоткрыт от напряженного внимания и даже курносый, пуговицей, нос и тот, кажется, принимает участие в этом трудном, но и очень интересном постижении огромного и как бы обновленного весенним солнцем мира.

На веточку липы в углу двора села нарядная синичка и торопливо, взахлеб, зацвенькала. Должно быть, она как можно скорее хотела сообщить нам, что весна пришла не только сюда, в город, но и в леса, в поля, что весна идет по всей земле.

— А синичке, когда в гости идти, не надо переодеваться — она и так нарядная,— глядя на певунью, сказала Любашка.

— Да, пожалуй,— согласился я.

Мимо прошла, должно быть, с рынка, соседка. В авоське у нее картошка была перемешана с яблоками, а поверх лежали пышные, румяные булки.

Содержимое авоськи навело Любашку на новые размышления.

— Яблоки растут на деревьях, картошка — в земле. А булки?

— Что булки? — не сразу понял я.

— Откуда привозят в булочную булки? Где они растут?

— Булки растут в поле,— ответил за меня густой, сочный бас.

Мы с Любашкой оглянулись. Рядом с нами стоял высокий усатый дядя в сером полупальто и огромной мохнатой шапке.

— Дядя Коля!

Да, это был мой старый товарищ Николай Григорьевич. Когда-то мы с ним вместе служили на флоте, потом потеряли друг друга из виду, а недавно снова нашли. Жил Николай Григорьевич в одной из подмосковных деревень и хоть не часто, но заходил ко мне, когда случалось бывать в Москве. Не раз и я собирался наведаться к нему, да так за делами и не собрался.

— Может, хоть этим летом приедешь? — Николай Григорьевич глядел из-под мохнатой шапки почти сердито.— А то как-то даже неудобно получается: сам, можно сказать, хлебороб, еще вчера только от сохи, то бишь от трактора, а дочка не знает, где и как булки растут. Нехорошо!

— Конечно, нехорошо,— подхватила Любашка.

— А видела ли ты, как цветы в лугах цветут и роса на них горит?

— Нет, не видела.

— А как солнышко встает и той росой умывается? Как радуга-дуга воду из реки пьет?

Любашка в ответ только тяжело вздохнула.

— И как солнышко спать ложится? — подлил я масла в огонь.

— Ты и этого не видела? — У Николая Григорьевича даже усы встопорщились от горького сочувствия и недоумения.— Ай, нехорошо!

Напор был дружный, и я дал обещание обязательно приехать.

— Вот это дело! — Николай Григорьевич сбил шапку на затылок, и лицо его сразу стало добрым и веселым.— Жду на этой же неделе. Не понравится — что ж, понравится — хоть на все лето милости просим. Лес рядом, речка... Ну, я мимоходом, мне на поезд пора. До скорого!

Любашка провожала Николая Григорьевича, как артиста, показавшего интересный номер,— хлопаньем в ладоши.

— Поедем! Поедем!.. А с поезда пойдем — я на руки проситься не буду. Я уже большая.

И чтобы доказать, что она человек достаточно взрослый, не то, что, к примеру, соседская Танечка, Любашка самодовольно похвастала:

— Таня говорит: лисипед. Это неправильно. Я говорю правильно: вылысыпед. И еще она говорит иродром, а надо ародром. Иродром — это бы очень просто.

Попробуй что-нибудь возрази против таких веских доводов!

И вот мы едем к дяде Коле.

Дорога от станции шла опушкой леса. Вот она сделала последний поворот, и мы увидели прячущуюся за соснами и березами небольшую деревушку.

Главную улицу деревни составляли рубленые избы с добротными дворами, с огородами и садами на задах.

На околице стояло новенькое под шифером длинное строение с силосными башнями по концам и колодцем у середины, должно быть, коровник. Чуть в стороне от коровника дымила кузница, обставленная разобранными тракторами, косилками, сеялками.

Около кузницы в ватнике и все той же мохнатой шапке Николай Григорьевич копался в моторе трактора.

— Знаете, вчера скворцы прилетели,— обрадованно сообщил он нам, здороваясь.

— А что с ним случилось? — участливо и этак деловито спросила Любашка, кивая на мотор.

— Да вот, понимаешь, простудился, что ли,— выдерживая тон, так же серьезно ответил дядя Коля.— Кашляет, чихает...— Мотор и в самом деле закашлял, потом громко чихнул и остановился.— Вот и думаю: то ли компресс ему поставить, то ли...

— Компресс! — решительно посоветовала Любашка.— От простужения он очень помогает.

— Пожалуй... Ну, вы идите до хаты, вон она.— Товарищ показал на один из крайних к лесу домиков.— Я за вами же следом. Вот только компрессию подрегулирую.

Дом с трех сторон окружал большой сад. У калитки нас встретила жена Николая Григорьевича, очень милая, очень добрая женщина. Она провела нас в дом и, еще не дав оглядеться, с ходу же начала угощать горячим, из печки, молоком.

Не прикрытая хозяйкой дверь тихонько скрипнула, и на пороге комнаты появился великолепный рыжий кот.

— Какой ры-ыжий! — удивленно воскликнула Любашка.— Тетя Шура, а можно я его немножко потрогаю?

— Ну конечно, милая. Рыжик, Рыжик, иди сюда.

Кот насторожил уши, убедился, что зовут именно его, и неторопливо, обходя сторонкой меня, приблизился к хозяйке. Он разрешил Любашке погладить себя по огненной шерсти, а когда понял, что ничего плохого этот маленький человек против него не замышляет, и совсем размягчился, развалился на полу и густо, басовито замурлыкал.

— Рыжик, Ры-ыжик! — захлебываясь от счастья, приговаривала Любашка.— Хороший Рыжик! Пушистый Рыжик!

— Ну вот видите, какой замечательный у нас кот,— сказал, входя в комнату, Николай Григорьевич.— А еще у нас есть Никита. Ну, заходи, заходи. То ты больно смелый, а тут, скажи, пожалуйста, застеснялся.

Сбычившись, глядя в пол и никуда больше, следом за Николаем Григорьевичем вошел худенький, очень похожий на отца чумазый паренек Любашкиных лет.

— Ну, подойди поближе,— позвала его тетя Шура,— познакомься вон с девочкой.

Никита будто и не слышал мать. Постояв немного и, видимо, считая, что для первого знакомства этого вполне достаточно, он опрометью выбежал из комнаты.

Дочка, очень любившая всякие новые знакомства, была несколько обескуражена.

— Ничего, еще навидаетесь,— успокоил ее Николай Григорьевич.

О том, что на лето мы приедем к ним, и он и тетя Шура говорили уже как о чем-то давно решенном.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Вот мы и в деревне.

Воздух здесь совсем другой, чем в Москве,— чистый, вкусный. И небо ясное, высокое, и солнышко светит ярче. Куда ни глянешь — нежная, радующая глаз зелень, под ноги тебе молодая, упругая травка стелется, а если где на огороде или на поле голую, ничем не прикрытую землю увидишь — и она здесь не та, что в городе,— черная, рассыпчатая, духовитая.

Сад около нашего дома был разнородный: вишни, яблони, смородина росли вперемежку с рябинами и березками. По краям густо зеленел молодой черемушник, а над ним возвышались редкие сосны и елочки.

У нас, взрослых, знакомство с новым местом не заняло много времени. Оглядывая сад, мы прикидывали: на той березке пристроим умывальник, этой тропинкой будем ходить на колодец за водой.

Любашка и Кутенок... Да, я совсем забыл сказать, что незадолго до нашего переезда обзавелись мы по настоянию Любашки месячным щенком волчьей масти. Кругленький, на коротких ножках, мягкий, пушистый, он так понравился дочке, что она готова была и есть с ним из одной чашки и спать на одной подушке.

Сразу щенка мы как-то не удосужились назвать ни Трезором, ни Рексом. Кутенок да Кутенок. Так Кутенком, или Кутешей, как любила его звать Любашка, он и остался.

Так вот, Любашка и Кутенок знакомились с садом куда основательнее. Сколько самых разных открытий сделали они для себя в первый день!

С небольшой полянки, где мы увидели одну лишь густую траву, Любашка прибежала с расширенными от счастья и восхищения глазами.

— Папа! Мама! — длинно и значительно пропела она.— Что я сейчас видела! Бабочку! Нарядную-пренарядную! Сначала она летела — мах-мах,— а потом села на цветок и крылышки вот так, чердачком, сложила. Нарядная-разнаря-ядная! А на дереве — птица. Большая! У нее такой пиджачок, здесь белая рубашка с красным галстуком, а на голове черная шапочка. А клювом она по дереву — тук-тук. Пойдемте, я покажу.

Мы шли — нельзя было не идти! — и глядели, как тукает на сосне птица в черном пиджаке.

Любашке шел пятый год. Возраст, прямо сказать, невеликий. И все же по сравнению со своим четвероногим дружком ее можно было считать почти взрослым человеком. У Любашки уже был какой-то жизненный опыт. Кутенок весь окружающий мир открывал для себя впервые.

Заявился с деревенской улицы Никита.

Завидев Кутенка, Никита, ни слова не говоря, протопал к нему, присел, а потом и лег

рядом на траву, нежно обняв пса. Растроганный Кутенок лизнул Никиту в нос, тот счастливо засмеялся и погладил пса по мягкой шерстке.

Любашка нахмурилась и этак значительно поглядела на Никиту. Парнишка, должно быть, понял этот взгляд и убрал руку с Кутенка.

— Он цей? — Это были первые слова, какие мы услышали от Никиты.— Твой?

— Он наш,— ответила Любашка.

— А мозно, я его потлогаю?

— Конечно, можно,— раздобрилась Любашка.— Он теперь будет и наш и твой.

Никита по достоинству оценил такую щедрость, потому что, вдосталь наигравшись с Кутенком, сказал Любашке:

— Пойдем, я тебе еактивный самоет показу.

Судя по доверительному тону Никиты, такой чести удостаивался далеко не каждый.

В дальнем углу сада у небольшого сарайчика валялись обрезки досок вместе с худым, без дна, ведром. Но то, что я принимал за кучку досок, оказалось боевой реактивной машиной, а ведро — передней бронированной частью этой грозной машины.

Вот Никита сел в самолет, заурчал — это значит, дал газ,— а через какую-то минуту по саду уже гремело:

— Иду на таян!

Оказывается, отважный парень этот Никита! Шутка ли: идет на таран и хоть бы глазом моргнул.

Любашка завистливо глядит на Никиту, глядит, как он лихо проносится мимо нее, разит налево и направо врагов острой саблей (всё— даже рубить саблей с самолета — может настоящий герой!), затем сбавляет газ и идет на посадку. Тут Никита натурально отирает пот со лба — так делают все летчики, когда возвращаются на аэродром,— устало вылезает из кабины — еще бы не устать после такого трудного боя! — и тогда только сажает на свое место Любашку.

Я иду в комнату.

Утомленный беготней и треволнениями, Кутенок идет следом за мной.

Домашний мир — это нечто уже обжитое, освоенное.

Однако и здесь нынче творится что-то неладное. Что это за огненный зверь идет из кухни в комнату? Какие усищи у этого зверя, какой большущий хвост и как уверенно, по-хозяйски ступает он своими мягкими лапами!

Кутенок оглядывается на дверь, но я нарочно прикрываю ее — и, значит, бежать некуда. А огненный зверь между тем, только сейчас заметив пса, вдруг выгибает спину дугой, топорщит шерсть и зловеще фыркает, страшно шевеля при этом своими огромными усами. Такое начало не предвещает ничего хорошего, и Кутенок, попятившись к моим ногам, сидит ни жив ни мертв.

— Рыжик! Поди сюда,— зову я.

Кот глядит на меня мудрыми глазами — и ни с места. Богатый жизненный опыт научил его держаться от собачьего рода подальше. Собака, даже маленькая,— исконный враг. Правда, эта собака не гавкает на него и вообще ведет себя более чем мирно, но все же лучше ухо держать востро. Спину, пожалуй, можно распрямить и шерсть дыбом держать не обязательно — это так, но не больше того.

Но как, как их познакомить поближе?

Я наливаю в блюдце молоко и ставлю его на середину комнаты, поближе к Кутенку. Кутенок привык лакать из этого блюдца и с предосторожностью, правда, но все же подходит к нему: голод не тетка, а пес с утра ничего не ел. Да к тому же он твердо уверен, что если налили в его блюдце, значит, это именно для него.

Рыжик некоторое время глядит на щенка, на блюдце с молоком, облизывается, но подходить не торопится. И только когда Кутенок, войдя во вкус, начинает лакать особенно звучно и аппетитно, кот не выдерживает и делает шаг вперед. Еще шаг. Пес перестал лакать, поглядел на кота, и тот остановился.

Нет, так они никогда не сойдутся!

Придерживая Кутенка одной рукой, другой я беру за холку Рыжика и разом подтаскиваю к блюдцу.

В первое мгновение повторяется то, что уже было: щенок хочет отпрянуть в сторону, а кот фырчит и дыбит свою рыжую шерсть. Каждый из них уверен, что сейчас, сию минуту произойдет что-то страшное: один будет растерзан другим.

Но ничего страшного не происходит. Щенок, конечно, все равно побаивается, его пробирает мелкая дрожь, а бывалый кот разгладил шерсть и успокоился. Ему уже окончательно ясно, что этого зверька, хоть он и собака, можно не бояться, вон он сам пятится.

Я тыкаю и кота носом в блюдечко. Но вот щенок прикоснулся своим лбом до лба и усов Рыжика.

— Фр-р-р! — фыркнул опять кот, словно получилось короткое замыкание.

Кутенка тоже будто током шибануло.

Но и опять ничего ужасного не произошло. Никто никого не растерзал.

Прошла еще минута, и Рыжик с Кутенком лакали молоко, уже не отрываясь.

Так состоялось это трудное знакомство.

РАЗГОВОР С ЖАВОРОНКОМ

Постепенно деревенская жизнь наша вошла в свою обычную колею.

После завтрака мать уезжала в Москву, на работу, а мы с Любашкой или копались на огороде, или брали одеяло и лежали на нем под соснами, читали, разговаривали. После недавней болезни мне было строго наказано врачами находиться на воздухе как можно больше.

— Нельзя ли раскорчевать вот тот дрянной кустарник под черемухой? — как-то спросили мы у тети Шуры.

Тетя Шура охотно разрешила, хоть и была немало удивлена, когда увидела, что раскорчеванное место я засеваю пшеничными зернами.

— Это мне надо для одного опыта,— пояснил я.

Тетя Шура понимающе кивнула, будто я был доктором сельскохозяйственных наук и будто бы она и в самом деле поверила моему объяснению.

В работе на огороде постоянную и весьма ощутимую помощь оказывали мне Любашка с Кутенком.

Я копаю землю, и Любашка своей маленькой лопаткой копает. Хорошо копает, старается вовсю. Разве вот только лопатка плохо слушается, и земля с нее почему-то чаще летит в мою тапочку, чем на грядку. А пес вслед за той землей кидается, и то прямо под мою лопату кинется, то на мои тапочки. Очень здорово у нас работа спорилась.

Вскопали, разрыхлили граблями землю, я бороздок понаделал. Любашка берет свои маленькие грабли и те бороздки старательно заваливает.

— Это ты зачем?

— А так лучше,— убежденно отвечает Любашка.— Красивее! Смотри-ка, ровно, как стол.

— Но мы же на этом столе обедать не собираемся. Мы тут сеять хотим.

Бороздки восстановлены. Я беру пшеничные зерна, разбрасываю по раскорчеванной грядке и забораниваю граблями. Кутенок видит, что я делаю, и тоже, хоть чем-то желая помочь мне, быстренько выкапывает семена.

— Это ты зачем? — теперь спрашивает уже Любашка.— Зачем выкапываешь?

— А это он видит, что я неправильно посеял семечко, слишком глубоко, вот и выкопал,— объясняю я.— Пусть будет помельче: скорее прорастет.

— Какой умный пес! — восторгается Любашка.— Все понимает!

— Умнейший пес,— поддакиваю я.

Так втроем мы обработали и посеяли свою целинную грядку.

Никита никакого участия в нашей работе не принимал. Ему это было неинтересно.

Никита мог подолгу без роздыха гонять мяч, мог целыми днями, забывая про еду, торчать в своем углу за сараем и крутить там педаль колеса разбитого велосипеда или что-то ладить, что-то строить. Строил он по большей части самолеты и ракеты. Он весь как бы устремлен был в небо, в космос.

Любил Никита и в поле бывать с отцом, но возвращался оттуда каждый раз так основательно пропыленным и промасленным, что задавал матери слишком много работы, и она старалась отпускать его пореже.

Мы с Любашкой тоже как-то два дня подряд провели на колхозном поле.

Трактор с сеялками на прицепе ползал из края в край по загону, и земля там, где проходил агрегат, делалась темной и как бы причесанной ровным гребнем.

Николай Григорьевич разрешил нам с Любашкой стать на доску сзади сеялки, и мы объехали один круг, второй, третий...

— А зернышки такие же, как и мы сеяли,— заметила Любашка, с удовольствием пересыпая в ящике текучее пшеничное золото.— А зачем их в землю прячут?

Об этом она уже спрашивала меня, когда мы засевали свою грядку.

— Из каждого такого зерна, я тебе уже объяснял, через две недели вырастет зеленый стебелек, а потом...

— Как хочется стебелек увидеть!

Любашке так не терпелось увидеть таинственный, выросший из зерна зеленый стебелек, что она нет-нет да и спрыгивала с сеялки, останавливалась и подолгу внимательно глядела на бороздки, в которые укладывались семена: не появится ли где хоть один.

А весь второй день мы пробыли на приречном поле, которое засевали кукурузой. Тут уж мы не только глядели на работу сеяльщиков, но и помогали им. Работа ответственная, и мы относились к ней очень серьезно. Особенно Любашка. Она однажды даже прикрикнула на оплошавшего Николая Григорьевича:

— Куда же ты едешь, дядя Коля?! Разве не видишь — проволока.

Как-то во время остановки трактора сверху, из небесной глуби до нас донеслась радостная, переливчатая песня жаворонка. Вот он опустился ниже, а вот опять кругами набирает высоту и снова снижается. Пение то удаляется, почти замирает в небесной голубизне, то становится громким до легкого звона в ушах. Мы стоим посреди поля, задрав головы, и нам хорошо видно, как серенькая, невзрачного пера птичка часто-часто трепыхает, будто в ладошки бьет, своими крыльями и, захлебываясь от счастья, поет, поет, поет.

— Чему он так радуется? — тихонько, словно боясь спугнуть певуна, спросила Любашка.

— Радуется весне, солнышку... Знаешь, как мы встречали весну, когда я был маленьким? Как только начнутся первые оттепели, как только солнышко с зимы на весну повернет, мать напечет нам жаворонков, и мы бегаем по улице с ними и кричим: «Жаворонок, прилети, красно лето принеси!». Вот как мы его ждали! И уж если ему, жаворонку, все — и большие и маленькие — рады, он тоже всем рад. Он радуется, что люди вышли на поля и засевают их.

— И он видит меня и тоже радуется?

— Ну, конечно, ему сверху все очень хорошо видно.

— А как бы ему сказать, что я ему тоже очень рада?

В поднятых к небу голубых глазах Любушки горело такое сильное и откровенное желание поделиться переполнявшей ее радостью, что отказать ей в этом было просто невозможно.

— Сейчас попробуем.

Я дождался, когда жаворонок спустился пониже, и тихонько, тоже с переливом посвистел.

— Услышал! Услышал! — Любашка даже подпрыгнула от восторга.— Еще громче запел!

Я не был уверен, что жаворонок действительно услышал и понял меня, но об этом лучше было промолчать.

— Хорошо в поле! — довольно заключила Любашка, когда мы под вечер возвращались домой.— И небо здесь большое. И жаворонки поют.

Долгий майский день догорает.

Вечером мы гуляем с Любашкой по деревенской околице. Отсюда далеко видны окрестные поля, перевитые светлой лентой Истры, изрезанные то пропадающими в хлебах, то снова возникающими дорогами. От коровника доносится разноголосое мычание, звенят подойники.

Мы доходим до края луговины и поворачиваем обратно.

— Гляди, гляди! — возбужденно теребит меня за рукав Любашка.— Мальчишки на золотых лошадях скачут.

Из-за пригорка выносятся на рысях двое вихрастых, голопятых всадников, и светло-игреневые лошади их, облитые закатным солнцем, и в самом деле кажутся золотыми.

Солнце тонет в огромных облаках, как бы уложенных друг на друга над самым горизонтом. Небесный купол в том месте по-особенному высок и прозрачен.

— А я, пап, теперь знаю, где солнце ночью,— глядя на закат, говорит Любашка.— Оно спит в облаках. Там ему мягко, как на подушках. На одно облако ляжет, а другим покроется.

Я тоже гляжу на замершие над горизонтом розовые облака и соглашаюсь с Любашкой. А еще я жалею, что так хорошо и просто нам, взрослым, про солнечный закат уже не подумать. Ведь мы точно знаем, куда и почему заходит солнце и откуда оно восходит...

ГЛУПЫЕ ТРЯСОГУЗКИ и МУДРЫЙ ПОПОЛЗЕНЬ

Утром нас разбудил стук топора и скрежет отдираемых досок. Где-то что-то ломали.

Я подошел к окну, выглянул.

Николай Григорьевич ломал стоявший в углу участка сарай. Когда-то в нем хранились разные строительные материалы: доски, цемент, железо. Теперь сослуживший свою службу сарайчик разбирали.

— А видишь, какие-то птички вьются,— сказала подбежавшая к окну Любашка.— Вон, вон, на траву перелетели, а теперь опять на доски.

И в самом деле, серенькие с белым брюшком и черной головкой птички суетливо бегали по доскам.

— Это трясогузки.

— Трестогузки?

— Тря-со-гузки,— поправила Любашку мать.— Видишь, у них хвостик, гузка значит, все время качается, трясется, вот их и прозвали трясогузками.

Между тем пестренькие птички продолжали перелетать с места на место и громко кричали. Они были явно чем-то обеспокоены.

К сараю подбежал Кутеша: ну как же, такое важное дело и вдруг обошлось бы без него! — и, остановившись около заваленного обломками пенька, начал принюхиваться.

— Цыц, зверь! Нельзя! — цыкнул на щенка Николай Григорьевич.

«Зверь» замер и, навострив уши, с острым любопытством уставился на пенек: ладно, мол, трогать нельзя, но посмотреть-то, наверное, можно.

А на пеньке лежало небольшое аккуратненькое гнездышко.

Когда мы с Любашкой подошли ближе, то увидели, что гнездо тесно забито недавно появившимися на свет желторотыми птенцами. Стоило одной из трясогузок пролететь поблизости от гнезда, птенцы начинали дружно пронзительно пищать, открывая настежь свои огромные клювы.

— Просят поесть,— поняла Любашка.

— В чем и дело-то,— сказал Николай Григорьевич.— Не гляди, что маленькие, они прожорливые. А вот как сделать, чтобы их папа с мамой накормили, прямо и не придумаешь.

Николай Григорьевич объяснил нам, что гнездо он нашел под крышей сарайчика и вот положил сюда.

— А здесь их и оставить,— предложила Любашка.

— Здесь нельзя. Здесь их кошки в два счета сожрут... Вон он уже приглядывается.

Под одним из кустов сидел Рыжик и делал вид, что сидит просто так, но как только птенцы начинали орать, кот довольно-таки недвусмысленно облизывался.

— Спрятать в кусты—родители не найдут,— между тем раздумывал Николай Григорьевич.— Уж больно глупая птица... Пожалуй-ка, вот что мы сделаем.

Николай Григорьевич нашел в Никитиной мастерской обрезок мягкой жести, сделал нечто вроде воронки с проволочной дужкой у широкого конца, а затем аккуратно вложил гнездо с птенцами в эту воронку.

— Держи,— сказал он мне,— потом подашь.— А сам полез на ближнюю от разломанного сарайчика ель.

Нижние ветви у дерева высохли и были обломаны. Николай Григорьевич залез метра на три и повесил гнездо на один из обломанных сучьев: и птицам видно и кошке не достать.

Я заметил, что Кутенок наблюдает за всей этой процедурой с огромным вниманием. Видно, очень хотелось постигнуть псу, зачем это таких маленьких затащили так высоко.

Рыжика перед тем, как вешать гнездо, мы предусмотрительно выпроводили с поляны.

Старания наши, однако, ни к чему не привели. Все прекрасно видевшие трясогузки и после того, как гнездо было устроено, продолжали летать над разломанным сараем и тревожно кричать: где наши дети, где наши дети?

— Да вот же они,— показывала им Любашка, но глупые птицы не понимали, что это именно их гнездо и орут в нем не чьи-нибудь, а их дети.

Пришел заспанный, сердитый Никита. Он был очень недоволен, что сарай сломали, не спросившись у него. Куда теперь ему деваться со своей космической мастерской? Потому, наверное, Никита довольно безучастно отнесся к беде желторотых птенцов. Как говорится, своя беда чужую заслонила.

Я помог Николаю Григорьевичу сложить доски в штабель.

— Пропадут птенчики,— последний раз оглядываясь на гнездо, вздохнул Николай Григорьевич.— Глупые птицы! Ну, мне пора в поле.

Мы некоторое время еще постояли на полянке, а потом тоже пошли завтракать.

Сразу после завтрака я сел за работу. Однако не прошло и получаса, как прибежала раскрасневшаяся, обрадованная Любашка.

— Папа! — еще издали по обыкновению закричала она.— Что там делается! Птичка птенчиков кормит. Только другая птичка, не трясогузка-трясогузка.

Это было интересно. Работу пришлось отложить.

А когда мы пришли на место, то увидели и в самом деле довольно занятную картину.

Птенцы по-прежнему орали в своем гнезде, глупые трясогузки тоскливо вторили им, сидя на досках. Но вот откуда-то прилетела свинцово-серого пера птичка с червяком в клюве, села на ствол ели — именно не на ветку, не на сук, а прямо на ствол — и быстро-быстро, будто ее за ниточку потянули, поползла вверх. Вот и сучок, на котором висит гнездо. Вместо птенцов в нем сейчас сплошные разинутые в истошном крике рты. Птичка доползла до гнезда, деловито сунула червяка в один из этих огромных ртов и тут же, не мешкая ни секунды, улетела.

Так вот кто кормилец осиротевших птенцов!

— Эту птичку называют поползень,— объясняю я Любашке.— Видишь, как она быстро ползает по деревьям.

— Смотри, уже опять летит!

Действительно, серая птичка уже прилетела с новым червяком и торопливо поднималась к гнезду. Сунула червяка в очередной рот и опять тут же улетела.

Еще один прилет. Еще...

Быстрота и неутомимость, с какой поползень кормил птенцов, были поразительны. Можно подумать, что серая птичка подрядилась работать сдельно. Но на кого? На чужих детей. А где у нее свои? Или их нет так же, как нет у нее и пары?

Как бы в ответ на все эти недоуменные вопросы на ствол елки сели сразу два поползня. Ну и, конечно, у того и другого было в клюве по червяку.

— То была мама, а теперь прилетел и папа,— объяснила Любашка появление второй серой птички.

Да, это, несомненно, была семейная пара. А если так, где-то поблизости у них есть и свое гнездо, свои дети. Этих осиротевших птенцов они просто-напросто усыновили по своей птичьей доброте. Это было благородно и удивительно.

Но еще больше, может быть, чем необыкновенное трудолюбие и доброта поползней, нас удивила их сообразительность.

Дело в том, что поползня вы редко увидите на зеленой веточке дерева или на его тонких сучьях. Он древолаз и привык бегать только по обросшему шершавой корой стволу. К слову сказать, в этом искусстве поползень не имеет себе равных, так как умеет спускаться по стволу даже сверху вниз, чего не может делать ни одна птица. У него и окраска перьев точно под серую кору.

Гнездо же висело на некотором удалении от ствола. И когда птица совала червяка в гнездо, он попадал одним и тем же двум или трем птенцам, которые сидели в гнезде ближе к дереву. До дальних кормилец со ствола дотянуться не мог — у него попросту перехватывали добычу. Как тут быть? Как сделать, чтобы всем доставалось поровну?

И поползень приспособился. Ему так хотелось накормить и дальних птенцов, что он пересилил в себе врожденную привычку ползать только по стволу. С очередным червяком серый кормилец прошел со ствола на обломанный сук, к которому было подвешено гнездо, и оттуда накормил одного из голодающих. Затем другого, третьего. В конце концов поползни наладились действовать так: один кормил птенцов со ствола, другой с сучка. Своего рода разделение труда.

Мы еще некоторое время любовались на прилежную деятельность скромных, незаметных на вид, но очень умных птичек и пошли в дом. Все устроилось как нельзя лучше.

Чуть не весь день торчавшие недалеко от гнезда в кустах Любашка и Никита сообщили вечером, что птичка накормила всех птенчиков и сама села на гнездо.

— Это если ночью будет дождь — чтобы маленьких не замочил,— по обыкновению пояснила дочка.

ЦВЕТЕНЬ

Незаметно прошел месяц нашей жизни в деревне. Все кругом густо разрослось, распустилось, налилось весенними соками. Непроницаемо сплошной стала листва на деревьях, отцвели и покрылись завязью плодов вишни и яблони. Черные с весны поля вокруг селения покрылись густой зеленью всходов. Дружно проросли хлебные зерна и на нашей раскорчеванной полоске.

Любашка, бегавшая целыми днями в одних трусиках, загорела. Волосы у нее слегка порыжели от солнца, пуговка носа шелушилась, а темно-голубые глаза на бронзовом лице казались как бы посветлевшими.

День ото дня солнце припекало все жарче. Лето входило в полную силу.

Хорошо в такую пору в полях! Цветут травы, колосятся, зацветают хлеба.

Как-то мы с Любашкой побывали на «нашем» поле — том самом, которое вместе с дядей Колей засевали ранней весной.

Выколосившаяся пшеница цвела, и в воздухе слышалось ровное пчелиное жужжание.

— Ну, теперь ты знаешь, что бывает с зелеными стебельками «потом»?

— Теперь знаю.— Любашка прислушалась.— А зачем сюда пчелки летают? Мед собирать?

— Нет. Кроме меда, они еще собирают с растений цветень. Видела, наверное: возьмешься за цветок — на пальцах золотистая пыльца остается. Вот это и есть цветень.

— Цветень,— повторила понравившееся ей новое слово Любашка.— А зачем им она?

— Пчелы из нее соты делают, а еще себе и своим деткам пищу приготавливают.

— И вкусная пища?

— Я не едал, но, надо думать, вкусная.

— Цветень,— еще раз повторила Любашка.— Так это же с цветочков!

— А пшеница сейчас тоже цветет.

— А где цветы? Вот эти?

— Нет, это васильки. И когда они в хлебах, их считают сорной, то есть плохой, травой.

Я сорвал один зеленый колосок и показал Любашке, как цветет пшеница. Цветение это было скромным, почти незаметным, но какой прекрасный плод приносит оно потом!

Рядом с пшеничным полем росла кукуруза, а за ней, ближе к деревне, довольно большой участок был засажен луком. Лук тоже цвел, и пчел здесь было еще больше.

— И с кукурузы пчелки пыльцу собирают? — спросила Любашка.

— Да, и с нее. А вот с лука — мед.

— Так лук же горький! — Любашка этак снисходительно рассмеялась, твердо уверенная, что я сказал если и не глупость, то что-то близкое к этому.

— Горький. Верно. И все же с этого поля — тут поболе гектара будет — пчелы могут собрать сто килограммов меду.

— Сто-о? — еще больше удивилась Любашка.

— Да, сто.

— Целый мешок?

— Ну, мед мешками редко меряют. Лучше сказать: хорошая кадка. Вот как у тети Шуры в кухне стоит.

Вернувшись домой, мы заглянули и на свою полоску. Пшеница на ней тоже зацветала, и пчелы так же деловито брали с этих скромных цветов свой взяток.

ДЕНЬ БОЛЬШОЙ РАДОСТИ

Быстро летит время!

Давно ли, кажется, мы корчевали кустарник под огород, а яблони с вишнями только-только начинали зацветать! Давно ли мы тревожились за судьбу желторотых птенцов трясогузок! Теперь же, глядишь, и вишни поспели и яблоки наливаются. А птенцы трясогузок не только оперились, но уже и улетели из гнезда, совсем самостоятельными птицами стали.

На полях созрели хлеба. В лесу появились грибы. Лето в самом разгаре.

В деревеньке нашей в эти дни тихо-тихо. Вся жизнь как бы переместилась на поля. Там и днем и ночью не умолкает шум моторов. От комбайнов к токам снуют машины, подводы, на токах стучат сортировки. На полевых дорогах запахло молодым житом, свежей соломой. Идет уборка.

Как-то мы с Любашкой опять провели целый день в поле. Я уже давно обещал покатать дочку на тракторе, а заодно и показать ей в работе комбайн.

Начали мы с трактора, пахавшего у леса залежь — небольшой продолговатый участок, заросший, должно быть, во время войны кустарником и теперь заново расчищенный.

В свое время мне пришлось работать и на тракторе и на комбайне, и Николай Григорьевич с легким сердцем доверил нам руль своей машины.

— Она у меня не норовистая, так что валяйте смело,— сказал он.— А я пока перекушу вон в том овражке, у родника. Только, гляди, на какой-нибудь старый пенек не напорись.

Я обещал быть внимательным, посадил на трактор Любашку, сел сам, и мы тронулись.

Перекрывая гул мотора, я объяснил дочке, откуда у трактора берется сила тянуть такой большой плуг, объяснил, зачем пашется земля, а затем спросил:

— А хотелось бы тебе самой управлять трактором?

— Очень бы хотелось! — ответила Любашка.— Когда я буду большая...

— А хочешь, я сейчас тебе покажу, как вести трактор, а сам только помогать буду?

Любашка с недоверием поглядела на меня: смеешься, мол? Управлять такой машинищей! Счастье было так велико, что в него не верилось.

— Клади руки на руль,— сказал я и поверх ручонок дочки положил свои.— Сумеешь, не бойся. Видишь, колесо из борозды вылезать начало, поверни руль сюда. Вот так. Теперь колесо идет правильно. А здесь в горку пустим трактор немного потише, а то ему тяжело. Я вот эту педаль нажму, а ты рычажком скорость убавишь. Так. Вот и выбрались в гору. Можно опять прибавить ходу. А теперь поворот. Так, так, резче крути руль. Вот и повернули. Молодец!

Любашка все делала своими собственными ручонками: и скорости переключала, и газ прибавляла, и руль крутила — я ведь ей помогал совсем незаметно. И надо было видеть, каким сосредоточенным от сознания ответственности было ее лицо, как туго были сведены на переносье тоненькие бровки. Шутка сказать: человеку доверили трактор! И не какой-нибудь там игрушечный, а самый что ни на есть настоящий. Вот он под ее ногами — большой, горячий, рычащий, как сказочный зверь. И страшный зверь этот подчиняется ей, слушается ее!

Объехали один круг, второй. Похоже, Николай Григорьевич, убедившись, что у нас все идет хорошо, прилег после обеда вздремнуть.

А Любашка продолжала жить в мире чудесной сказки, где она видела себя и богатырски сильной и все на свете умеющей. Мне не раз приходилось наблюдать ее за игрой в куклы, когда она, что называется, заигрывалась, отрешаясь от всего окружающего. Но я еще ни ра-

зу не замечал такой необыкновенной внутренней собранности и, что ли, самозабвенности.

Вот она обернулась ко мне, и я не узнал ее глаз: взгляд их был не по-детски серьезен, необычен. Такие глаза, наверное, бывают у человека, только что сделавшего какое-то открытие. Впрочем, как знать, может, маленький человек именно сейчас впервые открывал для себя что-то очень важное, очень значительное, что потом ему будет памятно всю жизнь!

— Ну как? — спросил я, наклонившись к дочкиному уху.

Любашка сделала глубокий вдох и на секунду зажмурила глаза, а уж потом только ответила:

— Вкусно!

Обычно это была высшая оценка, выражение самого полного счастья. Но, видимо, для данного случая даже этого слова Любашке показалось мало, и она добавила:

— Сладко!

А когда мы остановили трактор у овражка и я, спрыгнув на землю, протянул руки, чтобы снять дочку с трактора, она отвела их и лихо спрыгнула сама. После того, что было, человеку, надо думать, показалось просто-напросто неудобным, почти зазорным по каким-то пустякам прибегать к посторонней помощи.

И шла Любашка сейчас по пашне важно, значительно.

Комбайн убирал пшеницу. Пшеница вызрела, налилась, колосья уже не стояли свечками, как недавно, а тяжело клонились к земле.

Мы пошли рядом с комбайном. Срезанная пшеница с шумом падала на полотно, стремительно исчезала в гудящей утробе молотилки и, измятая, пустоколосая, вылетала из нее в соломокопнитель. Все было на вид очень легко и просто: вот стоит хлеб на поле, а вон он, уже скошенный и обмолоченный, отделенный от соломы, золотым дождем сыплется в бункер, а оттуда в кузов автомашины.

На одной из остановок мы залезли на мостик, и я попросил комбайнера разрешить нам постоять у штурвала.

Мостик под нами ходил ходуном, и Любашка поначалу даже явно оробела.

— Страшновато?

— Немножко,— откровенно призналась дочка.— А пахнет как все равно свежим хлебом. Вкусно!

В это время на поле пришли гурьбой деревенские ребятишки, среди которых мы увидели и Никиту. Часть ребят была повязана фартуками, остальные держали в руках сумки или мешочки.

— Это зачем они? — спросила Любашка.

— После комбайна кое-где колоски остаются. Вот ребята и пришли собирать их.

— Я тоже хочу! Ты с дядей на комбайне, а мы с Никитой за вами колоски будем собирать.

Ни фартука, ни мешочка у нас с собой не было. Пришлось Любашке собирать колоски в свою панаму.

Ребята выстроились в шеренгу и двинулись по убранному полю. Любашка шла рядом с Никитой. Мне видно было, как старательно выискивала она колоски, как радовалась каждой находке.

Панамка полна тяжелых колосьев. Любашка высыпает их в общий ворох, и ворох этот растет на глазах. Одному такой не насыпать. Но в этом большом ворохе есть и ее доля...

Домой возвращались насквозь пропыленными, чумазыми, смертельно уставшими и голодными, но очень и очень довольными. Для маленького человека долгий июльский день этот отныне был преисполнен особого значения. Это был большой трудовой день.

Увидев нас, мать в ужасе всплеснула руками:

— Боже мой! На кого вы похожи!

Любашка в ответ прижалась к матери чумазой рожицей и сказала:

— Мамочка! Когда вырасту большая, обязательно буду трактористом и комбайнером...

КАК РАСТУТ БУЛКИ...

Вот и июль на исходе.

На полях вокруг нашей деревеньки уборка идет полным ходом. Озимые хлеба уже скошены и обмолочены. На очереди яровая пшеница, овес, гречиха.

Свою полоску мы засеяли поздно. Позже колхозного поля она и взошла и поспела. Но так или иначе, а и для нее подошло время жатвы.

Пшеница на нашей богатой целинной земле уродилась на славу — высокая, крупноколосая, умолотистая. Особенно тучные, склонившиеся к земле колосья проворные молодые курочки начали уже выклевывать. Пора было приступать к уборке.

Я взял у тети Шуры косу, наточил ее, и вместе с Любашкой и Никитой в сопровождении Кутенка и Рыжика мы торжественно двинулись на наше пшеничное поле.

— Вжу-у, вжу-у-ре-жу,— пропела коса, и первые горстки срезанного хлеба легли на край полоски.

Кутенок гавкнул возбужденно и кинулся на скошенный хлеб, будто я что-то спрятал под ним. Пришлось Любашке взять не в меру резвого пса на руки: чего хорошего, еще под косу попадет.

Рыжик невозмутимо сидел поодаль и глядел на щенка с явным осуждением.

Скосил я полоску быстро. После этого мы аккуратно собрали пшеницу в большой тугой сноп и поставили его посреди полосы колосьями кверху: пусть немного посохнет.

А пока что недалеко от террасы мы сделали нечто вроде маленького тока, подровняли его, утрамбовали и чисто подмели свежим березовым веником.

Сноп был торжественно принесен на ток и гладкой, специально для этого выструганной палкой начисто, до последнего зернышка, обмолочен. Молотили мы напеременку с Любашкой и Никитой, а пес с котом тем временем зорко стояли на страже.

Куры, чуя поживу, ходили вокруг нашего тока и вкрадчиво распевали:

— Ра-ра-ра-ра-ра.

Некоторые понастырнее подходили совсем близко и пытались клевать пшеницу, но в таких случаях Кутенок отважно и без промедления кидался на непрошеных гостей и, если они убегали недостаточно поспешно, рвал с них пух и перья.

Принял свое участие в общем деле и Рыжик. Когда, обмолотив и провеяв пшеницу, мы оставили ее сохнуть, а сами пошли обедать, к току откуда-то из-под террасы, что ли, подкралась новая воровка — рыжая полевая мышь. Будто бы дремавший в сторонке кот развернувшейся пружиной мелькнул над соломой, и в следующее мгновение незадачливая полевка была у него в зубах.

Я еще заранее нашел два плоских камня, подогнал их один к другому, и вот сейчас высохшую пшеницу мы начали молоть между этими камнями. Дело шло медленно, мука на такой первобытной мельнице получалась грубая, крупная, и ее потом пришлось тщательно просеивать.

— Зачем мы все это делаем? — уже не первый раз спрашивала Любашка.

— Потерпи немного. Скоро узнаешь.

Никита, кажется, догадывался, что будет дальше, и все же не отходил от меня ни на шаг — так интересно ему было все, что мы делали.

Муки после просеивания осталось чуть побольше хороших пригоршней. Что ж, и то ладно.

— А теперь зови мать,— сказал я Любашке.

Мать взяла у тети Шуры немного дрожжей и в молочной кастрюле развела нашу далеко не первосортную муку.

День был жаркий, тесто быстро подошло. И вот уже мать ловко разделала его, и на противень легла маленькая аккуратная булка.

— Булочка! — радостно и удивленно воскликнула Любашка.

— Буйка,— подтвердил Никита.

— Да, это будут булки,— сказал я.— А пока они пекутся у тети Шуры в духовке, пойдемте погуляем, и я вам кое-что расскажу.

Мне не надо было много рассказывать Любашке с Никитой о том, как люди научились добывать хлеб — они это только что видели наглядно.

А когда мы вернулись, булочки и в самом деле были уже вынуты, и мы сели пить чай с ними. Всего их было четыре — каждому по одной.

Прямо сказать, на вид наши булки были невзрачные: и не такие белые, как московские, и не такие пышные и подрумяненные. Все это так. Но Любашка, едва откусив, уже заявила, что никогда не едала таких вкусных булок, и мы дружно согласились с ней.

— Ну, теперь-то ты будешь знать, где и как растут булки?

— Да, теперь я все знаю,— серьезно ответила Любашка.

На сей раз дочка не хвастала. Ведь она была в том возрасте, когда человек, еще не зная почти ничего, уверен, что знает все. Это потом только, узнав многое, человек начинает понимать, как мало он знает.

Пока мы пили чай, прошел слепой, сквозь солнце, дождь, и умытые им деревья, и травы, и все кругом теперь ярко, сочно блестело. И над всем этим чистым, сияющим миром огромная, вполнеба, стояла радуга. Один конец чудесной семицветной дуги тонул далеко-далеко за лесами, другой опустился в голубую излучину Истры.

— Вот бы добежать! — У Любашки даже голос дрогнул и прервался от восторга перед увиденным.

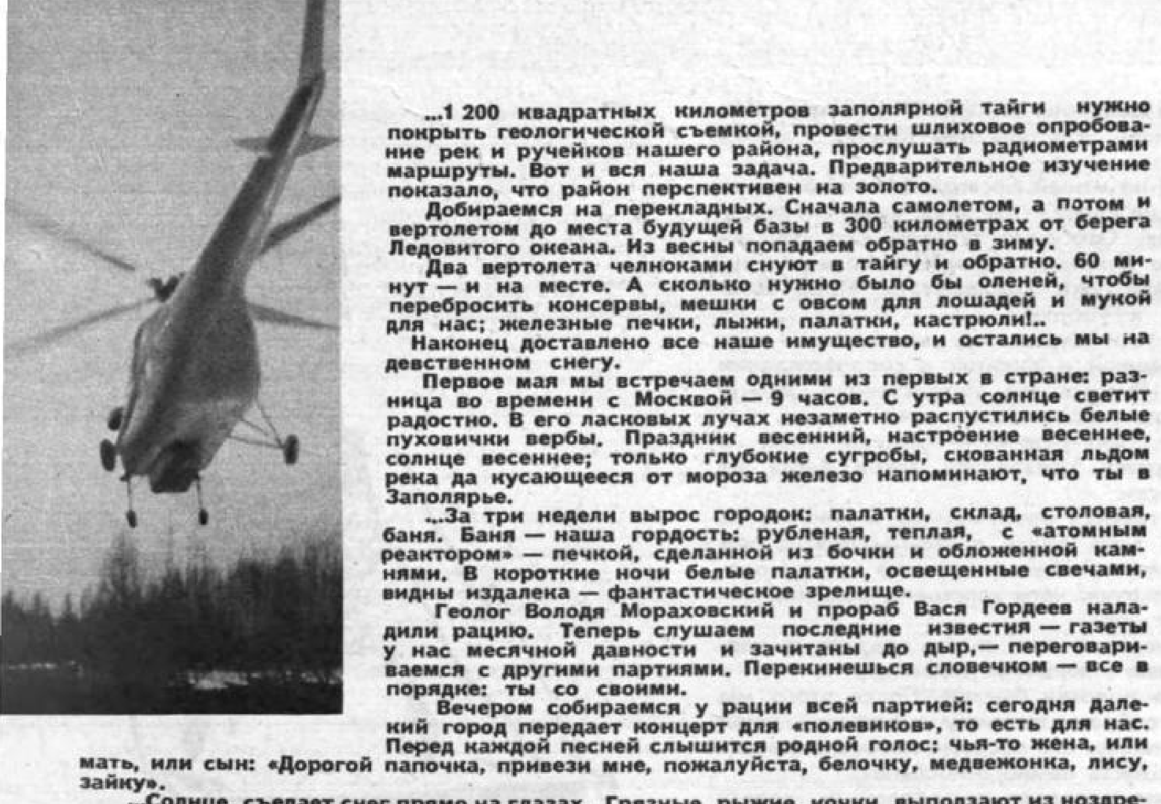
— Это очень далеко.

— Что ты! Совсем рядом... Никита, побежали!

Не отводя глаз от неба, они схватились за руки и побежали.

Я не стал их отговаривать, потому что и сам в детстве тоже бегал за радугой. Правда, мне так ни разу и не удалось добежать, радуга всегда оказывалась дальше, чем я думал. Но это мне не удалось, а им-то, может, и удастся...

Любашка с Никитой бежали по мокрой траве, а высоко в небе над ними семицветными воротами в чудесный мир сияла радуга.

...1 200 квадратных километров заполярной тайги нужно покрыть геологической съемкой, провести шлиховое опробование рек и ручейков нашего района, прослушать радиометрами маршруты. Вот и вся наша задача. Предварительное изучение показало, что район перспективен на золото.

Добираемся на перекладных. Сначала самолетом, а потом и вертолетом до места будущей базы в 300 километрах от берега Ледовитого океана. Из весны попадаем обратно в зиму.

Два вертолета челноками снуют в тайгу и обратно. 60 минут — и на месте. А сколько нужно было бы оленей, чтобы перебросить консервы, мешки с овсом для лошадей и мукой для нас; железные печки, лыжи, палатки, кастрюли!..

Наконец доставлено все наше имущество, и остались мы на девственном снегу.

Первое мая мы встречаем одними из первых в стране: разница во времени с Москвой — 9 часов. С утра солнце светит радостно. В его ласковых лучах незаметно распустились белые пуховички вербы. Праздник весенний, настроение весеннее, солнце весеннее; только глубокие сугробы, скованная льдом река да кусающееся от мороза железо напоминают, что ты в Заполярье.

...За три недели вырос городок: палатки, склад, столовая, баня. Баня — наша гордость: рубленая, теплая, с «атомным реактором» — печкой, сделанной из бочки и обложенной камнями. В короткие ночи белые палатки, освещенные свечами, видны издалека — фантастическое зрелище.

Геолог Володя Мораховский и прораб Вася Гордеев наладили рацию. Теперь слушаем последние известия — газеты у нас месячной давности и зачитаны до дыр,— переговариваемся с другими партиями. Перекинешься словечком — все в порядке: ты со своими.

Вечером собираемся у рации всей партией: сегодня далекий город передает концерт для «полевиков», то есть для нас. Перед каждой песней слышится родной голос: чья-то жена, или мать, или сын: «Дорогой папочка, привези мне, пожалуйста, белочку, медвежонка, лису, зайку».

...Солнце съедает снег прямо на глазах. Грязные рыжие кочки выползают из ноздреватых сугробов все в прошлогодней бруснике — вкусная штука да еще с витаминами.

Прилетел начальник партии Борис Меркурьевич Янин — колымчанин с десятилетним стажем. Теперь все в сборе: два Бориса, два Василия, три Николая, два Владимира, три лошади, две собаки и 1 200 квадратных километров. Не хватает только комаров. База наполняется суетой и тревогой: готовимся к первым маршрутам. Ночи перестали быть ночами: шарик солнца плавно катается по низкому горизонту. Настал полярный день. И сейчас же появились наши явные враги — комары. Ну и злющая «публика»! И кто только их придумал?..

По часам утро. Утро первого маршрута. Откормленные лошади неохотно принимают груз и, хитря, надувают бока, пока каюр Василий стягивает их чересседельником. Наконец тронулись. Впереди каюр с лошадьми, за ним геолог с молотком. Техник-геофизик с приборами и фотоаппаратом сзади. Маршрут трудный. За 15 часов прошли всего 30 километров. И все из-за кочек. К концу сезона мы запросто сможем выступать в цирке. Но зато на белом планшете появилась первая ниточка точек. Первая съемка.

Днем сейчас очень жарко и сухо, а между кочками лед. Полярные контрасты. Работаем в основном ночью: не так жарко.

В маршруты ходим двумя отрядами-связками: геолог и техник-геофизик,— так надежно и удобно. Иногда ходим и в двухдневные маршруты; тогда приходится брать положок — маленькую палатку с окошком, затянутым тюлем (это от комаров). И пока один готовит обед, другой оформляет геологический дневник, маршрутную книжку, образцы. Не забываем и про рыбу. Наш прораб Вася Гордеев, спасибо ему, частенько угощает нас свежим хариусом. После такого блюда приятно вечерком посидеть у костра и послушать бывалого геолога.

В двухдневном маршруте по водоразделам — это лучшая дорога в Заполярье — на первой же вершине встретили оленя, который стоял и раздумывал, глядя на нас: «Странные все-таки эти люди: по камням стучат, не стреляют, ягеля не едят».

...Второй день тянет гарью: горит тайга. На горизонте приплясывают желанные тучки, но только больше для порядка. Едкий дым тянет со стороны базы. Снаряжаем разведку: геолога Володю Мораховского и каюра Василия. Они идут к базе, а мы продолжаем работу. И вдруг дождь, спасительный дождь — лучший пожарный в тайге.

Работа двигается. Планшеты покрываются линиями маршрутов, начинают вырисовываться геологические контуры. Все меньше остается площади, короче выходы. Было бы совсем здорово, кабы не комары, они буквально взбесились, и если бы чуть-чуть не выручала мазь, мы бы тоже взбесились. А вот лошадей жалко: для них ведь нет противокомариной мази. Да еще оводы их одолевают. Каюр Василий разводит дымокуры и ходит за своими подопечными, будто нянька.

Бывают и такие дни, когда с утра идет снег, потом его сменяет дождь. Сыро и холодно. А хуже всего то, что нечего читать. Выучили наизусть все этикетки на пленках, сигаретах, спичках.

Но вот и пройден последний маршрут. Заученно бредут лошади к базе: не одну сотню километров отшагали они, неся гору образцов, металлометрических и шлиховых проб к маленькому городку в тайге.

Из-за деревьев забелели палатки. Наконец-то снова письма, баня, радио. А по утрам физзарядка.

Вот мы и дома. Два Бориса, два Василия, два Владимира, три Николая, две собаки, три лошади и в планшетах — 1 200 отснятых квадратных километров.

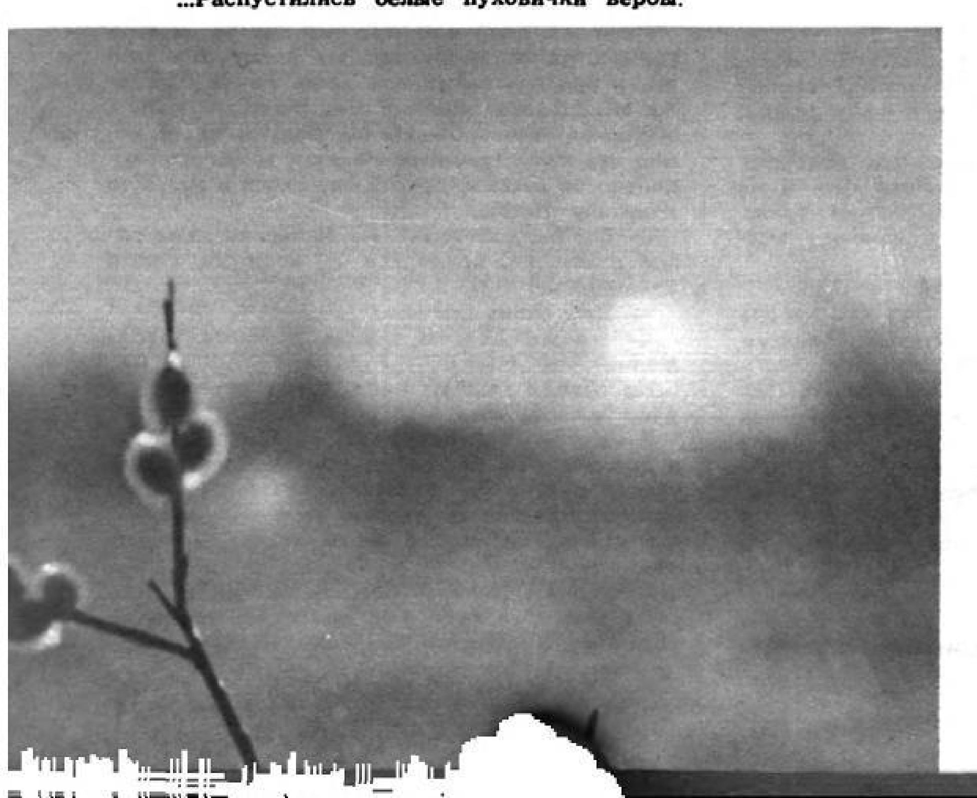
Трудное и хорошее было лето.

Б. ИЛЬИНСКИЙ
Фото автора.

Из зап

...Распустились белые пуховички вербы.

За три недели вырос городок: палатки, склад, столовая, баня.

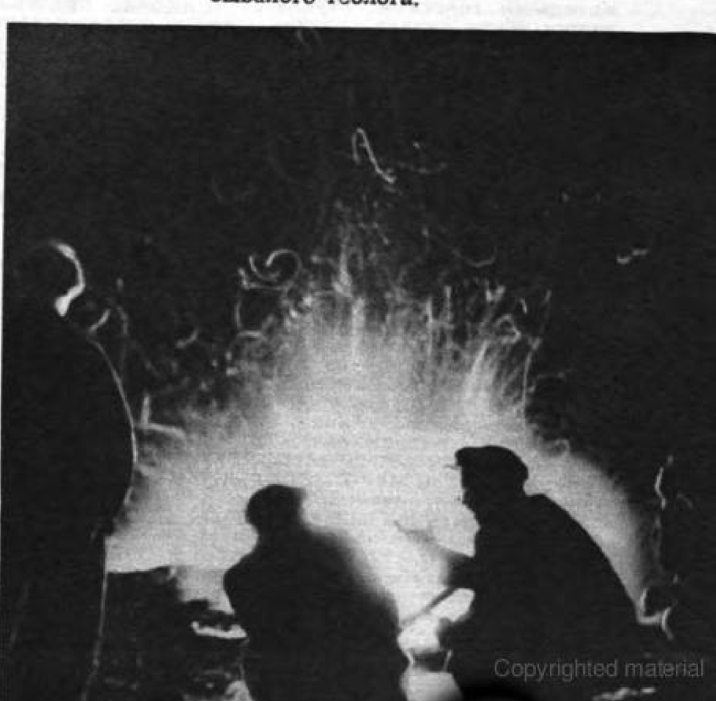

Впереди каюр с лошадьми, за ним геолог с молотком.

исок коллектора

И пока один готовит обед, другой оформляет геологический дневник, маршрутную карту, образцы.

Приятно вечерком посидеть у костра и послушать бывалого геолога.

ЧАПАЙ — ГЕРОЙ НОВОЙ ОПЕРЫ

Приехав в Чебоксары, вы, наверное, обратите внимание на одноэтажный деревянный дом. Мемориальная доска гласит: «...здесь учился в 1896—1897 годах герой Гражданской войны Василий Иванович Чапаев».

Нынешней осенью напротив этого дома появилась афиша: «17 октября 1961 года в Чувашском академическом музыкально-драматическом театре имени К. В. Иванова состоится премьера героико-романтической оперы Б. Мокроусова «Чапай»,— о нашем земляке, герое гражданской войны В. И. Чапаеве. Право первой постановки в СССР предоставлено нашему театру».

Спектакль посвящен XXII съезду. Премьера состоялась в день открытия исторического съезда в новом здании музыкально-драматического театра. Это здание стоит на высоком берегу Волги. Точнее сказать, будет стоять, ибо сейчас оно находится на некотором расстоянии от Волги... А когда построят Чебоксарскую ГЭС и прибрежная часть старого города будет затоплена, театр окажется на самом берегу. С таким расчетом его и построили на этом высоком месте.

Итак, мы на спектакле. Открывается занавес... Дружными аплодисментами сразу же награждают зрители постановщика оперы Бориса Марнова. Спектакль поставлен им интересно, темпераментно, с хорошим вкусом. Музыка Бориса Мокроусова понравилась всем своей глубиной и задушевностью. Она очень мелодична, и в то же время в ней ощущается сила и романтика героических дней гражданской войны.

Петр ГРАДОВ

На снимке: Чапай — артист Т. Серов.

ЦИРК ПРИЕХАЛ В ГОРОД...

Радости ребят нет конца: только что с арены цирка убежали дрессированные собачки — и вот уже появилась коза, запряженная в коляску с пассажиркой — кошкой. А затем выехал великолепный наездник — медведь на лошади...

Ребятишки аплодируют неудержимо! Аплодируют в Челябинске, в Макеевке, в Краматорске, в Омске, в Одессе... Где только не побывал за свою долгую творческую жизнь И. Г. Цивин — один из старейших артистов советского цирка!

Г. ЕВГЕНЬЕВ

На манеже И. Г. Цивин.

В ХАТУ-МУЗЕЙ ДОВЖЕНКО

Год назад мне случилось быть в мастерской Кудрявцевой в Харькове. Эта застенчивая, уже немолодая женщина искренне любит Украину и всю свою жизнь рассказывает о ней в своих скульптурах — каких-то тихих и светлых, исполненных ощущения подлинной поэзии.

Новая ее работа, только еще рождавшаяся и тогда никому не известная, стояла в углу, укутанная куском грубого брезента. Я стала неотвязно просить Ольгу Николаевну: «Покажите!..»

Кудрявцева не привыкла показывать незаконченное, но я все настаивала, и Ольга Николаевна нехотя принялась снимать со статуи мокрые мешки, тряпки, куски клеенки, обрывки пестрых лоскутов, опять мешки, опять клеенка... Это продолжалось очень долго; мне даже стало неловко: вдруг то, что я увижу, еще настолько не готово, что и не оправдает всех этих хлопот, доставленных художнице...

Наконец Ольга Николаевна осторожно сняла последнюю тряпку с сырой глины. Я увидела Кравчину; он рассматривал своего новорожденного сына с такой безмолвной и глубокой любовью, которая и не требовала слов, будучи сильнее их и выразительней. Казалось, темная глина светилась...

Работая над любимым образом А. П. Довженко из «Поэмы о море», Кудрявцева словно перешагнула границу собственного первоначального замысла. Сама Украина видит свой завтрашний день, любуется им; надеждой, гордостью и счастьем веет от крутого, высокого чела Кравчины; бережной ласки полна отцовская рука, сильная и нежная...

Художница решила подарить готовую скульптуру хате-музею А. П. Довженко; скоро статуя отправится в путешествие на Украину в село Сосницы, где прошло детство замечательного писателя и режиссера.

Н. ТОЛЧЕНОВА

ПРИНИМАЙ, ЦЕЛИНА, ПОПОЛНЕНИЕ!

На экране — степь, дальняя даль без конца и без края. Целина. Спит многовековым сном земля, никнет ковыль. И вдруг тишина, которая казалась вечной, взрывается, исчезает, будто никогда ее и не было. Степь наполняется звонкими молодыми голосами, стучит топор; вбита первая табличка с надписью «Совхоз имени Юрия Гагарина», победно гудят трактора... Так начинается новый цветной документальный фильм «Голоса целины», выпущенный студией документальных фильмов в подарок историческому XXII съезду КПСС.

Вместе с авторами фильма зритель идет по обновленной, помолодевшей земле, встречается с людьми, для которых трудовой подвиг стал каждодневным, обыденным делом. А выпускникам одной из подмосковных школ — мальчишкам и девчонкам, которые еще вчера мечтали о подвигах, целина открывает простор — надеждам, мечтам, дерзаниям...

Поезд привозит нас в столицу края Целиноград. Сегодня город встречает дорогих гостей: отовсюду едут на целину строители, они будут обживать степь,— принимай, целина, пополнение! И вот уже струится в кузова машин водопад полновесных зерен, идет бесконечный поток грузовиков с целинным хлебом...

О людях, преобразующих землю, рассказывает новый фильм.

Л. СОКОЛОВА

Человек рвется к солнцу

Спектакли Литовского академического театра драмы с участием Генрикаса Курауcкаса всегда радуют зрителей. Молодой актер, в недавнем прошлом водитель автомашины, всегда значителен и необычен... Именно так — необычно, с новых, современных позиций играет Курауcкас в «Привидениях» Ибсена. Его Освальд — менее всего хрупкое, надломленное жизнью и «роковой наследственностью» существо. Это сильная и утонченная, нервная и одарённая натура. В чувстве Освальда — Курауcкаса к Регине, в его взаимоотношениях с матерью — фру Альвинг (эту роль талантливо исполняет народная артистка Литовской ССР Г. Яцкевичуте) нет ничего болезненного. Молодая жажда света, жизни — вот что неожиданно увидел Курауcкас в Освальде, открыв в нем тот бунтарский дух, который был свойствен самому драматургу.

Освальд — Курауcкас.

Художник, влюбленный в солнце, в радость, в людей, Курауcкас намеренно акцентирует в роли все эпизоды, где его герой говорит о самом дорогом — о творчестве. Такой Освальд действительно может произносить высокие слова о радости труда и радости жизни.

Благодаря новаторскому прочтению роли Освальда, пьеса выходит далеко за пределы «семейной драмы». «Солнце» — последнее слово Освальда. И хотя пьеса кончается сценой беспамятства Освальда, Курауcкас произносит эту краткую реплику ясно, осмысленно. В его интонациях — требование и надежда. Человек лишен солнца, но по-прежнему рвется к солнцу!

Е. ЛУЦКАЯ

РУССКОЕ СЕРДЕЧНОЕ ИСКУССТВО

Он мог бы, если б захотел, стать профессором живописи, жить в Петербурге. Большая, серьезная слава сопутствовала его творчеству. Событием в мире русского искусства второй половины прошлого столетия, не бедном именами великих мастеров, были картины художника-передвижника Василия Максимовича Максимова: «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу», «Семейный раздел», «Больной муж», «Бедный ужин»...

Но его не манила слава. И чопорный, холодный Петербург тоже не манил. В избе-мастерской с тусклыми стеклами писал и переписывал наново свои картины, радовался и мучился живописец-труженик, поэт и печальник правды о русском мужике.

Отсюда, из глубин могучего русского крестьянства, пришел он в искусство. Воспоминания его передают необоримую жажду крестьянского паренька: рисовать, рисовать. «Невестка Варвара не любила мое рисование на стенах, печи и лежанке, но сказать не смела, потому что мать терпеливо снова мыла печи и отбеливала...»

Помните Ваньку Жукова, чеховского мальчишку, который писал на деревню дедушке, как трудно ему живется? Они могли бы сидеть рядом, два большеглазых паренька, этот Ванька и Васька — будущий живописец. Он тоже был на побегушках, получая щедрые тумаки, валился с ног от голодухи и тяжелой, недетской усталости.

Выстоял малый, выжил! Выстоял и окреп в ранних бедах его талант...

Молодой живописец из новгородской деревни Лопино учился вместе с Репиным и Поленовым в петербургской Академии художеств. Летом ездил на родину, к брату, привез оттуда картину «Больное дитя» — о том же, о народном горе. Картина получила золотую медаль академии, а он все еще сомневался, тревожился: «...не есть ли это случайная удача? Имею ли я задаток истинных способностей?»

В русском, прежде всего сердечном искусстве, как говаривал М. Горький, живописец Максимов остался навсегда. Великий мастер, старый товарищ художника, крестьянского певца, Илья Ефимович Репин писал о нем: «Не зарастет народная тропа к этим простым, искренним, безыскусственным картинам народного быта, не грандиозны они по размеру, не бьют на вычурный эффект техникой; скромно и задушевно изображает художник быт любимого своего брата-народа».

М. АЛЕКСАНДРОВ

В. Максимов. ВСЕ В ПРОШЛОМ (1889). Государственная Третьяковская галерея

БЕДНЫЙ УЖИН (1879). Художественный музей в Иркутске

В. Максимов. КТО ТАМ? (1879).

Рязанский областной художественный музей

НЕДАВНО ИЗ АМЕРИКИ

А. СТАРКОВ

Я недавно из Соединенных Штатов Америки, из туристской поездки.

В ушах у меня все еще крик газетчика возле Таймс-сквера в Нью-Йорке: «Чудовищная бомба красных!» Перед глазами черная пляска заголовков: «Америка предупреждает Россию», «Наши руки развязаны...» И злобный антисоветский плакат в полдома как раз против здания ООН, так что он виден всем выходящим с заседания Генеральной Ассамблеи. А руки у меня еще липкие от прикосновения к дрянной книжонке под названием «Облик Америки», которую следовало бы назвать «Облик клеветы». Она напечатана по-русски, и в ней не про Америку больше, а про нашу страну и наших людей — грязь и пакость ведрами. Она словно бы случайно оказывалась в гостиницах к моменту появления советских туристов, и портье любезно вручали нам ее вместе с ключом от номера...

Это Америка? Не хочу про такую, противно. Хочу про ту, которую считаю настоящей. Она сложная, и не туристу за каких-нибудь две недели разобраться в ней. Поэтому тут будут самые беглые наблюдения, тут встречи, иногда мимолетные, иногда переходящие в знакомство.

И первая — с Диком, с его друзьями Эдвардом и Хэроллом, невестой Дика Анной, ее подругой Маргарет и еще одной ее подругой, Джери, с которой мы, правда, не встречались, но о которой многое узнали.

Дик — уменьшительное от Ричарда. Отец тоже Ричард, Дик. А Дик — это почти Дима, Дмитрий. «И можете называть меня Дмитрий Дмитриевич...» Это знакомство произошло в вестибюле нью-йоркской гостиницы «Губернатор Клинтон», где мы остановились. Дик и Эдвард, преподаватели русского языка и литературы, пришли, чтобы пригласить нас к себе в гости. О нашем приезде они узнали в обществе «Рука дружбы», членами которого состоят.

«Рука дружбы» — организация новая, недавно созданная в США ветеранами последней войны. Но, кроме ветеранов, здесь и такие молодые люди, как Дик и Эдвард, которым нет тридцати. На войне они, естественно, не были, но им близки цели, которые ставит перед собой «Рука дружбы». А судя по декларации этого общества, цели его таковы: «Подлинный мир может быть окончательно достигнут на основе взаимопонимания, тесного контакта, уважения, доверия, дружбы между американским и русским народами... «Рука дружбы» — это бескорыстная, неполитическая, финансируемая частными лицами организация, которая считает, что люди, испытавшие и пережившие ужасы войны, скорее поймут друг друга, и их стремлению жить в мире не помешает ни различие языков, национальностей, ни разница в образе жизни...»

На эмблеме этого общества — земные полушария и над ними — над материками, над океаном — две руки, соединившиеся в крепком пожатии: СССР и США. Что ж, такая эмблема нам по душе. Руки дружбы — это хорошо! Мне вспоминаются слова президента недавно созданного Института советско-американских отношений профессора Н. Н. Блохина. По его образному выражению, мы готовы построить через океан мост дружбы и сотрудничества. Для такого моста есть надежная база. Это — мирное сосуществование государств с различными социальными системами. Принцип, который лежит в основе внешней политики нашего государства с первых дней его жизни...

...Итак, мы едем к нашим новым нью-йоркским знакомым. Нас, москвичей, трое: кроме меня, Владимир Романович, редактор одного издательства, и Мария Федоровна, преподавательница историко-архивного института. Машину ведет Эдвард. Он и так-то, кажется, не очень разговорчив, а за рулем молчит всю дорогу. Но его немоту с лихвой восполняет Дик. Мы уже знаем, что его называют «великоросс». Это, во-первых, за огромный рост, а во-вторых, за приверженность к русской литературе, к русской истории. Откуда у него этот интерес? О, еще с того времени, когда он жил на острове Святого Лаврентия, в Беринговом море. Он провел там полтора года на метеорологическом посту. Их было двое — сержант и солдат. Пост на самом берегу. А противоположный берег — бухта Провидения, Россия. США и СССР тут совсем рядышком, их разделяет узенький пролив. В хорошую погоду видны постройки. Дик много думал о таинственной земле, которая открывалась его взору. В маленькой библиотечке на посту были две-три книги о России. Он прочел их, и ему захотелось узнать больше об этой удивительной стране и ее людях, и так начался его интерес ко всему русскому. Русский язык, русскую литературу, историю он изучал в университете. А потом он поехал в эту страну, от которой его раньше отделяли какие-нибудь десятки километров пролива, а теперь нужно было проделать тысячи миль. Он поехал как турист. Ему говорили: ты увидишь только то, что тебе захотят показать. Тебя провезут по наезженному маршруту, и ты даже на метр не сможешь отклониться в сторону... А ему хотелось побывать во Владимире, в Суздале, посмотреть древние княжеские владения. И в Москве ему сказали: «Пожалуйста!» Потом он собрался в Новгород, на археологические раскопки, и ему дали напрокат «Волгу», и он поехал один, ориентируясь по маршрутной карте. Неподалеку от Новгорода его остановил на перекрестке человек и попросил подбросить в город. Этот человек возвращался из командировки, он был, кажется, адвокат. Он спросил Дика: «Вы откуда?» И Дик сказал: «А как вы думаете, откуда я?» «Вы, наверное, москвич»,— сказал тот человек. «Нет,— ответил Дик,— я живу западнее Москвы». «В Смоленске?» «Нет, западнее». «В Минске?» «Еще западнее. Я живу в Нью-Йорке». «О,— воскликнул спутник,— так вы иностранец?»

— Он, конечно, сразу догадался, что я иностранец,— сказал нам Дик.— Но он хотел сделать комплимент моему знанию его родного языка. И я оценил эту истинно русскую деликатность...

Тем временем мы подъехали к дому, где живет невеста Дика — Анна. Она снимает здесь комнаты вместе со своими подругами Маргарет и Джери. Они подружились еще в колледже. Все три — учительницы. Впрочем, Маргарет изменила своей профессии. Вернее, ей не удалось устроиться по специальности — преподавать английский язык,— и она пошла в стюардессы. Вот только что вернулась из Вены. Летает по всему свету. Нет, еще не по всему — в Советском Союзе не была. Но сейчас собираются как будто открывать прямую авиалинию Нью-Йорк — Москва. Она постарается попасть на эту трассу. Она столько слышала о Москве от Дика и Эдварда, счастливчиков, которые бывали там...

Анна приготовила для нас коктейль. Разговор всякий. И очень откровенный, при расстегнутых, как говорится, воротничках. О литературе, о писателях, русских — Гоголе, Достоевском, американских — Хемингуэе, Фолкнере. О Толстом, Чехове и снова в связи с ними о Хемингуэе, который любил этих писателей. О кино. Что лучше — «Баллада о солдате» или «Судьба человека»? Дик за «Солдата», Эдвард за «Человека». Анна примиряет их, говоря, что обе картины одинаково превосходны, очень человечны, американское кино не знает просто ничего равного им... Находятся и чисто практические, профессиональные интересы. Например, у чуть припозданившего Хэролла. Он пытает нашу Марию Федоровну. Оба историки, Мария Федоровна к тому же архивист, а Хэролл разыскивает рукописи средневековых итальянских философов. Нет ли чего в наших, советских архивах? Мария Федоровна дает ему исчерпывающую консультацию. У Хэролла есть еще вопросы... Но Анна уводит гостью на кухню, она хочет показать ей свои предсвадебные покупки. Свадьба через три недели. Она дважды откладывалась, были всякие обстоятельства, но сейчас — твердо... Мы с Диком тоже заглядываем на кухню. Анна показывает электрическую мясорубку и еще какую-то утварь.

— Путь к сердцу мужа лежит через его желудок,— говорит Дик, вспомнив чью-то мудрую мысль.

На столе подарки друзей к свадьбе. Мария Федоровна присоединяет к ним московскую «матрешку», внутри которой еще четыре.

— А у вас чтобы было семь! — говорит Мария Федоровна.

— Восемь! — уточняет Дик: он любит четные числа.

Анна должна быть хорошей матерью — она воспитательница в детском саду.

— Желаю вам счастья! — говорит Мария Федоровна.

— Чтобы не было войны...

— Чтобы не было войны! — с силой повторяет эти слова Анны Мария Федоровна, хорошо знающая, что такое война.

Анна последние дни в этой квартирке. Немного грустновато: распадается их дружная девичья корпорация. Собственно, уже распалась: Джери ушла в монастырь. В монастырь? Почему? Анна разводит руками.

— Все это сложно,— говорит Дик.— И еще сложнее объяснить вам. Она посоветовалась с богом...

Дик говорит это без малейшей иронии, совсем серьезно. Оказывается, он тоже уходил в монастырь. Это было в Калифорнии, монастырь святого Прокопия. Для него, Дика, это — пройденное. Пусть и Джери пройдет через такое, коль посоветовал бог. У нее была трудная работа — в школе для психически отсталых детей, — но она любила ее, эту работу. Была на хорошем счету. Даже в журнале о ней напечатали. Вот этот журнал со статьей о Джери. Здесь говорится, что в Америке пять миллионов душевнобольных, и только три процента госпитализированы. Остальные дома. И среди них много детей. С такими детьми и работала Джери... На обложке журнала ее портрет. Миловидная девушка отнюдь не монашеского обличья. Вот еще одно фото. Мне переводят подпись: «В тесной негритянской лачуге Джери выслушивает рассказ матери о поведении ее дефективного ребенка».

Другой снимок: «Джери дает советы родителям». Но что посоветовать? Вот если бы она могла вызволить эту семью из тесной лачуги! Все чаще и чаще приходила она в отчаяние. Она была не в силах по-настоящему помочь этим людям, их несчастным детям. И тогда она обратилась за советом к богу. И теперь будет молиться в монастыре за всех своих подопечных... Джим, ее жених, друг Дика, одобрил решение своей нареченной. Вернее, он смирился с этим решением. Но он будет ждать ее, он будет терпелив.

— А вы бы ушли в монастырь, Анна? — спрашивает вдруг Мария Федоровна.

Анна стремительно прижимается лицом к плечу Дика. И это ее движение, этот ее порыв так понятны. Дик для нее дороже бога...

Хозяева хотят показать нам ночной Нью-Йорк. Куда поедем? Может, к «битникам»? Я читал и слышал об этом явлении в американской жизни. Мятущиеся молодые люди... Те, кто побывал в США, отзывались о «битниках» по-разному. Одни говорили: «Это взбесившиеся от пресыщения сынки и дочки миллионеров... Заросшие юнцы в лохмотьях. Полунагие, лохматые девицы... Дрянь!» Другие говорили: «Нет, в «битничестве» что-то есть. Все-таки это какая-то форма протеста против буржуазной цивилизации, против морали толстых...» И вот есть возможность взглянуть на живых «битников». Едем? Едем!

Снова втискиваемся в маленькую машину Эдварда, и он везет нас через ливень на другой конец города, в Гринвич-Вилэдж, район нью-йоркской богемы. Ночное кафе под названием «Что?». Что ждет нас? Спускаемся в подвал. Красные стены, и на багровом этом фоне лошадиные морды. Полумрак. А в общем-то кафе как кафе: столики, буфетная стойка, снующие официанты. А «битники»? Как они выглядят? Примерно так, как описано выше. Правда, лохмотьев я не приметил, но вид у юнцов довольно растерянный. Девицы босиком. Но их тут не так уж много, «битников», с десяток. Остальная публика одета обычно. Сидят, глазеют на этих пребывающих в полном равнодушии ко всему окружающему бородатых юношей и их босоногих подруг. Спектакль? Во всяком случае, хозяин кафе явно в выигрыше. На «битников», облюбовавших его заведение, приходят смотреть, и оно не пустует...

На крошечной эстраде актер. В свитере, в роговых очках. Не сразу определишь его жанр. Декламация? Нет. Что-то вроде нашего Смирнова-Сокольского? Похоже. Но тут — импровизация, текст рождается на ходу, в словесной стычке. С кем? С «битниками». Он хочет пробиться сквозь их равнодушие, хочет разозлить. Изредка они вякают нечто односложное в ответ. И этого ему достаточно, он сразу взрывается тирадой... Он заметил нас, крикнул что-то Дику, Дик ответил. И теперь в словесном потоке с эстрады я слышу слово «рашен». Он сообщает всем, что в зал вошли русские. Какая-то реплика «битника». Дик насторожился. Актер говорит сейчас гневно, энергично жестикулируя. Потом спрашивает о чем-то Дика, а Дик нас: «Скажите, в каких городах вы родились?» Называем: Саратов... Ашхабад... Новгород... Артист, нагнув к нам голову, напряженно вслушивается и, подхватывая незнакомые ему названия, бросает их в зал: «Саратоф... Ашхапат... Нофгорот...» Оказывается, тот «битник», услышав, что в кафе пришли русские люди, схулиганил. Он выкрикнул какую-то дрянь про русских. Актер взметнулся: «Там — настоящие люди! Не то, что ты, все презирающий и все забывший. Помнишь ли ты отца с матерью? Помнишь ли город, в котором родился? А они помнят! Сейчас я спрошу их об этом. Слушай!» И когда прозвучали названия городов, он продолжал:

«Ты слышал? Они любят свою землю. А что ты любишь? Вот я задам им еще один вопрос. Я спрошу, есть ли у них «битники»... Нет у них «битников»! Как жаль, не правда ли? А может быть, нам поделиться с ними этим добром? Что? Ты тоже хочешь задать вопрос русским? Ну о чем ты можешь их спрашивать, ты, нигде и никогда не работавший? О чем они будут с тобой говорить? Что у вас общего? Ах, ты хочешь спросить про Берлин... Я сам тебе отвечу. На кой черт он мне сдался, этот твой Западный Берлин! Воевать за него? Но у меня есть другие заботы! Честное слово, у меня есть другие заботы...»

И он сошел с эстрады, подсел к нашему столику. А его место заступил поэт в брезентовой робе. Он сказал, что приветствует русских гостей и хочет прочитать свое лучшее стихотворение, посвященное любимой женщине. И начал читать, а Дик стал переводить, но осекся на первых же строчках, потому что делать это при Марии Федоровне было немыслимо...

Под завывание поэта актер рассказывал мне о себе. Его зовут Микки Ро́ман, ему 27 лет, он работает на телевидении. Подготовил недавно новую программу, уже выступал с ней в Сан-Франциско. А здесь, в кафе, — тренировка. Ему нравится дразнить «битников», но сегодня он по-настоящему рассердился. И хозяину кафе это, кажется, не очень понравилось. Плевать на хозяина! Он, Микки, сказал то, что думал. Но хватит об этом! Поговорим о другом. О детях. У него две девчонки. О, у гостя тоже две девочки? Так давайте обнимемся, как счастливые отцы прекрасных дочерей... Потом он взял со стола рекламку кафе и на полях ее написал: «Моему русскому другу на память. Пусть наши народы живут в мире и счастье. Микки Ро́ман».

Час был поздний. Мы собрались уходить. Поэт все еще продолжал про свою любимую женщину. Мы сказали ему «Гуд найт!» и пошли к выходу. На улице, возле кафе, нам подвернулись три совсем юных «битничка», лет по семнадцати. Но бородки у них уже пробились. Один принял театральную позу — грудь вперед, руки в бока — и произнес трагическим голосом:

— Перед вами молодое поколение американцев, раздавленное железной пятой капитализма!

Он паясничал перед русскими, этот сосунок с бородкой. Я вынул из кармана значок. Он, скосив глаза, небрежно протянул руку. И вдруг крик восторга вырвался из груди «битника»: «Га-га-рин!» Но приятель уже выхватил у него значок и отбежал в сторону. Двое набросились на него. Три «равнодушных» юнца сцепились из-за нашего Гагарина!

Трудовая Америка.

...Из Нью-Йорка едем в Филадельфию. По дороге сворачиваем в Принстон, маленький университетский городок, где провел последние годы Альберт Эйнштейн. Мы не могли постоять над его могилой и поклониться его праху, потому что могилы нет и прах, согласно предсмертной воле ученого, сожжен и развеян по свету. Но мы постояли на пороге его пустующего дома.

Перед самой Филадельфией мы снова свернули в сторону, чтобы навестить семью Джеймса Шоу. Он никакой не великий ученый, пока он только студент Колумбийского университета, едущий на каникулы. Отправляясь из Нью-Йорка, он не позавтракал, и хорошо сделал, а то бы проехал мимо кафетерия в Принстоне и не встретил там русских. Ферма его родителей в пятистах метрах от автострады. И они не простят ему, когда узнают, что он повстречал людей из России, не так уж часто бывающих в этих краях, и не привез их в гости. Нет, нет, никаких приемов. Он даже не позвонит домой с дороги.

Но он, наверно, позвонил все-таки или нашел другой какой способ сообщить о нашем приезде. Дом был полон народу. Кроме семьи собственно Шоу, собралось множество их близких и дальних родственников, просто знакомых. На столе было угощение, стояла огромная чаша с ледяным джусом, и около нее заняла пост с такой же огромной разливательной ложкой молоденькая жена Джеймса. Он подошел к ней, ласково коснулся плеча и сказал нам по-русски: «Мама». Она ждет ребенка, она на последнем месяце.

Мы недолго пробыли в этом гостеприимном доме. Туристский график жесток: рожок зовет в дорогу... Все Шоу, все их родичи вышли нас провожать. И шофер уже положил руки на баранку, как вдруг Джеймс вспрыгнул на подножку автобуса. Он спросил, нет ли у нас с собой магнитофона, у них он сломался. Нет? Жаль. Но он все равно скажет нам то, что приготовил сказать на магнитофон.

— Как мы были рады вам! — сказал он. — Вы произвели большое впечатление на всю мою семью... Я собираюсь посвятить себя политической деятельности и, возможно, стану конгрессменом. И я обещаю вам пронести интернациональный опыт этой нашей встречи через всю мою жизнь... Мы не знали с Энн, чем отблагодарить вас за оставленные нам подарки. Есть ли среди вас незамужние или неженатые люди?.. О мисс, я вручаю вам вот эту серебряную ложечку, которую мы купили на зубок нашему будущему ребенку. Но мы дарим ее вам и желаем счастливого замужества, и когда у вас родится дитя, пусть эта ложечка будет ему на зубок, пусть она принесет ему счастье... До свидания в Москве! Мы с Энн собираемся побывать у вас в гостях еще до того, как состаримся...

Теперь о том, как мы были в гостях у мистера Бенсона, преподавателя Пенсильванского университета в Филадельфии. «Зовите меня Матвей Яковлевич», — сказал он. Родители его — выходцы из России, сам он там не был, но собирается съездить. А пока в переписке с московскими лингвистами. Он составляет словарь русских фамилий, и ему нужна кое-какая консультация... Мистер Бенсон и его супруга были очень милы, очень предупредительны, очень деликатны, принимая нас у себя в доме. Но той простоты в общении, которой не создашь искусственно и которую мы ощущали в гостях у Дика и его невесты, на этот раз не получалось. Что-то тяготило мистера Бенсона, какой-то червячок точил его изнутри. Наконец он собрался с духом и сказал:

— Разрешите задать вам три вопроса?

— Пожалуйста.

Первый вопрос был о частной собственности. Есть ли она у нас в стране? Мы объяснили Матвею Яковлевичу про частную собственность, объяснили, как могли, и он, слушая, кивал головой, но, кажется, это не было самым главным, что его интересовало. Последовал второй вопрос. Вернее, не сразу последовал. Сначала была маленькая разведка.

— Вы москвичи?

— Москвичи.

— И у вас имеются, конечно, друзья в Москве?

— Разумеется.

— Скажите... — Он даже воздуху заглотнул дополнительно. — Скажите, а есть среди них евреи?

Фото автора.

— Есть...— сказал один из нас.— Я еврей.

— Как! — воскликнул потрясенный этим сообщением мистер Бенсон.— Вы еврей?

— Да, еврей.

— И живете в Москве?

— Живу в Москве.

— И приехали в Америку?

— Приехал в Америку.

— Удивительно, — сказал мистер Бенсон.— Я считал, что... Нет, вы разрешите мне сейчас же позвонить моим друзьям. Я должен сообщить им, что у меня в гостях еврей из Советского Союза.

— Может быть, вы это сделаете завтра? А пока мы продолжим нашу беседу...

— Хорошо, хорошо, я это сделаю завтра...— сказал мистер Бенсон, очень растерянный, очень смешной в эту минуту.

Представьте себе: у человека была некая стройная концепция, которую он старательно вынашивал, баюкал, холил, и вдруг она оказалась ни к чему, вдруг она взяла и рассыпалась на глазах, вот так, запросто, при первом же, так сказать, столкновении с действительностью...

После некоторого отдыха мистер Бенсон задал нам третий вопрос. Собственно, это был даже не вопрос, это была его точка зрения на берлинскую проблему. Мне трудно пересказать мысли мистера Бенсона: он излагал их долго и сложно. В основе было вот что. Он понимает справедливость требований Советского Союза, но нужно же считаться и с престижем Америки, которая дала обещания западным немцам.

— Значит,— сказали мы,— на одной чаше весов справедливость, на другой — престиж?

— Пойдемте к столу,— сказал Матвей Яковлевич.— Жена что-то приготовила для нас.

И мы пошли к столу, и хозяин больше не задавал вопросов. Мы тоже ему не задавали. А могли бы.

Кстати, о вопросах. В инструкции, которую общество «Рука дружбы» распространяет среди своих членов, я прочитал: «Многие русские сомневаются в миролюбивых намерениях Америки и, встретившись с вами, могут спросить: действительно ли Соединенные Штаты хотят мира? Почему же они окружают СССР военными базами? Почему не соглашаются на полное разоружение? Почему на военные цели уходит почти половина государственного бюджета США? Не стремитесь искать убедительных доводов по этим вопросам, а постарайтесь дать положительный ответ, по существу: Америка хочет мира и активно борется за него...»

Не правда ли, логика железная?

Но мы, повторяю, не задавали ни этих, ни других вопросов, когда были в гостях у мистера Бенсона.

Мы не только ходили по гостям в Америке.

Взлетали в сверхскоростном лифте чуть не на самую вышку знаменитого «Эмпайра», чтобы обозреть с этой верхотуры весь Нью-Йорк. И спускались по шаткой деревянной лестничке к подножию «Фаты невесты», одного из трех ниагарских водопадов. Мы прошли степенным шагом через золотой, зеленый, синий и красный залы Белого дома. Мы посетили обе палаты конгресса, это обошлось нам в полдоллара на брата, но зато мы увидели, как сенатор Хэмфри похлопывает по спине сенатора Кейси, а сенатор Кейси подталкивает в плечо сенатора Хэмфри, и мальчики-бои, сидящие на ступеньках президиума в ожидании распоряжений боссов, меланхолично жуют жевательную резинку, а полицейский расхаживает по балкону и следит, чтобы туристы не засиживались тут больше оплаченных десяти минут, и все это называется заседанием сената.

Побыли мы и в Пентагоне, точнее, под Пентагоном: нас провезли сначала вокруг этого гигантского каменного пятиугольника, а потом туннелем под ним, видимо, для того, чтобы мы ощутили на своих плечах всю его мощь. Маршрут, который приводит к Пентагону, таков: Капитолий — монумент Вашингтона — памятник Линкольну — Харлингтонское военное кладбище,— все это по прямой, на одной оси, а затем поворот от кладбища к Пентагону...

Мы старательно работали свою туристскую работу. Интересно было? Очень. Но, право же, я отдам и Капитолий и Белый дом с Пентагоном в придачу за одно только знакомство со старым Лео Долкартом и его семьей.

Он пришел к нам в гостиницу и представился:

— Инженер первой пятилетки... Очень прекрасно!

Очень прекрасно, что мы приехали в Чикаго. Он рад землякам. А как же, он родился в России! Это целая история. Прадед его, француз, был солдатом наполеоновской армии. Знаете Бородино? Его ранило там в живот, он валялся по госпиталям, был брошен отступавшей армией. Русские вылечили его, и он остался жить в России. Есть такой город Екатеринодар, правильно, теперь Краснодар. Он, Лео, учился в екатеринодарской гимназии. Но потом отец поехал со всей семьей в Америку на Чикагскую промышленную выставку и остался здесь. Это было 58 лет назад. Лео мечтал побывать на родине. Мечтал, когда был студентом. Мечтал, став инженером-электриком. А поехал, когда уже стукнуло 50. Фирма, пригласившая его в качестве консультанта, называлась «Госпроектстрой». Это где-то около Красной площади. И недалеко от гостиницы «Метрополь». Она и сейчас так называется? Очень прекрасно! Он в ней снова остановится, когда приедет. Обязательно приедет. И нужно поторапливаться. 80 лет — это уже не 79, это 80! Хочется съездить и на Волгу, и в Харьков, и в Челябинск. Там, на тракторных заводах, может быть, еще хранятся старые чертежи с его подписью. Может быть, найдутся и люди, помнящие его. Он с удовольствием работал с русскими людьми. И они, кажется, были им довольны. Тогда тех, кто хорошо работал, называли ударниками. Вот и он старался быть, как ударник...

— Ого, уже приехали. Ну и гонишь же ты машину, Ральф!

Ральф — сын Лео Долкарта, врач-терапевт. Он привез нас к себе домой. Это в Эвенстоне, предместье Чикаго, маленьком зеленом городке. На пороге дома — все три поколения Долкартов. Отсутствует четвертое, правнук Тим. Но слышен его плач из окна. А потом он перестает плакать, успокоенный, видимо, тем вернейшим способом, которым успокаивают всех младенцев на свете.

Нам было хорошо в этой семье, очень как-то уютно. И не потому, что нас потчевали отличным холодным свекольником, приготовленным хозяйкой дома по рецепту старого Лео, знатока русской кухни. И не потому, что крутили пластинки с русской музыкой — от «Калинки-малинки» до Прокофьева. И не потому, что ребята показывали нам свои любимые книги, и среди них были русские классики. А потому мы чувствовали себя хорошо в этом доме, что нас не принимали за «снежных человеков», неожиданно свалившихся на американскую землю. И не таращили на нас глаза, не задавали наивных вопросов. Здесь уже многое знали о нашей стране от деда Лео. От деда был и дух уважения к Советскому Союзу, к советским людям... Мы почти не говорили о политике. Только раз Ральф Долкарт сказал что-то недоброе о местной газетке, которая нет-нет да подлаивает на «красных». К сожалению, редактор этой газеты — постоянный его, Ральфа, пациент.

— Мистер Ральф,— спросил кто-то из нас,— а не повредит ли вашей семье наш приезд к вам?

Он не сразу ответил, он взглянул на отца, на жену и сказал:

— Нет, врачу это, пожалуй, не может помешать.

— Хорошему врачу,— добавил старик,— очень прекрасному. Когда болит печенка, наплевать тебе на политические убеждения врача, который хорошо тебя лечит. А Ральф умеет это делать!..

...Всякое мы видели в Америке!

Побывав на Ниагаре, возвращаемся из Буффало в Нью-Йорк. Поезд — 90 миль в час — летит почти без остановок. Но вот остановка. Станция Сиракузы. В окно вижу двух стоящих на платформе мужчин. Высокий, темноволосый, красивый, с этакими интеллигентными мешочками под глазами, в превосходно сшитом темно-синем костюме, с черным лакированным чемоданчиком в руке. Второй — низенький, совсем не шикарный, стрижен ежиком, лицо простоватое, костюм из дешевых, серенький. И вот они входят в наш вагон. И мой сосед взволнованно шепчет мне: «Ты погляди, ты погляди на их руки...» Гляжу, правая рука высокого прихвачена наручниками с левой рукой низенького. Первая мысль: «Бежали из тюрьмы»... Чушь какая! Беглецы избрали бы другой способ передвижения, а не пассажирский вагон. Но кто же они? Преступник и сыщик, который везет его или в тюрьму, или к шерифу... Кто же уголовник, а кто детектив? Это еще неясно. Они садятся посередине вагона, высокий — к окну, маленький — у прохода. Никто, кроме нас, конечно, не обращает внимания на эту пару. Дело, видно, обычное. А мы волнуемся, для нас это — невиданное, мы не спускаем с них глаз. И это, кажется, беспокоит того, что в сером костюме, маленького. Он явно сыщик, правая его рука свободна, а правый карман пиджака оттопырен револьвером. Тот, что поинтеллигентней, тот, что в белоснежном накрахмаленном воротничке,— преступник. Гангстер, фальшивомонетчик, а может, просто человек, не уплативший налогов, не явившийся вовремя к шерифу и теперь доставляемый в наручниках, которыми он прикован к сыщику. Вернейший способ, не убежит... Но до чего же они милы, вежливы друг с другом, улыбаются, шутят; сыщик вынул газету, разделил ее пополам, отдал половину «соседу», они читают, оживленно комментируют, над чем-то смеются, кого-то осуждают. Удивительное для нас зрелище! Хочется их сфотографировать. Но гид предупреждает: делать этого нельзя, можешь оказаться третьим в их «симпатичной» компании. Глядишь на них, и если бы не стальной «браслет» — друзья, едут в гости... Вот одному захотелось выйти ненадолго — выходят вместе, другому потребовалось — снова вместе. Потом заснули, в унисон друг другу похрапывая, проснулись, закусили, и угощал, между прочим, преступник, вытащивший свободной рукой жареную курочку из чемодана. А разрывали ее на кусочки уже вместе, ловко орудуя и свободными и скованными руками. И, знаете, мы как-то привыкли к ним за восемь часов езды. Когда мы вышли в Нью-Йорке из вагона и шли к автобусу, эти двое стояли в сторонке, поджидая, наверно, полицейскую машину. И мы помахали им на прощание, все-таки чуть не целый день ехали вместе. И они тоже помахали нам в ответ рукой, то есть двумя руками, схваченными стальным «браслетом». Они и сейчас у меня перед глазами, эти руки. Америка...

Всякое мы слышали в Америке!

Были мы в школе. По коридорам, по классам, по лабораториям вел нас директор, принципал, как здесь говорят, мрачноватый человек. Привел в спортивный зал. Шведская стенка, баскетбольные стойки, груда мячей, шлемов и наколенников для футбола.

— Здесь, — говорит принципал,— мы готовим наших парней сражаться с вашими...

— На спортивных полях,— уточнил кто-то из нас.

— На разных полях,— поправил принципал.

Но я уже сказал вначале, что не хочу про такое. Хочу закончить этот рассказ о поездке в США словами Дика, которые он сказал нам на аэродроме, когда мы прощались.

— У вас, — сказал он, — есть друзья в Америке. Много друзей. Больше, чем недругов. Это говорю вам я, Дик, ваш друг. И можете мне верить!

ПОЧЕМУ МЫ ПЛОХО БЕГАЕМ?

(Размышления на трибуне)

В. ВИКТОРОВ,
В. ПЕТРУСЕНКО

Что с вами, бегуны!

Вот и пройдена последняя прямая. Позади сверхмарафонская дистанция — полгода в движении, в борьбе. Да, наши сильнейшие легкоатлеты провели поистине большой сезон. Сколько за плечами соревнований, рекордов, побед! Сколько встреч со знаменитыми на весь мир соперниками и на своих стадионах и за рубежом!.. Старт, взятый в весеннем Киеве, увел легкоатлетов в Москву, Прагу, Бухарест, Берлин, Софию, Лондон, и вот последняя прямая — в осеннем Тбилиси. Чемпионат страны, полторы тысячи участников, последние призовые медали года.

Да, сейчас можно, пожалуй, смело утверждать, что наши легкоатлеты не ударили, как говорится, лицом в грязь. Ведь для того, чтобы тягаться на равных с американцами, спокойно побеждать английских и многих других соперников, надо прыгать высоко, метать далеко, бегать...

Вот тут-то, дорогой читатель, мы и запнулись на гладком месте. Да, казалось бы, что для побед надо и бегать быстро. Но этого нет. Бегать быстро мы еще не научились. Разыгрываются призы имени братьев Знаменских. И что же? Победы наших метателей и прыгунов омрачены последовательными неудачами бегунов. Мы не увидели ни одного советского спортсмена на пьедестале почета после бега на 100, 200, 400, 1 500 метров. Был проигран бег на 10 000 метров.

Эта картина с удручающей точностью повторилась вскоре и на матче СССР—США, с той лишь разницей, что здесь нам удалось победить в стайерском беге, но не удалось выиграть дистанцию на 800 метров. Но это была не самая большая неудача. Из Софии с Универсиады, где Валерий Брумель и Тамара Пресс установили мировые рекорды в прыжках в высоту и метании диска, наши бегуны привезли только две золотые медали, полученные за победу в барьерном беге и в эстафете. И, как бы подчеркивая крайнюю тревожность создавшегося положения, легкоатлеты Российской Федерации, выигравшие матч в Лондоне у сборной команды Англии, добились этого лишь ценой усилий метателей и прыгунов и вторыми, третьими местами в беге. В Лондоне нам не удалось выиграть ни одной дистанции гладкого бега. Впервые за всю историю этих встреч мы уступили первенство сразу на двух стайерских дистанциях, причем ветеран Пири выиграл 5 000 метров с посредственным временем — 14 минут 15,6 секунды, вторым был также английский бегун и лишь третьим — наш Ефимов.

Чуда не случилось

И вот мы сидим на трибуне тбилисского стадиона «Буревестник», всматриваемся в лица лучших легкоатлетов страны, знакомимся с молодежью, беседуем с тренерами — воспитателями спортсменов. Нам хочется найти ответ на многие вопросы, которые не могут не волновать любителей легкой атлетики.

Снова на чемпионате страны с удивительной последовательностью повторяется та же картина: блестящие результаты прыгунов, метателей и удручающая посредственность результатов в беге. Ну, а как реагировали на это организаторы спорта?

Бросалось в глаза удивительное противоречие. То, что Валерий Брумель взял высоту 2 метра 22 сантиметра, то, что Василий Руденков метнул молот на 68 метров 95 сантиметров, установив новый всесоюзный рекорд, то, что трое участников послали копье за 81 метр, то, что Ирина Пресс установила мировой рекорд в пятиборье, то, что Татьяна Щелканова прыгнула в длину на 6 метров 50 сантиметров (результат, не ставший мировым рекордом только из-за попутного ветра, превысившего установленную норму),— все это принималось как должное и никого не удивляло. А вот что Вадиму Архипчуку удалось пробежать 400 метров за 47 секунд (хотя всесоюзный рекорд — 46 секунд — стоит уже шесть лет), что в забегах на 100 метров Э. Озолину, Л. Бартеневу и Н. Политико удалось показать время 10,3 секунды (хотя это всего лишь повторение всесоюзного рекорда десятилетней давности), вызывало восторг тренеров. Не говорит ли это о том, что кое-кто свыкся с невысокими результатами бегунов, как бы примирился с ними? Вот так и получается: везем за рубеж бегунов на проигрыш, заранее рассчитывая лишь на одно, чтобы принесли они команде самый минимальный результат — очко или два.

Тут пришло время поговорить о гипнозе цифр. Учитывается суммарность победы, и отодвигаются глубоко в тень проигрыши в отдельных видах. Это опасный гипноз. Ведь на всех легкоатлетических соревнованиях прежде всего почетны первые места на финише. Подобное утверждение является такой же прописной истиной, как и то, что бег — основа легкой атлетики. Мы еще раз вспомнили об этом, наблюдая за ходом борьбы на тбилисском стадионе.

Бег. Какое широкое содержание заложено в этом коротком слове! Тут и стремительные движения спринтеров, и хитроумные тактические комбинации средневиков, и психологические споры стайеров, и волевой подвиг марафонцев! Да, бег — это настоящее зрелище! И с какой надеждой каждый раз ждали зрители очередного старта и каким гулом сопровождали они борьбу соперников! В Тбилиси мы видели бегунов всех профилей. Среди них было немало таких, с которыми мы впервые познакомились на беговой дорожке стадиона «Буревестник». И каждый раз мы надеялись, что появится среди них свой Брумель, бегун неограниченных возможностей. Ведь так и было в свое время в прыжках в высоту. Много лет топтались спортсмены у заколдованного двухметрового рубежа, никак не могли переволить через него, а потом вдруг свершилось. «Почему же не может случиться это «вдруг» сейчас, на беговой дорожке?» — спрашивали мы себя. Но забег проходил за забегом, листки судейских протоколов накапливались в наших портфелях, столбиками вытягивались на этих страничках фамилии и цифры, а чуда так и не произошло: беговой Брумель не появился. Больше того, почти все победители—уже известные спортсмены, а результаты, показанные ими, уступают даже достижениям прошлогоднего первенства. Так было на дистанциях 200, 800, 1 500, 5 000, 10 000 метров. Лишь на полуторакилометровой дистанции прозвучало новое имя — Валерий Караулов. В этом сезоне он уже добился почетного второго места в Лондоне, теперь он был первым в Тбилиси. Но каков вес его успеха? Москвич Караулов завоевал золотую медаль с посредственным результатом — 3 минуты 51,2 секунды. Для сравнения напомним, что прошлогодний чемпион Н. Маричев закончил дистанцию за 3 минуты 46,9 секунды, а всесоюзный рекорд И. Пипине, который стоит

Где тень Петра Болотникова?

четыре года, равен 3 минутам 41,1 секунды. И от этого рекорда до мирового еще пять с половиной секунд. Нерадостные сравнения.

До сих пор бег на 1 500 метров был у нас самым больным местом. Теперь к нему прибавился и стайерский бег, где совсем недавно мы были так сильны. Правда, Болотников никому в мире не уступает первенства на дистанции 10 000 метров. Но разве нам достаточно одного Болотникова? Когда выступал Владимир Куц, его «тенью» всегда был Петр Болотников. А где «тень» Болотникова? Ведь там, где олимпийский чемпион не выступает, мы проигрываем. Вспомните еще раз Софию, Лондон и Москву.

Еще более тревожно положение в беге на 5 000 метров. В этом сезоне не многим удалось показать результат меньше 14 минут. Юрий Смирнов, занявший после Болотникова второе место в Тбилиси, закончил дистанцию за 14 минут 17,4 секунды.

Почему же не оправдались надежды многих? Почему не появились на беговой дорожке свои Брумели? Пользуясь соседством известных тренеров и бегунов, мы и решили задать им этот вопрос. Вот что услышали мы от наших собеседников.

Загадки спринта

Эдвин Озолин, чемпион Советского Союза 1960 и 1961 годов на дистанциях 100 и 200 метров:

— Я увлекся бегом на короткие дистанции, когда мне было 14 лет. Пробежал 100 метров за 10,7 секунды. Сейчас мой лучший результат — 10,3. Итак, вот итог долгих тренировок: сброшены четыре десятых секунды. Увы, не много! Что же мешает нам, спринтерам, показывать более высокие результаты? Нет, не дорожки. Я считаю, что наши дорожки — лучшие в мире. Дело не в них, дело в людях, отборе. В спринте одного трудолюбия мало. Система подготовки должна быть иной. Ошибки начинаются еще в детских спортивных школах. Там надо зани-

Слишком поздно!

маться с молодежью главным образом физической подготовкой, меньше устраивать соревнований с секундомерами и давать больше игр. Я считаю, что если у нас и есть школа спринта, то плохая. Поздно у нас выходят на беговую дорожку молодые спринтеры. Возьмите хотя бы Политико и Прохоровского. Они бесспорно талантливые бегуны, но появились на всесоюзной арене, по сути дела, в прошлом сезоне. Если бы тот же Политико начал брать старты лет пять назад, то, может быть, он бы показывал результат 10,2 секунды регулярно, а не всего один раз, как это ему удалось.

В. В. Атаманов, тренер:

— Знаете ли вы, почему мой ученик Эдвин Озолин победил? Потому что в этом сезоне он много болел. Парадокс? Возможно! Но его болезнь обернулась для него в конце концов успехом. Он мог отдохнуть хорошо душой и телом. Как мы говорим, психологически «расслабиться». И в конце концов он только выиграл от этого. В то время, когда его соперники Бартенев, Политико, Прохоровский все лето не отдыхали от стартов, Эдвин был спасен от этих чрезмерных и, судя по всему, опасных для спринтера нагрузок.

Как видите, знаем мы пока еще о спринте немного. И, что особенно печально, часто варимся в собственном соку, не обобщаем своих маленьких и больших открытий.

Сколько было потрачено времени, пока мы установили, что недопустимо тренировать спринтеров только на высокой скорости. А сейчас мы приходим к твердому мнению, что спринтер не может проводить тренировку только на гаревой дорожке, что ему необходим мягкий, упругий грунт, без этого мышцы быстро утрачивают свою эластичность. У нас же до сих пор стадионы с травяным покровом существуют только для футбола. Пусть бы попробовали мастера кожаного мяча тренироваться на гаревой дорожке!

Много у нас нерешенных вопросов, ну, а в результате, как видите, все те же заколдованные 10,3 секунды, над которыми мы уже бьемся столько лет.

Когда победа не радует...

Василий Савинков, чемпион СССР 1960 и 1961 годов в беге на 800 метров:

— Почему мы проигрываем? Сколько уже лет наши предшественники, а теперь и мы пытаемся ответить на этот вопрос. Конечно, и я не раз пытался. Вот причины, которые я могу назвать: у нас мало международных встреч, и мы редко соревнуемся с сильнейшими средневиками, хотя все они живут под боком, в Европе: немцы, поляки, англичане, венгры.

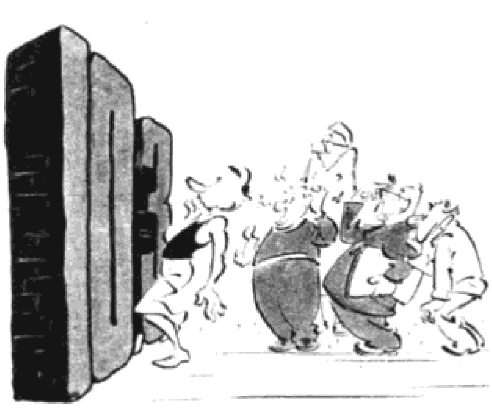
Отсутствие опыта определяет нашу тактическую незрелость. Нет у нас своего Ардалиона Игнатьева, за которым бы тянулись все. Мало у нас способной молодежи, дыхание которой мы чувствовали бы на своих затылках.

В этом году мне удалось установить всесоюзный рекорд — 1 минута 47,4 секунды. Но это почти на полторы секунды хуже мирового рекорда бельгийца Мунса. А много ли у нас бегунов, которые выходят из рамок 1 минуты 48 секунд? Нет у нас таких! Для того чтобы бегать средние дистанции, нужно много тренироваться и, главное, целесообразно: развивать выносливость, не бросать занятий зимой, учиться сохранять силы для финиша. Впрочем, об основных принципах тренировки бегуна на средние дистанции вам лучше расскажет мой тренер Феликс Павлович Суслов.

Ф. П. Суслов, тренер:

— Конечно, я горд тем, что мой ученик Василий Савинков вновь завоевал первенство СССР. Но разве нам достаточно одного Савинкова? Конечно, нет! Наша страна должна иметь десятки таких бегунов. И тогда из них будут выдвигаться средневики класса Мунса и новозеландца Снелла. Отчего же у нас мало классных средневиков? Причин много. Но главная — полнейший разброд в методике тренировки. Все мы, тренеры, действуем кто во что горазд. Вот и получается, что у меня в Алма-Ате Савинков тренируется совсем иначе, чем в сборной команде страны. Разве это может способствовать расцвету бегуна? Я вовсе не сторонник единого метода подготовки средневиков. Нет, это совсем не обязательно. У нас может быть несколько методов. Но должна быть одна принципиальная линия. Однако зачем ударяться в столь высокую материю, если нам просто бегать негде? На гаревой дорожке, как это ни парадоксально, далеко не убежишь. Для тренировок необходимы мягкие травянистые покрытия. Так готовятся англичане: пять дней в неделю они бегают на траве, а мы пять дней портим ноги наших питомцев на гаревой дорожке.

Теперь уже общеизвестно, что средневику полезно тренироваться в высокогорных условиях или на песчаных дюнах, как это делал знаменитый австралиец Эллиот. После тренировок Савинкова в Пржевальске (на 900 метров выше Алма-Аты) его результаты значительно возросли. А у нас научно-методический совет только собирается ставить опыты и проверять эффективность горной тренировки.

Заколдованный рубеж.

Д. И. Оббариус, тренер:

— Мои питомцы — десятиборцы. Но в десятиборье, как известно, входят не только метание и прыжки, но также и бег на короткие и среднюю дистанции. Поэтому у меня есть своя точка зрения на этот наболевший вопрос. Мы все увлечены сейчас проблемами техники, но забываем одну простую истину, что техника требует всесторонней физической подготовки. Нашим бегунам не хватает силы и мощности. Техника — это руки и ноги, но, кроме них, нужны воля, сердце и легкие. Мы не приучаем бегунов терпеть. Лучший пример этому — рекордсмен страны в беге на 1 500 метров Ионас Пипине. Четыре года назад он установил свой рекорд и на этом успокоился; он избегает высоких напряжений, сильных соперников, он рад каждому поводу, чтобы не взять старта. И вот результат: на нынешнем первенстве Пипине не попал даже в десятку. Это все тревожные факты. К сожалению, примеру Пипине следуют и многие другие бегуны. А ведь есть отличное средство для шлифовки волевых качеств спортсмена: прямая беговая дорожка на 200 метров. Эта прямая не дает возможности бегуну отсиживаться до поворота, вынуждает его бежать в полную силу от старта до финиша. Однако, насколько мне известно, у нас есть лишь одна прямая двухсотметровка — во Львове.

От спринта до марафона...

Разные вопросы волновали наших соседей по тбилисскому стадиону, но все они встревожены одним: почему у нас мало высококлассных бегунов? Да, надо признать, что еще рано почивать на лаврах тренерам и спортивным руководителям, хоть многие из них считают, что легкая атлетика уже стала у нас королевой спорта. Они утешают себя командными победами, благополучием средних цифр и блестящими результатами прыгунов и метателей. А вместо этого надо привлечь к бегу внимание молодежи, воспитателей спортивной смены. И для этого есть много различных средств. Почему бы не устраивать эстафет в перерыве между футбольными матчами во многих городах страны, почему бы не создать в крупных спортивных центрах, где имеются тренерские силы, школы бегунов. В самом деле, у нас имеются широко известные спортивные школы прыгунов, метателей, десятиборцев, но, попробуйте, назовите тренера, который посвятил бы себя воспитанию бегунов и добился бы здесь заметных успехов. Таких тренеров мало в спринте и еще меньше в области средних дистанций.

Мы спросили ленинградца, заслуженного тренера СССР В. И Алексеева, воспитавшего большую плеяду метателей, чьи питомцы завоевали в Тбилиси восемь золотых медалей, столько же, сколько легкоатлеты Москвы, почему среди его учеников мы не видим бегунов на средние дистанции. Алексеев ответил: «Их нет, потому что я не люблю бега на средние дистанции».

Ну, что же, тут трудно спорить с известным тренером. Конечно, без любви к делу ничего добиться нельзя. Но неужели же у нас нет тренеров, которые любят и понимают бег так же, как Алексеев — метание, а Оббариус — десятиборье.

Четыре года тому назад он установил свой рекорд.

Без бега не может быть легкой атлетики. Но, видимо, эта прописная истина как-то не доходит до сознания многих специалистов. Иначе чем можно объяснить, что вокруг неудач, которые мы терпим в беге, почему-то не акцентируется общественное внимание. И вот к чему это приводит: как выяснилось, у некогда известных грузинских спринтеров не оказалось наследников. Увы, перевелись здесь сильные бегуны. Ведь на первенстве СССР в Тбилиси ни один грузинский бегун не попал в финал бега на 100, 200 и 400 метров.

Но разве только в Грузии перевелись хорошие бегуны! А где эстонские средневики, где украинские стайеры — преемники Куца и Чернявского? Никто не будет отрицать, что за последние годы советские легкоатлеты выдвинулись в первые ряды и считаются одними из сильнейших в мире. С тем большей настойчивостью следует говорить о том, что мешает нашим спортсменам добиться еще больших успехов.

На чемпионате СССР в Тбилиси внимание всех привлекли выступления десятиборцев. Это был своего рода «гвоздь» соревнования: на стадионе встретились свыше ста лучших десятиборцев страны. Но ведь можно было бы собрать в Тбилиси и сто лучших бегунов на средние дистанции, для того чтобы подчеркнуть значение бега.

Нет, не стали мы свидетелями чуда на стадионе «Буревестник», не увидели мы на беговой дорожке Брумелей. И это имеет свое объяснение: чудо требует системы в тренировке, большого труда. Только в этом случае мы добьемся успехов на дорожке, а разве не ясно, что без сильных бегунов на всех диапазонах — от спринта до марафона — легкая атлетика всегда будет больше походить на Золушку, чем на королеву.

Мечты, мечты!

Рисунки В. Черникова.

Уха с крючками

Фельетон

«...У нас нет сил больше молчать. Вот уже три месяца терзают нас разные расследователи браконьерских жалоб и заявлений. Помогите восстановить справедливость».

Из письма работников инспекции рыбоохраны Брянской области тов. Борисова и Иващенко.

К. ОБОЛЕНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА.

О них писали много. Фельетоны и статьи, карикатуры и кинофильмы создали у читателя стандартный образ браконьера: по-воровски согнувшаяся фигура с ружьем или сетью бредет в темноте к местам запретного лова (охоты). На реке браконьер действует обычно скопом, а посему нахален и опасен для одиночки-инспектора. На берегу (особенно в инспекции) труслив, вежлив и чрезвычайно обходителен.

Основные события нашего печального повествования разворачивались в городе Брянске, а начались они на реке, на чудесной Десне, где инспекторам пришлось вылавливать браконьерские сети.

— Старые знакомые!— воскликнул один из инспекторов, рассмотрев команду браконьерской лодки.— Заслуженные браконьеры реки Десны: подполковник в отставке Зотов, капитан милиции — тоже в отставке — Мельников и Профиренко... Кажется, без определенных занятий? Так, что ли, Профиренко? — крикнул инспектор.

Фигура, выражавшая скорбную позу, неопределенно хмыкнула...

Через полчаса уже другой браконьерский ансамбль, под управлением подполковника запаса Халявина, разыграл историю с невинной прогулкой по реке.

— Немедленно остановитесь! — приказывал инспектор Иващенко.

— Полный вперед! — кричал Халявин своей команде — Смерницкому и Нестеренко.— Вы не имеете права задерживать гуляющих! Вперед, ребята, Десна за нами!

Лодку задержать не удалось, да особой нужды в том не было: нарушителей знали в лицо.

На следующий день в инспекцию потянулись браконьеры. Первым пожаловал Зотов.

— Виноваты, Прохор Савельевич,— слегка заикаясь, обратился он к старшему инспектору Борисову.— Руби голову!..

— Голова пусть останется на своем месте,— заметил руководитель рыбоохраны.— А вот штраф платить придется.

— Так штрафчик мы со всем удовольствием хоть сейчас заплатим. Вот держите — трешница. Ну, была не была, на худой конец — пятерка!

— По тридцать рублей каждый будет платить. И сети конфискуем.

— Ах так!—воскликнул бравый подполковник.— Тогда писать будем. Глядите, голубчики, пожалеете!

Вечером состоялись заседания браконьерских штабов.

— Основное — наступательный порыв,— сверкая очами, воодушевлял своих соратников Зотов.— Будем заходить с флангов. Писать надо во все инстанции!

— Главное, побольше грязи на них вылить,— уточнял Мельников.— Пусть потом, хи-хи, отчищаются! Мы им такую уху заварим, вовек не расхлебать!

— Вроде мы сами виноваты,— робко заметил Профиренко.— Ведь с поличным засыпались.

— Да мы их в порошок сотрем! — в один голос закричали Зотов и Мельников.— Посыплются наши заявления, глядишь, и снимут их с работы. А с нас — штраф...

В другой квартире план наступления на инспекцию составлял подполковник запаса Халявин.

— Что сейчас главное? — обратился он к беспокойно ерзавшим Нестеренко и Смерницкому.— Фактор времени: главное, затянуть уплату штрафа. Только пять месяцев постановление действует. Вот это время и надо продержаться в обороне. Но в какой? В активной!..

— Самим жаловаться,— догадался Смерницкий.

И... заварилась браконьерская уха с крючками надуманных фактов и клеветы. Написанная на машинке и от руки, с юридическими формулировками и нарочито полуграмотная, разлетелась во все концы под копирку размноженная ложь.

Есть такая браконьерская сеть— «подпуск». Это бечева с сотней острейших крючков, за которые цепляется рыба. Вот и закинули ее браконьеры, но на сей раз не в Десну, а в десяток учреждений Брянска и Москвы.

Браконьерская душонка оказалась у всех шестерых. Недозволенные методы лова сменили на запрещенные приемы шельмования людей.

Что писалось? Да все, что взбредет в голову. Было здесь и «незаконное задержание с присвоением сетей» и «гнусный произвол», и «злоупотребление служебным положением». А главным козырем у всех шестерых был старый браконьерский прием: обвинение инспекторов в алкоголизме (поди докажи, что был трезвый!). Главное, побольше дегтя! «Знаем, как порой жалобы разбирают,— рассуждали клеветники.— Нам доказывать не придется. Пусть доказывают они, что этого не было!»

Зотов и компания «взяли на себя» область: обком партии, Управление внутренних дел и областного прокурора. Халявин с дружками действовал в республиканском масштабе. Своими кляузами они завалили Центрорыбвод, Совет Министров, Верховный Совет РСФСР.

Людей, занятых большими, важными делами, клеветники заставляли отвлекаться на расследование вздорных, надуманных фактов. Расчет был простой: «Авось, клевете поверят или на худой конец расследование затянется».

Время от времени браконьеры забегали в инспекцию.

— Пропали ваши головушки! — потрясал перстом Халявин.— Вот видите — квитанция. Верховный Совет нашим делом заниматься будет. Так что со штрафчиком не торопитесь!

— А мы еще выше написали! — продолжали психическую атаку Нестеренко и Смерницкий.

— Куда? — с изумлением переспросили инспектора.

— Куда надо, туда и написано! — отрезал старший лаборант Брянского машиностроительного техникума Смерницкий.— Держи-

---

Едем!

С козырька стадиона «Мидхат-паша» открывается красивый вид на Босфор, Принцевы острова и сбегающую террасами к морю азиатскую часть Стамбула, с лесом высоких минаретов, придающих неповторимое своеобразие городу, когда-то являвшемуся столицей могущественной Византийской империи. От залитой солнцем морской глади веет покоем. А здесь, под нами, на футбольном поле и трибунах кипят страсти. Рев сорока тысяч темпераментных болельщиков спугивает тишину пролива, заглушает редкие гудки теплоходов.

Да, ответный отборочный матч мирового чемпионата между сборными Турции и СССР, состоявшийся 12 ноября в Стамбуле, заставил поволноваться и футболистов и зрителей. Он совсем оказался не похожим на унылый июньский поединок в Москве, когда одна команда непрерывно, но бесплодно атаковала, а другая никак не хотела идти вперед, даже тогда, когда соперник забил гол и терять было нечего.

На этот раз все выглядело по-иному, причем второй тайм резко отличался от первого как по игровой ситуации, сложившейся на поле, так и по поведению зрителей.

Кстати, о зрителях. Признаться, когда нас предупреждали, что их соберется невиданное для Стамбула количество, разговор этот был мне не совсем ясен: ведь трибуны не раздвинешь, а они и прежде не раз оказывались переполненными. Болельщики облюбовали и крутой склон холма, в подножие которого упирался овал стадиона. Хотели даже продавать билеты в этот естественный амфитеатр, да не рискнули: боялись возможных обвалов грунта.

Но картина, которую мы увидели в день матча, превзошла всякие ожидания. Болельщики уже за час до начала заняли все возможные и невозможные позиции, откуда, как говорится, хоть глазком можно взглянуть на стадион (в Стамбуле нет телепередач). Зрители расположились даже метрах в двухстах на обочине шоссе, спускавшегося к набережной за главной трибуной, откуда им открывалась небольшая часть футбольного поля. Я не уверен, знали ли они истинный счет, ибо два первых

те почтовую квитанцию и заявление.

Инспектора пожимали плечами, отмахиваясь от этих посетителей, как от надоевших мух. Впрочем, скоро их оптимизм был поколеблен телефонными звонками из милиции и прокуратуры:

— Тут на вас телеги жалоб поступают. Пишите-ка, товарищи, объяснения...

— Какие объяснения? — ахнули инспектора.— Мы расхитителей народного добра задержали, а теперь еще объясняться должны?

— Вы, друзья, не теми категориями мыслите,— настоятельно заметили в трубку.— К жалобам трудящихся надо со всей серьезностью подходить. Так что готовьтесь!..

Жизнь в инспекции рыбоохраны превратилась в какое-то непрекращающееся судебное заседание. Инспекторов вызывали на беседы и опросы, они писали объяснения и разъяснения к объяснениям. Работало несколько комиссий, московских и областных. Браконьеров ловить было некогда. С утра до вечера все занимались только расхлебыванием браконьерской ухи.

Не успели просохнуть чернила на выводах облисполкома, как Мельников побежал в прокуратуру:

— Караул! В исполкоме с инспекторами заодно. Заместитель председателя Осипов мне так и заявил: факты не подтвердились. Немедленно начинайте следствие! Подтверждайте неподтвержденное!

— Вы что же это — преступников покрывать? — грозно вопрошал в областном УВД вконец обнаглевший Зотов.— Инспектора произвол творят, служебным положением злоупотребляют, а вы меры не принимаете?.. Заводите уголовное дело!..

Не клюнуло у браконьеров ни на один крючок. Вывод у четырех учреждений был один: клевета. Вразумительно об этом говорят документы Центрорыбвода, облисполкома, прокуратуры и Управления внутренних дел. Надежды писак не оправдались. Никто не уволил Борисова и Иващенко.

За браконьерство Зотов, Халявин и Мельников уплатили штраф и получили партийные взыскания. А как же клевета? Так и осталась безнаказанной?

Перед нами заключение Брянского УВД. На одиннадцати страницах лейтенант милиции Петров по пунктам разбирает все измышления клеветников. Перечисляются постановления, определяющие права и обязанности инспекторов. Упоминаются все лица, так или иначе втянутые в эту историю. И вывод: «Жалоба граждан Мельникова, Зотова и Профиренко тенденциозна по своему содержанию и имеет целью очернить законные действия инспекторов госрыбоохраны тт. Борисова и Иващенко... Факты, изложенные в жалобе, при проверке не подтвердились... В возбуждении уголовного дела отказать».

Да-да, так и написано! Решили все-таки не заводить уголовное дело на Борисова и Иващенко, задержавших преступников!

«...Предупредить Мельникова, Зотова и Профиренко об уголовной ответственности... за лживый донос и за клевету».

В конце этой бумаги красуется подпись: «Согласен, полковник милиции Чертов».

А мы не согласны! Не согласны с тем, что можно безнаказанно обливать грязью честных людей. Нас не устраивает, что не умеют в Брянске защищать советских работников от кляузников и доносчиков!

Клеветники-браконьеры и сейчас чувствуют себя как рыба в воде. Мельников после партийного взыскания снова понес свою жалобу в прокуратуру. Халявин попрежнему член Общества по распространению политических и научных знаний. Сравнительно недавно читал он лекции о... защите природы (вот уж поистине инструктаж щуки по выращиванию карасей!). А Профиренко умудрился попасться с сетями на Десне во время разбора своей жалобы.

Нет, не расхлебали еще в Брянске браконьерскую уху.

Почему мы так говорим

ХАНЖА

Происхождение слова «ханжа» связано с арабским словом «хаджи»—паломник в Мекку,—существующим во многих языках народов, исповедовавших магометанство, в частности, в турецком, татарском и других. В известном народном лубке XVIII века «Как мыши кота погребают», сатире на петровское царствование, говорится о «коте казанском, уроженце астраханском», о «мыши татарской Оринке, играющей на волынке», «мышах из-под татарской мечети, которые промеж себя по-татарски лепечут» и о мышах «татарских ханжах».

Несомненно, «ханжа» образовано от названия лицемерных святош «хаджи». Публикуя текст лубка, советские ученые С. Обнорский и С. Бархударов поясняют, что «ханжи (хаджи) — богомольцы».

Слово это встречается в документах петровской эпохи и раньше.

ВИНО. ПУНЦОВЫЙ

Три с половиной тысячелетия назад финикийские корабли плавали по Средиземному морю. Позже они посещали Оловянные острова (нынешняя Британия), заплывали за янтарем в северные моря и даже обогнули Африку. Строили финикийцы не только торговые суда, но и гребные военные корабли: до сих пор живет название финикийского корабля — галера — в западноевропейских и русском (Галерная гавань в Ленинграде) языках.

Финикийцы возделывали оливы и виноградную лозу, но главным их занятием была торговля. Их колонии были даже на теперешних французских и испанских берегах. Пиратствуя и торгуя рабами, они, кроме того, продавали сушеную рыбу, стекло, славившееся тогда вино. Позже римляне с вином распространили по Европе и название напитка, но первоначальное греческое «(в)ойнос» и латинское «винум» восходят к финикийскому «йайн» (вино).

Особенно славилась Финикия окрашенными тканями, не изменявшими цвета ни в морской, ни в кипящей воде. Со дна моря добывали маленькие раковины «мурекс» и «пурпура», дававшие несколько капель драгоценной краски. Это был пурпур (греческое — «порфира»; она упоминается уже у Гомера). Пурпур был привилегией царей и знати, и хотя он был не только багряным, символическое значение приобрел красный пурпур. Римские императоры сделали пурпур знаком императорского достоинства: только они могли носить пурпуровую мантию и богато вышитые пурпуровые тоги. В пурпуровых тогах вступали в город и триумфаторы. В Византии важные акты записывали пурпуровой, «царской» краской.

Древние римляне называли карфагенян и жителей других городов, основанных финикийцами, пунийцами. По знаменитой пурпуровой финикийской краске красный цвет стал по-латыни называться «пуникус», то есть пунический.

Французский язык, происходящий от латыни, унаследовал это «финикийское» слово. Французское «понсо» — дикий красный мак — было заимствовано польским языком для обозначения цвета, а польское «пунсовый» в начале XVIII века перешло к нам. И у нас в старину писали «пунсовый».

И. УРАЗОВ

мяча влетели в сетку ворот, скрытую от их взора, при гробовом молчании стадиона, и лишь гол, забитый турками, на глазах этих безбилетных зрителей вызвал взрыв восторгов, который потряс приморский район и эхом докатился до центральной площади Таксин.

Вторую половину игры турецкие футболисты яростно атаковали. Теперь трибуны неистовствовали. Тяжело пришлось нашему радиокомментатору Николаю Озерову, микрофон которого находился среди бушующего людского моря. А еще труднее досталось нашим футболистам. Но они выстояли, показав, что умеют так же хорошо обороняться, как и нападать.

Порой обстановка крайне накалялась. И раньше доводилось слышать об излишней горячности и пристрастии турецких болельщиков. Поэтому городские власти запретили продажу на стадионе любых напитков в бутылках.

Незадолго до конца игры Яшина атаковали несколько форвардов, пытаясь выбить у него мяч из рук (что вообще-то разрешается правилами). Вырываясь из опасного окружения, Яшин столкнулся головой с левым крайним Лефтером, и тот театрально упал как подкошенный. Немедленно на нашего вратаря налетел задиристый правый защитник Джандемир и схватил его за горло. С трибун прорвалась на поле группа разъяренных болельщиков. Турецкие игроки сами оттащили своего драчливого коллегу, а полиция быстро отогнала обратно на трибуны зрителей.

Надо отдать должное и судье А. Вернеру (Израиль), который не спасовал, как это иногда случается с его коллегами, перед угрожающим гулом трибун, а, правильно разобравшись в случившемся, остановил игру и назначил штрафной за нападение на советского вратаря.

Но было бы неверно по этому эпизоду составлять общее впечатление о матче, в котором в целом спортивный дух на футбольном поле торжествовал с начала и до конца. Несмотря на напряженный характер игры, футболисты действовали вполне корректно.

Итак, 2 : 1. Зажжен зеленый светофор на пути к финалу мирового чемпионата. Весной 1962 года наши футболисты поедут в далекое Чили! Впрочем, сборная отправилась в Южную Америку сразу же из Стамбула, правда, пока для того, чтобы провести разведку боем.

Н. КИСЕЛЕВ

Стамбул.

На снимке: вратарь Л. Яшин в единоборстве с центральным нападающим команды Турции Метиным.
Фото агентства Ассошиэйтед Пресс.

После выступления «Огонька»

«ТРОФИМ ТКАЧЕНКО И ДРУГИЕ»

О Трофиме Ткаченко и других домовладельцах из Днепропетровска, извлекающих нетрудовые доходы, был напечатан фельетон в № 26 нашего журнала. Секретарь Днепропетровского горкома КП Украины товарищ В. Чебриков сообщил редакции, что фельетон обсуждался на исполкоме Красногвардейского районного Совета Днепропетровска, который и принял решение изъять эти домовладения в фонд местного Совета депутатов трудящихся.

Серебристый сувенир

В день открытия XXII съезда КПСС в почтовом отделении Кремлевского Дворца съездов появилась серебристая почтовая марка, напечатанная Гознаком на алюминиевой фольге с гравюры на металле. Устремившийся к Солнцу космический корабль символизирует эру триумфального движения советского народа к коммунизму. Текст на марке гласит: «Слава КПСС! Слава советскому народу!» В дни работы съезда эта марка вновь вышла с надпечаткой «XXII съезд КПСС». Кроме того, письма гасились специальным штемпелем.

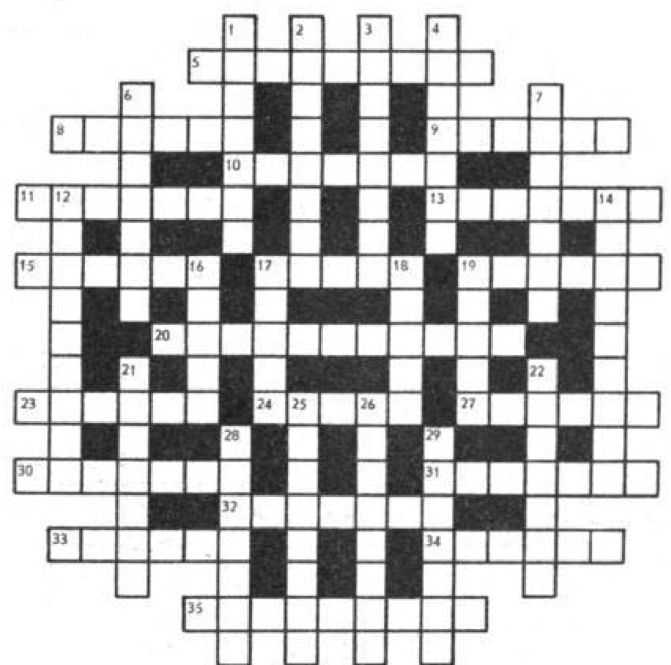
Любопытны изображения звезд. Под разными углами освещения на марке искрятся штрихи рисунка, и звезды как бы мерцают. Автор этой марки — художник В. Завьялов.

М. МИЛЬКИН

Мастера

Печати кожевников,

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Кратер на Луне. 8. Модель земного шара. 9. Сосуд, в котором поддерживается постоянная температура. 10. Птица. 11. Знак препинания. 13. Река в РСФСР. 15. Русский писатель XIX века. 17. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 19. Ткань. 20. Высшее учебное заведение. 23. Планета. 24. Марка советского автомобиля. 27. Слово, обозначающее строго определенное понятие. 30. Запись исторических событий. 31. Поверенный по судебным делам. 32. Прохладительный напиток. 33. Атмосферное явление. 34. Летательный аппарат. 35. Управляемый аэростат.

По вертикали:

1. Автор памятника М. В. Ломоносову у нового здания МГУ. 2. Частица вещества. 3. Старинный женский головной убор. 4. Поэма А. С. Пушкина. 6. Народный музыкальный инструмент. 7. Материал для мозаики. 12. Прибор, измеряющий скорость ветра. 14. Здание для приезжих. 16. Снасть, скрепляющая мачту. 17. Разновидность тюленей. 18. Дерево. 19. Город в Белоруссии. 21. Письменная принадлежность. 22. Специальность врача. 25. Металл. 26. Народное гулянье. 28. Знаменитый русский певец. 29. Танец.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

По горизонтали:

4. Помяловский. 6. Перекат. 7. Китой. 8. Фенек. 10. Номинал. 15. Навигатор. 16. Новоселье. 17. Кипарис. 18. Адмирал. 21. Санитария. 22. Конвертер. 25. Кобальт. 27. Русак. 28. Седов. 29. Кошевой. 30. Архитектура.

По вертикали:

1. Тяжеловоз. 2. Комедия. 3. Эскалатор. 4. «Потоп». 5. Неман. 7. Катализатор. 9. Кульмамедов. 11. Титания. 12. Маринад. 13. «Молдова». 14. Селитра. 19. Кинология. 20. «Вольность». 23. Саженец. 24. Балка. 26. Пенза.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05298. Подписано к печати 15/XI 1961 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 3,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 2116. Заказ 2813.

Ордена Ленина типография газеты «Правда».
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Башни на скалах

Этот снимок сделан в Нижнеудинском районе, Иркутской области. Такие башни встречаются здесь на обнажениях песчаников. Это редкие формы выветривания горных пород.

В. МАЕВСКИЙ, геолог

Нижнеудинск.

СЕРНАЯ «БАБА»

Я побывал на нескольких островах Курильской гряды. На одном из самых северных — острове Парамушире — множество горячих источников, озер, «котлов» с кипящей грязью. Расположены они главным образом на склонах действующего вулкана Эбеко.

Неподалеку от кратеров Эбеко (их три) я наткнулся на любопытную диковину. Ущелье сотрясалось от мощного рева. Источником его было не совсем обычное выделение газов из трещины. Сера в течение длительного времени оседала на поверхности земли и образовала этакую серную «бабу», изрыгающую пары.

Леонид ПАСЕНЮК

КРАСНОЯРСКИЕ СТОЛБЫ

Столбы — государственный заповедник СССР, расположенный в пятнадцати километрах от Красноярска. Последнюю треть пути в сторону от шоссе экскурсанты проходят тайгой по живописной пешеходной тропе среди заповедных сосен, кедров, елей.

Столбы стали широко известны с 90-х годов прошлого столетия, когда рабочие Красноярска использовали эту уединенную местность для проведения нелегальных собраний и массовок. На скалах в Столбах сохранились с того времени революционные лозунги и надписи.

Сейчас здесь усиленно практикуется горный спорт — скалолазание, по-местному — «столбизм».

Профессор Н. СУШКИНА

Правила вежливости

Жил у нас на станции Лазарев пес Парамон. Привезли его совсем маленьким из Мирного на самолете. Это был очень резвый, жизнерадостный и задиристый щенок, поднимавший шум по всякому поводу. Летом, когда стихли жестокие антарктические ураганы и самолеты с геологами стали часто летать в горы Земли Королевы Мод, Парамон почти все время проводил на аэродроме. Однажды в его владениях появились пингвины Адели. Они небольшой стайкой переходили от одного предмета к другому, деловито осматривали тракторы, бочки с горючим... На Парамона они не обратили никакого внимания. Пес, естественно, возмутился таким поведением гостей, бросился к одному из пришельцев и облаял его. Однако вместо того, чтобы испугаться и пуститься наутек, пингвин решительно шагнул к Парамону и стал громко отчитывать невежу. Такой поворот дела оказался для Парамона настолько неожиданным, что он буквально опешил, в изумлении отскочил от пингвина, замер, поджав хвост, а затем опустил смиренно голову, как бы извиняясь за свою невежливость. С тех пор Парамон даже к маленьким пингвинам Адели, не говоря уже о солидных императорских пингвинах, приближался с опаской.

Л. ДУБРОВИН, начальник антарктической станции Лазарев

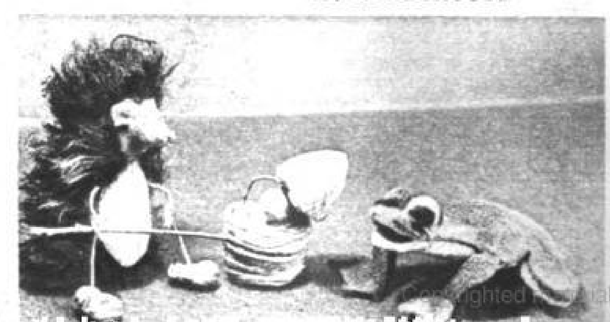

Забавные игрушки

Искусственный мех, кусочки материи и перлон могут при желании превратиться в забавные яркие игрушки. Нужны лишь умелые руки, наблюдательность и вкус. Всеми этими качествами обладает художник-график Мария Дмитриевна Гижевская, проживающая в Москве. С некоторыми из созданных ею игрушек мы и хотим вас познакомить.

Ю. КРИВОНОСОВ

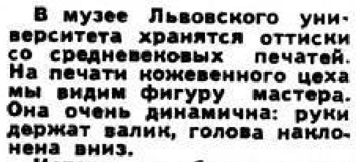

неизвестны

скорняжного цеха, лавочников.

В музее Львовского университета хранятся оттиски со средневековых печатей. На печати кожевенного цеха мы видим фигуру мастера. Она очень динамична: руки держат валик, голова наклонена вниз.

История не сберегла имен талантливых резчиков печатей. Нам известны только имена золотых дел мастеров Яцка-русина, Генриха, Стефана-армянина, Венчеслава, которые упоминаются на страницах одной из старейших львовских книг. Возможно, кто-нибудь из них изготовлял и цеховые печати.

В. ГАВРИЛЕНКО

Львов.

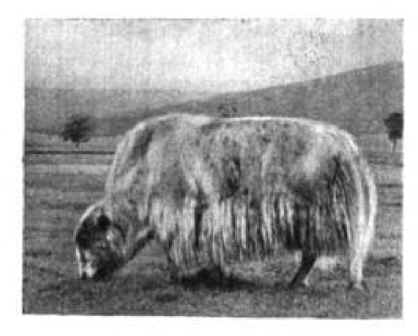

Ловец медведей

Более пятнадцати лет тбилисский охотник-зверолов Аркадий Васильевич Ревазов добывает для многих цирков страны молодых медведей. Сейчас на аренах советского цирка выступают 26 дрессированных «питомцев» зверолова.

Д. ГУЛИСАШВИЛИ

Тбилиси.

БУРЯТСКИЙ ЯК

В Тибетских нагорьях бродят дикие яки. А у нас, в южных районах Бурятии, издавна содержатся одомашненные яки. Их называют сарлыки. Сарлыков обычно скрещивают с местными породами крупного рогатого скота, получаются гибриды — хайныки. Сарлыки и хайныки чрезвычайно неприхотливы. Круглый год они находятся на пастбище и лишь в зимнюю стужу и вьюгу требуют подкормки. Они дают прекрасное молоко и мясо.

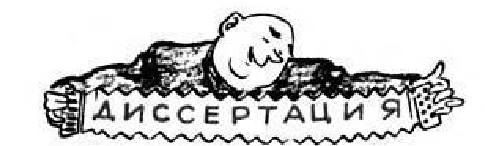
П. НАТАЕВ,
редактор газеты «Закаменская правда».

— Кажется, опять вспышка на Солнце...

Рисунок В. Воеводина.

Без слов.

Рисунок К. Невлера.

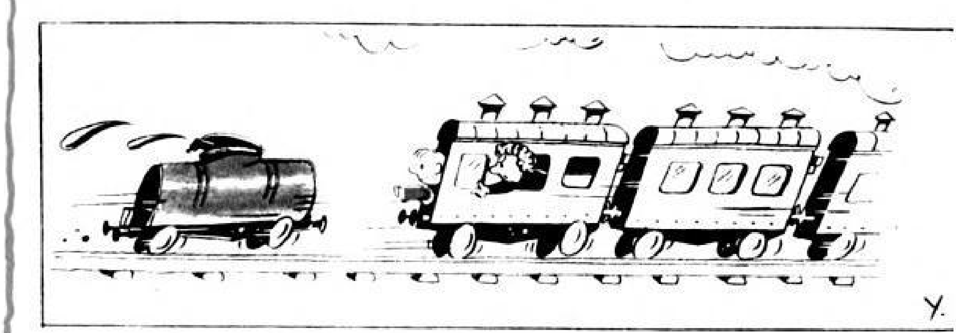
Решил стать классиком.

Рисунок Вл. Гальбы.

Трудный матч.

Рисунок В. Арсентьева.

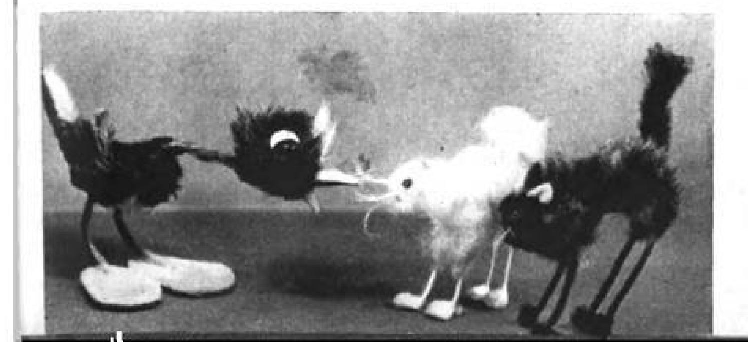

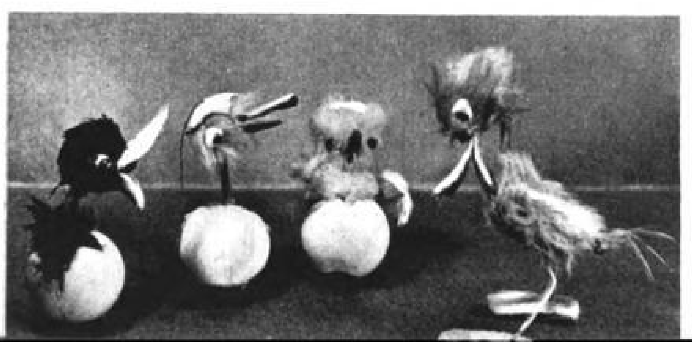
— Вова! Сейчас же брось магнит!

Рисунок М. Ушаца.

На первой странице обложки: Памятник М. В. Ломоносову у здания Московского университета на Ленинских горах. **Фото И. Шагина.**

На последней странице обложки: Машины с зерном идут на элеватор. Саратовская область. **Фото М. Начинкина.**

Цена номера 30 коп.

